PG 3337
.O6 R3

1857

Osnovskii, Nil Andreevich.

Razskazy

РАЗСКАЗЫ

Н. ОСНОВСКАГО.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1857.

PG 3337
.O6 R3
1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, Января 10-го, 1857 года.

Цензоръ *П. Безсомыкинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НЕИСТОВЫЙ ОРЛАНДЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОХОТНИКА.

Лѣто и осень 18** года довелось мнѣ прожить въ одной изъ губерній средней полосы Россіи.

Я гостилъ у одного помѣщика, который даже въ нашъ положительный и меркантильный вѣкъ сохранилъ право называться вполнѣ русскимъ хлѣбосоломъ, и домъ его истинно былъ всегда открытъ для званныхъ и незванныхъ.

Превосходныя охотничьи мѣста; выписка всевозможныхъ книгъ, журналовъ и газетъ; вкусные столъ и вино; превосходный садъ, раскинутый на пятидесяти десятинахъ; ежедневный пріѣздъ гостей-сосѣдей, людей большею частью добрыхъ и умныхъ; образованный, радушный и къ тому же страстный охотникъ-хозяинъ; все это взятое вмѣстѣ сдѣлало то, что я почти

не замѣтилъ какъ прошли или, выражаясь поэтически, канули въ вѣчность пять мѣсяцевъ.

Былъ праздникъ. Гостей понаѣхало довольно. Вечеромъ общество вышло на балконъ. Половина сада, противоположная западу, была освѣщена краснымъ свѣтомъ отъ заходящаго солнца. Воробьи, слетѣвшіеся въ ближайшія клумбы на ночлегъ, ужасно шумѣли. Вечеръ былъ тихъ и тепелъ.

— Скажите, пожалуйста, началъ одинъ изъ гостей: — отчего у насъ на Руси очень мало встрѣчается охотничьихъ статей?

— Должно быть оттого, отозвался кто-то изъ толпы: — что мало литераторовъ охотниковъ.

— Вотъ французы, другое дѣло, подхватилъ третій: — убьютъ какого нибудь хорька, или крота и сейчасъ готова статья въ охотничьемъ журналѣ на десяти страницахъ.

— За то они иногда и пишутъ такія нелѣпости, что порядочному охотнику трудно вѣрить, замѣтилъ четвертый.

— «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», проговорилъ вновь пріѣхавшій господинъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, очень красивой наружности, съ небольшими черными

глазками и тщательно завитыми усами, которые онъ безпрерывно покручивалъ своими тонкими пальцами. Одѣтъ онъ былъ въ очень узкій черный фракъ, надѣвавшійся, вѣроятно, при важныхъ оказіяхъ, и потому еще почти новый. Отличительными частями одежды новопріѣзжаго были жилетъ и фуражка. Первая блестящаго серебристаго цвѣта изъ бѣлаго глазета; а вторая изъ краснаго сукна, носимая, должно быть, въ знакъ памяти по военной службѣ, для приданія болѣе военнаго виду наружности носившаго и для напоминовенія проходящимъ мимо бородкамъ, чтобъ онѣ не забывали снимать свои поярковыя шляпы.

Прерванный на минуту разговоръ возобновился и незамѣтно перешелъ къ медвѣжьей охотѣ.

— Это должна быть страшная и опасная охота, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ на балконѣ.

— Какая тутъ опасность, отвѣчалъ молодой человѣкъ, причесанный à la Листъ, и вслѣдствіе этой прически сдѣлавшійся большимъ любителемъ музыки:—какая опасность, когда на одного звѣря идетъ десять человѣкъ охотниковъ съ двухъ-ствольными ружьями, да человѣкъ двѣсти

кричанъ съ топорами, вилами и другими дреколіями; вотъ у насъ въ губерніи иная рѣчь— тамъ охотникъ идетъ въ одиночку и съ однимъ ножемъ.

— Позвольте, прервалъ другой изъ общества, человѣкъ среднихъ лѣтъ, чрезвычайно смуглый и большой охотникъ до возраженій:—изъ словъ вашихъ замѣтно, что вамъ не хорошо извѣстна медвѣжья охота: вы, во первыхъ, говорите, что десять человѣкъ охотниковъ; этого почти никогда не бываетъ; а если и случается, то довольно рѣдко; обыкновенно, на эти охоты ѣздятъ трое, четверо, да и тѣ разстанавливаются, смотря, разумѣется, по мѣстности другъ отъ друга шаговъ на семьдесятъ, восемьдесятъ, сто, а иногда и болѣе; слѣдовательно, опасность та же, еслибъ вы стояли и одни. Ежели вашъ выстрѣлъ неудаченъ и если медвѣдь вздумаетъ на васъ броситься, то врядъ ли товарищъ успѣетъ подоспѣть къ вамъ на помощь. Ему надо пробѣжать восемьдесятъ или болѣе шаговъ по глубокому снѣгу, а это довольно трудно; медвѣдь же бѣгаетъ чрезвычайно быстро, не затрудняясь на пути никакими препятствіями, кромѣ выстрѣла, да и стрѣляютъ по звѣрю обыкновенно не далѣе двадцати или двад-

цати-пяти шаговъ, почему и самое разстояніе между имъ и вами будетъ гораздо менѣе, нежели до вашего товарища. Во вторыхъ, вы сказали, двѣсти кричанъ: кричане берутся единственно для того, чтобъ окружить мѣстность, на которой лежитъ звѣрь, чтобы не допустить его уйдти. Что же касается до помощи, то она здѣсь еще менѣе имѣетъ значенія, будь облавщиковъ хоть двѣсти, хоть пятьсотъ человѣкъ, потому что они разставляются на такое разстояніе отъ стрѣлковъ, чтобъ даже пуля, въ случаѣ промаха, до нихъ не долетѣла; слѣдовательно, кричанамъ еще затруднительнѣе явиться къ вамъ на выручку. Въ третьихъ, вы утверждаете, что у васъ въ губерніи охотникъ съ однимъ ножемъ идетъ на единоборство съ медвѣдемъ; но это едва ли вѣрно и я не могу съ этимъ согласиться.

— Почему же? спросилъ диллетантъ, нѣсколько обиженнымъ голосомъ, и тряхнувъ своими шелковистыми, длинными и черными какъ смоль волосами.—Ежели вы не довѣряете моимъ словамъ, то объ этомъ есть много печатаннаго, есть много авторитетовъ, подтверждающихъ мой разсказъ, авторитетовъ, которымъ можно повѣрить.

— Обо всемъ этомъ я очень хорошо знаю, много читалъ и еще болѣе слышалъ, началъ опять охотникъ до споровъ:—но все-таки, несмотря на мое уваженіе къ вамъ, авторитетамъ и печатному, я не могу съ этимъ согласиться.

— Да почему же?

— А вотъ почему: начнемъ, во первыхъ, съ того, что вамъ, вѣроятно, никогда не удавалось быть свидѣтелемъ подобной охоты, авторитетамъ, я думаю, тоже; потому что какой нибудь вологодскій или олонецкій лѣсъ, простирающійся нерѣдко на нѣсколько сотъ верстъ не циркъ, не арена; а русскій мужичокъ-промышленникъ не римскій гладіаторъ, вступающій въ единоборство съ звѣремъ для потѣхи публики; а все, что печатается, печатается со словъ разскащиковъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, нерѣдко охотники и до краснаго словца.

Во вторыхъ, какая необходимость промышленнику, добирающемуся единственно до шкуры медвѣдя, идти на него съ однимъ ножемъ и рисковать своей собственной? тогда какъ въ наше время, въ любомъ захолустьѣ, въ каждой почти деревнишкѣ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ охотниковъ, вы найдете ружье. Охота съ однимъ

ножемъ еще могла имѣть примѣненіе, когда не было извѣстно употребленіе огнестрѣльнаго оружія, т. е. во времена Владиміра или Святослава, да и тогда все-таки были бердыши, рогатины и другія средства понадежнѣе и подлиннѣе ножа.

Въ третьихъ, вникните, какъ вообще разсказываютъ про подобныя охоты и вы найдете пропасть невѣрностей противъ дѣйствительности. Охотникъ, говорятъ, идетъ съ однимъ обоюдоострымъ ножемъ, обмотавъ предварительно лѣвую руку сыромятнымъ ремнемъ, и взявъ въ нее желѣзную распорку. Подходитъ къ логову медвѣдя, старается его разсердить, подымаетъ на дыбы, и въ то время, когда раздраженный звѣрь, съ разверстой пастью бросается на охотника, онъ всовываетъ медвѣдю лѣвую руку въ пасть и ставитъ въ ней распорку, а правою рукой вонзаетъ ножъ въ животъ косматому чудовищу и распарываетъ его до грудныхъ полостей. На все это можно возразить однимъ довольно сильнымъ опроверженіемъ: медвѣдь страшный трусъ, и въ драку съ человѣкомъ не пойдетъ; а постарается отъ него дать тягу, спасая свою шкуру, до которой только лишь и добирается охотникъ. Далѣе, еслибъ, поло-

жимъ, звѣрь и рѣшился вступить въ бой, то сколько должно быть еще условій для удачной охоты: надо, чтобъ медвѣдь непремѣнно поднялся на дыбы, что онъ дѣлаетъ довольно рѣдко; нужно, чтобъ разинулъ пасть, въ которую охотнику необходимо поставить распорку и притомъ стоймя и наконецъ, чтобъ звѣрь умеръ мгновенно, какъ пораженный громомъ; въ противномъ случаѣ онъ и при послѣднемъ издыханіи успѣетъ своротить черепъ своему противнику. Я видалъ примѣры, какъ медвѣдь перешибалъ въ одно мгновеніе толстые крестцы меделянскихъ собакъ; былъ такъ же свидѣтелемъ, когда онъ, смертельно раненый подъ сердце, на вылетъ, жеребьемъ въ 16 золотниковъ, въ послѣднія двѣ или три секунды своего существованія имѣлъ еще столько силы, что выворотилъ изъ мерзлой земли довольно порядочное еловое деревцо.

Удалые залпъ и отвага въ крови русскаго человѣка; урвать да уѣхать; въ одно ухо влѣзть въ другое вылѣзть—вотъ его любимыя поговорки, и потому найдется много молодцовъ, которые пойдутъ на медвѣдя не только съ однимъ ножемъ, а просто съ голыми руками; но русскій человѣкъ также и смышленъ—знаетъ

что изо ста медвѣдей, можетъ быть, одинъ и то не навѣрное пойдетъ на драку, а девяносто девять уйдутъ, и потому охотникъ не будетъ рисковать шкурой звѣря изъ одного молодечества, на которое некому будетъ даже и полюбоваться. Я знаю очень много охотниковъ дѣльныхъ, серьёзныхъ, убившихъ на своемъ вѣку по нѣскольку десятковъ медвѣдей, и всѣ они единогласно говорятъ, что медвѣдь бѣжитъ отъ человѣка. Исключенія чрезвычайно рѣдки.

— А все-таки охота на медвѣдя опасна и страшна, сказалъ кто-то изъ слушателей, выслушавъ доказательство противнаго.

— Не могу сказать утвердительно, началъ хозяинъ, молчавшій во время спора: — опасна эта охота или нѣтъ; но знаю, что не страшна, самый разительный тому примѣръ покойный Василій Федорычъ, храбрость котораго извѣстна вамъ всѣмъ Онъ бѣгивалъ отъ одной ружейной ложи, какъ отъ чумы; но во время охоты, на которой я убилъ медвѣдя, забылся до того и пришелъ въ такой азартъ, что, по просьбѣ моего егеря, началъ вытаскивать изъ заряженнаго его ружья шомполъ, который второпяхъ былъ такъ плотно загнатъ въ стволъ, что одному человѣку вытащить его было невоз-

можно. Василью Федорычу сдѣлалось дурно уже послѣ, когда ему сказали, какой онъ подвергся опасности, вытаскивая шомполъ изъ дула заряженнаго ружья.

— Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Н. В., доставьте намъ удовольствіе, разскажите о вашей охотѣ.

— Очень радъ, отвѣчалъ снисходительный хозяинъ:—хотя для многихъ изъ васъ это будетъ старая погудка и не на новый, а на тотъ же ладъ.

«— Это было въ ноябрѣ. Погода стояла тихая и даже теплая, несмотря на мелкій снѣгъ, который едва-едва покрывалъ землю. Вечеромъ, не помню именно котораго числа, приходитъ ко мнѣ полѣсовщикъ и объявляетъ, что, обходя лѣсъ, наткнулся на медвѣжій слѣдъ. Ну, знаете, въ то время кровь была во мнѣ еще пожиже, расхаживала по венамъ и артеріямъ побыстрѣе, то и не удивительно, что сердце запрыгало и въ вискахъ застучало. Позвать, говорю, сюда ловчаго. Стая въ то время была у меня превосходная, охотники молодцы, лошади лихія, ловчій знатокъ своего дѣла, однимъ словомъ все было сформировано на самую щегольскую ногу.

«— Явился ловчій. Ему отданъ былъ приказъ, чтобы чуть свѣтъ всѣ доѣзжачіе и псари были на коняхъ, а ружейникамъ которыхъ набралось съ десятокъ, велѣно было зарядить ружья пулями.

«— Не стану описывать, какъ провелъ я ночь наканунѣ охоты, какъ метался съ одного края кровати на другой, какіе видѣлъ сны, съ какимъ нетерпѣніемъ прислушивался къ бою часовъ, и думалъ не ошибся ли въ щетѣ, не больше ли пробило, какъ медленно и какъ долго тянулось время. Охотнику все это понятно.

«— Когда на другой день утромъ компанія добралась до лѣсу, и когда полѣсовщикъ указалъ намъ на слѣдъ, то всѣ мы остановились для совѣщанія, какъ начать охоту.

«— Рѣшено было, чтобъ одну часть стрѣлковъ разставить по просѣкѣ, а другихъ по дорогѣ, которая шла черезъ лѣсъ. Двое же самыхъ отчаянныхъ доѣзжачихъ были посланы въ объѣздъ къ рѣчкѣ, протекавшей въ концѣ лѣса, на тотъ случай, что если звѣрь вздумаетъ переправиться черезъ нее вплавь, сбить его назадъ. Эта послѣдняя предосторожность оказалась не лишнею. Дѣйствительно медвѣдь по-

кушался два раза переплыть рѣчку и оба раза былъ отбиваемъ; одинъ разъ даже бросился на лошадь одного изъ доѣзжачихъ, но тотъ успѣлъ отдѣлаться палашемъ.

«— Я же самъ съ гончими и остальными охотниками поѣхалъ прямо по слѣду.

«— Прошедши съ охотой нѣсколько десятинъ, мы наткнулись на мѣсто, гдѣ медвѣдь отдыхалъ и пошелъ далѣе. Подавшись еще нѣсколько десятковъ саженъ, наѣхали на второе логово. Видно было, что звѣрь искалъ мѣсто для зимней своей квартиры, но не находилъ удобнаго.

«— Слѣдъ былъ совершенно свѣжій,—по-нашему, по охотничьи, печатный. Я велѣлъ напустить гончихъ.

«— Лишь только стая была брошена, какъ и закипѣла, какъ говорится, варомъ.

«— Мнѣ очень понятно, какъ пріятно убить медвѣдя на облавѣ или на берлогѣ, но тамъ охота, а слѣдовательно и удовольствіе слишкомъ кратковременны, особенно въ послѣднемъ случаѣ: подошелъ къ логову, поднялъ медвѣдя, хлопъ—и конецъ. Тутъ же было совсѣмъ другое дѣло. Охота продолжалась не минуту, а около двухъ часовъ.

«—Представьте себѣ тихій осенній день, тихій до того, что уцѣлѣвшіе на деревьяхъ кое-гдѣ листочки не шевелились; ревъ лихой стаи изъ шестидесяти собакъ съ превосходнѣйшими голосами; крикъ и порсканье доѣзжачихъ; рявканье звѣря; изрѣдка выстрѣлъ, который отдавался прямо въ сердцѣ и въ слѣдъ за нимъ опять гоньба, еще съ большимъ ожесточеніемъ и воскресшая надежда, что звѣрь не убитъ, и въ добаковъ ко всему этому безпрестанное ожиданіе, что вотъ, вотъ онъ выскочитъ на тебя, и вы поймете всю прелесть подобной охоты. Надо быть не охотникомъ или каменнымъ и имѣть вмѣсто сердца кусокъ льду въ груди, чтобъ не придти въ восторгъ и не забыться въ подобныя минуты. Разумѣется, что объ опасности тутъ нѣтъ и помышленія.

«— Наконецъ, послѣ самой жаркой двухъ часовой гоньбы стая начала близиться ко мнѣ; я ясно сталъ слышать охрипшіе голоса доѣзжачихъ: улю-лю, улю-лю, улю-лю, и гончія вынесли ко мнѣ загнаннаго звѣря, съ пѣною у рта, какъ говорится, на щипцахъ. Сердце мое забилось такъ сильно, при видѣ давно желаннаго гостя, что съ другимъ, болѣе короткошеимъ, на моемъ мѣстѣ, сдѣлался бы непремѣнно ударъ.

«— Я соскочилъ съ лошади и, подбѣжавъ къ медвѣдю, выстрѣлилъ въ него въ упоръ.»

Разскащикъ умолкъ, а всѣ какъ будто еще слушали.

— Въ самомъ дѣлѣ это была чудная охота! раздался чей-то голосъ изъ толпы.

— И, какъ нельзя болѣе доказывающая, что она не страшна, подхватилъ спорщикъ. — А что медвѣдь трусъ, и, слѣдовательно, эта охота не такъ опасна, какъ вообще объ ней говорятъ и пишутъ, позвольте мнѣ представить случай, которому я былъ личнымъ свидѣтелемъ.

— Не далѣе какъ въ прошломъ году, одному моему хорошему знакомому и охотнику дали знать изъ Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда, что обложенъ медвѣдь, и если есть желающіе охотиться, то чтобъ скорѣе пріѣзжали.

На другой день мы, въ троемъ, отправились по желѣзной дорогѣ. Вечеромъ прибыли на Бологовскую станцію, а на слѣдующее утро были уже въ деревнѣ, гдѣ нас ожидала охота.

Мѣстность, на которой лежалъ медвѣдь, представляла довольно длинную гряду крупнаго сосняка, соединяющаго своими оконечностями два большіе, сплошные лѣса.

Гряда эта или полоса имѣла въ длину около трехъ четвертей версты, въ ширину же неболѣе 150 саженъ.

Къ намъ присоединился еще одинъ стрѣлокъ и мы, въ четверомъ, заняли самое узкое мѣсто, примыкающее къ одному изъ упомянутыхъ лѣсовъ, изъ котораго медвѣдь и вышелъ. Остальныя же три стороны были охвачены цѣпью кричанъ, изъ которыхъ было человѣкъ десять взрослыхъ, а остальные (до пятидесяти) состояли изъ дѣтей, обоего пола, отъ восьми до пятнадцати лѣтъ включительно, съ сковородами, лукошками, заслонками и тому подобной музыкой.

День былъ ясный и тихій, но морозъ давалъ знать о себѣ таки порядкомъ.

Кричане шумѣли и стучали уже около часа, а звѣрь непоказывался.

Мы продрогли и рѣшились послать въ кругъ человѣка три или четыре изъ облавщиковъ, думая, не наткнется ли кто изъ нихъ на берлогу.

Предположеніе наше сбылось. Дѣйствительно одинъ изъ посланныхъ, вошедши въ середину облавы, набрелъ на берлогу и отъ ударовъ въ заслонку изъ-подъ самыхъ его ногъ выскочила медвѣдица и пошла прямо на меня; но взогнавшій ее, желая насъ порадовать тѣмъ, что

медвѣдь найденъ и что въ берлогѣ находятся четыре медвѣжонка сдѣлалъ неосторожность: побѣжалъ также къ намъ. Звѣрь, вѣроятно, замѣтивъ бѣгущаго человѣка, по одному съ нимъ направленію, не пошелъ на стрѣлковъ, а поворотилъ назадъ и началъ ходить въ кругу.

Мы, разумѣется, по неопытности, а также частію отъ того, что страшно прозябли, посовѣтовавшись, рѣшились снять цѣпь кричанъ, оставаясь въ томъ убѣжденіи, что медвѣдица воротится къ дѣтямъ, и намъ на другой или на третій день удастся убить ее на берлогѣ; но вышло не такъ: какъ скоро облавщики сошли съ мѣстъ своихъ, медвѣдица вышла вонъ изъ кругу и къ дѣтямъ не возвращалась. На другое утро мы принуждены были взять медвѣжатъ, которые, оставаясь долѣе безъ пищи и на холоду, могли бы, разумѣется, околѣть.

Мы прожили еще три дня, каждое утро повѣряли окладъ, но вхожаго слѣда не было, и мы воротились въ Москву съ одними малолѣтными.

— Спрашиваю васъ, много ли найдется животныхъ, которыя бросятъ своихъ крошечныхъ дѣтей умирать безъ пищи или отъ холода?

Мнѣ случалось не одинъ разъ видѣть, какъ

мелкія пташки съ ожесточеніемъ защищали свои гнѣзда и своихъ птенцовъ отъ врага въ десятеро ихъ сильнѣйшаго.

— Все это очень хорошо, заговорилъ кто-то изъ слушателей: — а все-таки медвѣжья охота . . .

— А фазановъ кавказскихъ стрѣляли когда нибудь? неожиданно спросилъ одинъ мелкопомѣстный дворянинъ, имѣющій обыкновеніе издавать голосъ не прежде, какъ послѣ употребленія пяти или шести рюмокъ желудочной.

— Нѣтъ не стрѣлялъ, отвѣчалъ довольно высокій, худощавый господинъ съ выразительной физіономіей, отличный стрѣлокъ и страстный любитель георгинъ и камелій, знавшій наизустъ Вангутовскій каталогъ растеній,—а что?

— Такъ ничего, хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ вы будете ихъ стрѣлять.

— Очень просто: приложусь, возьму птицу на цѣль и убью.

— Вотъ то-то что нѣтъ, пропуделяете.

— А какъ же по вашему? спросилъ съ улыбкой ботаникъ.

— А вотъ какъ: взлетѣлъ фазанъ вы и цѣльтесь, и цѣльтесь, и цѣльтесь, и какъ скоро взяли

промежь крыльевъ, спускайте скорѣй курокъ, и фазанъ убитъ.

Всѣ расхохотались; а любитель желудочной обидѣлся и пошелъ въ буфетъ. Воротившись, онъ опять обратился къ цвѣтоводу:

— А я опять на счетъ стрѣльбы фазановъ. Извольте взять вотъ чубукъ. Чубуку на этотъ разъ суждено было исправлять должность ружья.

Худощавый господинъ взялъ чубукъ.

— Приложитесь!

Стрѣлокъ приложился.

— Ну теперь сейчасъ—подымется фазанъ; а вы цѣльтесь, и, какъ скоро возьмете промежь крыльевъ, то стрѣляйте.

Тутъ любитель ерофеича издалъ губами странный звукъ, похожій, по его мнѣнію, на взлетъ фазана и кричалъ:

— Цѣльтесь же, взяли ли на цѣль, какъ я васъ училъ?

— Взялъ, отвѣчалъ приложившійся охотникъ.

— Стрѣляйте!

— Ну выстрѣлилъ.

— Поздравляю васъ: убили; а иначе пропуделяли бы.

Всѣ опять расхохотались.

— Человѣкъ! закричалъ любитель георгинъ,

подай намъ водки, мы съ Викуломъ Софронычемъ, выпьемъ, въ честь убитаго кавказскаго фазана.

— Подавай ужь всѣмъ, прибавилъ хозяинъ, —время ужинать, господа! второй часъ.

«Въ аулѣ на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ гибельныхъ тревогахъ.»

продекламировалъ въ заключеніе красавецъ, не выпускавшій изъ рукъ во весь вечеръ красной фуражки.

— Что это за оригиналъ, говорящій стихами? спросилъ я у моего сосѣда.

— Здѣшній помѣщикъ, Григорій Александрычъ Петруневичъ. Хотите, я разскажу вамъ его біографію? Мы прозвали его Неистовымъ Орландомъ.

— Сдѣлайте одолженіе; мнѣ ли, охотнику до чужихъ біографій, отказываться отъ такого предложенія.

Съ балкона всѣ ушли въ столовую и я остался въ двоемъ съ разскащикомъ.

Григорій Александровичъ воспитывался дома у старухи матери; на семнадцатомъ году былъ опредѣленъ въ гусарскій полкъ, а на восемнад-

цатомъ, не получивъ еще и чина корнета, женился.

Въ полку онъ былъ нетерпимъ; потому что имѣлъ характеръ чрезвычайно сварливый и задорный. Григорій Александровичъ, хотя въ душѣ и небылъ человѣкомъ храбрымъ, но старался всячески доказывать противное, и потому безпрестанно ссорилъ своихъ товарищей, сплетничая одному на другаго. Однако къ несчастію Григорія Александровича, общество офицеровъ, съ которыми онъ служилъ, состояло изъ людей порядочныхъ, которые наконецъ его поняли, и онъ, вскорѣ послѣ женидьбы, поставленъ былъ въ необходимость оставить полкъ, получа при отставкѣ чинъ корнета.

Жена этого героя была урожденная княжна изъ очень древняго татарскаго роду, приходившаго нѣкогда раззорять русскую землю.

Когда она вышла замужъ, то была уже въ томъ возрастѣ, когда дѣвицы начинаютъ страдать флюсомъ, говорить о блаженствѣ безбрачной жизни, со слезами на глазахъ ласкать чужихъ дѣтей, носить темныхъ цвѣтовъ платья и прочее.

Она принадлежала, когда еще была молода, къ тѣмъ, по словамъ одного моего знакомаго,

благовоспитаннымъ и дальновиднымъ дѣвицамъ, которыя передъ холостыми людьми, обладающими тысячью душами, присѣдаютъ; имѣющимъ пять-сотъ кланяются, двухъ-сотъ душнымъ бросаютъ ласковый взглядъ; а мимо остальныхъ, то-есть болѣе малодушныхъ проходятъ, вздернувъ носикъ, безъ присѣданій, поклоновъ и ласковыхъ взглядовъ.

Когда же княжнѣ минулъ роковой и, какъ извѣстно, очень долголѣтній тридцатый годъ, то тактика была измѣнена; княжна стала присѣдать и кланяться даже и пятитесяти-душнымъ; но дѣло не клеилось, и ей бы навѣрное пришлось остаться дѣвой, еслибъ въ то время не подвернулся нашъ гусарскій юнкеръ.

Вскружить мальчику голову было не трудно, и дѣло, къ общему удовольствію, удалось довольно скоро. Обѣ стороны остались довольны: юнкеръ былъ въ восторгѣ, что женатъ на княжнѣ, княжна въ свою очередь была въ восхищеніи, что послѣ столькихъ лѣтъ тяжкаго ожиданія ей послала судьба въ мужья такого красивенькаго и ловкаго мальчика.

Говоря о женѣ, Григорій Александровичъ всегда съ гордостью выражался такъ:

«Жена моя, урожденная княжна Монгольская,

была вчера во французскомъ спектаклѣ; а я» и т. д.

Бывшая княжна не называла своего мужа иначе, какъ красавцемъ, душкой, милочкой.

— Новобрачные переѣхали въ Москву и здѣсь татарская эксъ-княжна занялась во первыхъ устройствомъ дома на англійскій ладъ. Двое дворовыхъ мальчиковъ, привезенные изъ деревни, были гладко острижены и одѣты въ полуфрачки съ металлическими пуговицами и въ штиблеты; а вмѣсто именъ: Егоръ и Евдокимъ, именъ, полученныхъ ими при крещеніи, стали называться Джоржемъ и Джемсомъ. Горничная же Фіона была переименована въ Фанни.

— Джоржъ! говорила, напримѣръ, княжна томнымъ голосомъ,—поди, скажи Джемсу, чтобъ онъ велѣлъ Фанни принести мнѣ бархатную мантилью.

Евдошка, кричалъ Джоржъ, войдя въ переднюю, поди скажи Фандюшкѣ, чтобъ несла къ барынѣ мантилью.

Впрочемъ англоманія этимъ только и ограничивалась. Во всемъ остальномъ княжна была княжна: просыпалась въ полдень, вставала въ часъ, садилась за туалетъ, за которымъ просиживала тоже около часа, перемѣняя ежедневно

прическу своихъ нѣкогда роскошныхъ волосъ и, разряженная въ пухъ, являлась въ гостиную, въ которой не рѣдко по цѣлымъ недѣлямъ не встрѣчала никого кромѣ Джоржа и Джемса.

Во вторыхъ, занялась образованіемъ своего мужа, читая ему безпрерывно правила свѣтскаго приличія и разговаривая съ нимъ на французскомъ языкѣ, который Григорію Александрычу недавався какъ кладъ; но Григорій Александрычъ независимо отъ этого и самъ предался наукамъ и сталъ въ свободныя минуты посѣщать университетскія аудиторіи. Разумѣется, что образованіе это шло наизнанку, т.-е. не зная, напримѣръ, при какой рѣкѣ стоитъ Тамбовъ, молодой ученый занялся политической экономіей и перечитывалъ Сисмонди, Мальтуса и другихъ; началъ изучать эстетику Гегеля, не умѣя разставить знаковъ препинанія и т. п. Всѣ эти верхушки знаній страшно перепутались въ головѣ Григорія Александрыча и произвели въ ней (простите за выраженіе) такой винигретъ, что къ нему чрезвычайно какъ шелъ стихъ изъ Хемницеровой басни «Метафизикъ»:

«Бывало глупые его не понимали,
А нынче разумѣть и умные не стали.»

Но исключительно Петруневичъ пристрастился

къ поэзіи и самъ началъ писать стихи, особенно при торжественныхъ случаяхъ на рожденіе, напримѣръ, своей жены, урожденной Монгольской, на смерть мимашки, любимой собачки, на посѣвъ конопли и такъ далѣе.

Григорій Александрычъ не только писалъ стихи, но даже въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ пересыпалъ ими рѣчь; такъ, разсказывая о счастіи деревенской жизни и о неудобствахъ городской, онъ прибавлялъ:

«Тамъ люди вѣчно за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой.»

Или:

«Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты.»

Говоря о какомъ нибудь степномъ участкѣ земли, доставшемся ему при спеціальномъ размежеваніи, и, желая дать понятіе о его величинѣ, онъ начиналъ:

«Широко ты степь пораскинулась,
Къ морю черному понадвинулась.»

Ежели подходилъ къ играющимъ въ карты, то говорилъ:

«Такъ въ ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули, Богъ ихъ прости,
Отъ пятидесяти
На сто.»

Когда же Григорій Александрычъ говорилъ прозой, то выражался самымъ высокимъ слогомъ, блаженной памяти, реторикъ. Желая разсказать о травлѣ лисицы онъ говорилъ: лисица профилью открылась мнѣ на горизонтѣ и, раскинувши трубу *), поразила мой взоръ. Тамерланъ и Зюлійка возрились, а я, давши шпоры моему лихому карабахскому коню, понесся быстрѣе вѣтра.

«Во время разсказа Григорій Александрычъ обыкновенно становился фертомъ, съ улыбкой посматривая на слушателей своими безпокойными глазами. Правую ногу выставлялъ впередъ, а грудь и голову откидывалъ назадъ, и, нюхая безпрестанно табакъ, пощелкивалъ паль-

*) Трубой зовется лисій хвостъ (охотничье выраженье).

цами, отряхивая съ нихъ ѣдкую пыль, разъѣдающую носовые органы. Или расхаживалъ по комнатѣ огромными, мѣрными шагами. Ноги его въ это время, по замѣчанію одного провинціяльнаго остряка, походили на конторскія ножницы, когда ими кроятъ пакеты.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ Петруневичами въ Москвѣ, семейство ихъ увеличилось, а доходы сократились, и Григорій Александрычъ, посовѣтовавшись предварительно съ своей супругой, рѣшился переѣхать на жительство въ деревню, гдѣ и предался занятіямъ по сельскому хозяйству. Хотя мимоходомъ сказать, ни онъ, ни жена его вовсе по части экономіи не походили на того Нѣмца, который, получивъ въ наслѣдство при берегахъ Балтійскаго моря клочекъ каменистой земли, которая ничего не производила, а въ морѣ у его береговъ ловилась только рыба камбала, изобрѣлъ средство выработывать изъ послѣдней отличной доброты сукно.

Ученый помѣщикъ выписывалъ книги и игралъ въ карты, образованная супруга выписывала десятки паръ башмаковъ, мантильи и платья. Неизвѣстно къ чему бы повела подобная экономія, еслибъ новопріѣзжіе помѣщики похозяй-

ничали еще лѣтъ пять; но случилась катастрофа, которая нерѣдко останавливаетъ человѣческую дѣятельность въ самомъ разгарѣ, то-есть, просто-на-просто — урожденная княжна Монгольская умерла, оставивши послѣ себя троихъ или четверыхъ дѣтей и неутѣшнаго мужа.

Одинъ любитель всѣхъ процессій вообще, а похоронныхъ въ особенности, разсказывалъ, что когда онъ пріѣхалъ къ Петруневичу, чтобъ утѣшить и разсѣять его, то засталъ хозяина, сочиняющаго на смерть жены эпитафію, которая начиналась такъ:

Увы! мой ангелъ въ небесахъ.
Онъ цвѣлъ какъ розанъ въ жизни этой,
Я на груди его согрѣтый
Блаженствовалъ. Теперь же — ахъ!

Послѣднія два слова не нравились поэту, а другая риѳма не давалась. Написать развѣ теперь «въ слезахъ», бормоталъ онъ, ну, хорошо, да дальше-то что же? И Григорій Александрычъ началъ съ досады на непокорную риѳму грызть перо; а потомъ воскликнулъ:

«Жизнь! что ты?—садъ заглохшій
Подъ дикими безплодными травами»

Покойница лежала одѣтая въ новенькое, обшитое дорогими кружевами платье, присланное наканунѣ изъ Петербурга. Она и въ гробу какъ будто не измѣнила себѣ. Въ головахъ усопшей стоялъ дьячекъ и читалъ самымъ монотоннымъ голосомъ псалтырь; канарейка, повѣшенная подъ окномъ, весело посвистывала и по временамъ разсыпалась трелями; въ углу стояла старушка съ сморщеннымъ личикомъ, повѣсивъ голову. Она тихонько плакала и молилась. Это была кормилица покойницы. Легкія отрывистыя облака неслись по голубому небу. Со двора вѣяло запахомъ недавно скошеной травы. Джоржъ и Джемсъ подмигивали другъ другу, дѣлали гримасы и щипались; а хорошенькая горничная Фанни шила себѣ траурное платье, которое подарилъ ей неутѣшный вдовецъ.

Любитель процессій остался недоволенъ рыбой на поминкахъ и клялся, что впередъ ни за что на свѣтѣ въ домъ Петруневича на похороны не поѣдетъ.»

Біографъ кончилъ.

Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ поэта на гороховомъ полѣ.

Въ одной рукѣ держалъ онъ записную книжку, а въ другой карандашъ.

— Куда вы? спросилъ меня Петруневичъ.

— На охоту, на дупелей; а вы что здѣсь подѣлываете?

— По хозяйству, нельзя же, знаете, вѣдь:

«Хозяйскій глазъ повсюду нуженъ.»

— Когда я обозрѣваю мѣстность моихъ владѣній, то ношу съ собой книжку, въ которую я вписываю всѣ впечатлѣнія, а также открытія и изысканія по части сельскаго хозяйства. Да кстати, заѣзжайте-ка на минуту ко мнѣ; я сейчасъ явлюсь, мы выпьемъ по стаканчику китайскаго нектара и я вамъ прочту одно мѣсто изъ Гёте, которое меня ужасно поразило, что за глубокая мысль, что за...

— Покорно благодарю, отвѣчалъ я, перервавъ потокъ восторженныхъ словъ поэта, съ удовольствіемъ бы, но мнѣ некогда, товарищи дожидаются.

Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, я обернулся, агрономъ стоялъ на горохѣ съ поднятыми къ

верху руками, и что-то громко декламировалъ, лягавая собака съ лаемъ бѣгала по полю и гоняла воробьевъ, которые, по словамъ поэта, парили надъ его головой.

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОХОТНИКА.

> Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весною до зари? . . .
>
> А лѣтнее іюльское утро? кто кромѣ охотника испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? . . .
>
> А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце ужь не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго?...
>
> И. Т.
>
> (Изъ «Записокъ Охотника»).

Если вы, мой благосклонный читатель, охотникъ, то, конечно, понимаете, какъ бьется сердце молодаго стрѣлка при наступленіи весны. Всю зиму грустно поглядывалъ онъ на свое ружье, повѣшенное на стѣнку, какъ будто для отдыха, до будущихъ подвиговъ; да поглажи-

валъ своего вѣрнаго пса, неутомимаго преслѣдователя дупелей и бекасовъ.

Что̀ хочешь говори въ защиту нашей сѣверной зимы, а скучна она съ своими лихими вьюгами и мятелями, съ своими зефирами, отъ которыхъ на русскихъ щекахъ и носахъ рдѣютъ розы. Спору нѣтъ, зима имѣетъ свои прелести, хороша она, но только, воля ваша, не восьмимѣсячная! Для нашего же брата охотника, да если онъ къ тому еще не любитель вальсовъ, полекъ, мазурокъ и ералаша, этихъ двигателей большинства человѣчества, зима просто сущее наказаніе! Что̀ прикажете дѣлать, какъ говорится, въ часы досуга? идти на порошу, но пороша плохая охота и скорѣй достояніе промышленника или охотника до борзыхъ, нежели того, кто привыкъ слѣдить за веселымъ поискомъ собаки и быстрымъ, игривымъ полетомъ бекаса.

За то какъ весело, когда начнутся оттепели, наступитъ конецъ марта, покажутся кой-гдѣ проталины; поля на высокихъ мѣстахъ оголятся; снѣгъ сдѣлается рыхлъ и едва-едва поддерживается легкими утренними морозами. Въ оврагахъ шумно и весело журчитъ вода, *заиграли вражки,* какъ говоритъ простой народъ. Перестали роится бѣлыя мошки, и на мѣсто ихъ

потянули съ юга вереницы гусей, утокъ; понеслись стада мелкихъ пташекъ. Надъ вами, въ вышинѣ, звенитъ пѣсня жаворонка, гдѣ-то въ поднебесьи раздается крикъ журавля . . . А въ воздухѣ все теплѣй и теплѣй . . . Черная, нѣсколько отогрѣвшаяся земля начинаетъ мѣстами покрываться зеленью, особенно на солнечныхъ припекахъ. Почки деревъ напухаютъ и лопаются; воздухъ напоенъ благоуханіемъ тополей и молодыхъ березъ . . . Отрадно взглянуть на зелень послѣ продолжительной суровой зимы, когда усталому взору представлялась всюду только однообразная снѣжная пелена, а зелень являлась въ тощихъ экземплярахъ тепличныхъ растеній и въ театральныхъ декораціяхъ . . .

Начало весны самое дорогое время для охотника. Встрѣтясь съ товарищемъ, онъ непремѣнно скажетъ: «грачи прилетѣли, жаворонковъ и чибисовъ видѣли; говорятъ, вальдшнепы есть»...

Апрѣль и май, по преимуществу, мѣсяцы дѣятельности; все живущее въ это время большею частію въ хлопотахъ, а охотнику, если онъ только не промышленникъ, еще пока нѣтъ работы; но онъ ждетъ . . .

Наступаетъ наконецъ іюнь, приближается и Петровъ день, день разрѣшенія стрѣльбы.

Въ прежніе годы, въ лѣта моей молодости, т. е. въ счастливѣйшія лѣта, и я встрѣчалъ этотъ охотничій праздникъ, обыкновенно съ нѣсколькими товарищами, съ ружьемъ въ рукахъ, въ лѣсу или въ болотѣ. Въ настоящее время порядокъ измѣнился. Я сдѣлался охотникомъ опытнымъ; знаю, что въ Петровъ день охота плоха, что стрѣлять въ эту пору, выключая молодыхъ, плохо летающихъ бекасовъ и едва-едва перепархивающихъ тетерѐвей, почти нечего; стрѣлять такую дичь и не хочется, и какъ-то жалко; а потому уже нѣсколько лѣтъ начинаю охоту не ранѣе 20 іюля, то есть когда дичь поокрѣпнетъ и возмужаетъ. Я говорю о подмосковной охотѣ; въ другихъ же болѣе южныхъ губерніяхъ можно начинать охоту и ранѣе, потому что туда дичь ранѣе прилетитъ, ранѣе покончитъ дѣло своего размноженія, ранѣе выведется и, слѣдовательно, прежде возмужаетъ.

Съ грустью долженъ я, однако, сознаться, что прежде было мнѣ веселѣе. Время ли, которое не даетъ пощады никому и ничему, привычка ли, которая сглаживаетъ всѣ впечатлѣнія, какъ бы они рѣзки и сильны ни были, поуменьшили страсть — не знаю. Чувствую только, что теперь не то, что было прежде.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждешь, бывало, Петрова дня; какъ долго, кажется, идетъ время, каждый часъ не короче дня, день длиннѣе недѣли! Чѣмъ ближе подходитъ ожидаемый, вожделѣнный праздникъ, тѣмъ болѣе и болѣе становишся нетерпѣливъ. За нѣсколько еще недѣль до его прихода начнешь заботиться и приготовляться, дѣлать инспекторскій смотръ всѣмъ охотничьимъ вещамъ: то взглянешь на ружье и внимательно смотришь, не хватила ли гдѣ его ржавчина, хорошо ли смазаны замки; то поставишь на цѣлыя сутки въ воду болотные сапоги, для того, чтобъ узнать, не текутъ ли они, не промокаютъ ли; то отправишься за заставу пробовать сто разъ уже выпробованное ружье. Начнешь составлять и обдумывать планы, куда лучше и надежнѣе ѣхать. И тамъ хорошо, и въ другое мѣсто хочется, и въ третье приглашаютъ. Встрѣтишся съ товарищемъ-охотникомъ, говоришь не наговоришься, спросамъ и и распросамъ конца нѣтъ . . .

Многіе нападаютъ на охоту, говорятъ, что страсть эта не достойна человѣка, что она занятіе временъ варварскихъ, младенческихъ, что смѣшно и нелѣпо видѣть человѣка, иногда даже очень почтеннаго, вязнущаго по колѣни въ грязи

изъ-за того, чтобъ убить какую-нибудь длинноногую птичку. Смѣйтесь надъ нами, негодуйте на насъ, почтенные наставники и моралисты; но, воля ваша, все-таки охота чудное удовольствіе! Да и кромѣ самой охоты, выключая ея сущности, сколько разсыпано для охотника наслажденій: онъ пользуется лучшимъ временемъ въ году, когда природа въ полномъ убранствѣ, а природу всѣ любятъ болѣе или менѣе (конечно, нѣкоторые предпочитаютъ мадеру или штоссъ, ну, да это исключенія, а я говорю вообще). Одинъ идетъ любоваться ею на бульваръ; другой отправляется въ паркъ подышать свѣжею загородною пылью или ѣдетъ въ Сокольники упиться ароматнымъ, смолистымъ запахомъ сосны, и едва не задыхается отъ самоварнаго дыму; третій спѣшитъ въ свою тепличку восхищаться зачахлымъ сучкомъ, который носитъ на себѣ громкое названіе какой-нибудь пальмы или банана. Однимъ словомъ, всѣ любятъ природу, только каждый по своему. Охотникъ вполнѣ можетъ любоваться ея картинами, разставленными мастерскою рукою; ему нерѣдко предстоятъ случаи восхищаться такими красотами, о которыхъ городскому жителю и не грезилось.

Компанія, съ которой я встрѣчалъ Петровъ день, почти постоянно состояла изъ людей молодыхъ, веселыхъ. Разнообразіе характеровъ придавало обществу особенно живой и занимательный колоритъ.

Про большинство этихъ охотниковъ теперь можно сказать:

«Иныхъ ужь нѣтъ, а тѣ далеко! . . .»

Въ то время, среди собравшихся, вы могли бы увидать Ивана Петровича, который уже нѣсколько лѣтъ подверженъ сплину, воображаетъ себя больнымъ, собирается охотиться, отыскиваетъ непромокаемые сапоги, ходитъ по дорожкамъ Петровскаго парка, въ петровскіе жары, окутанный въ мѣховое пальто и ваточную шинель, и жалуется на холодъ.

Встрѣтили бы иногда и Аркадія Николаича, страдающаго съ малолѣтства двумя неизлечимыми, хроническими болѣзнями — сномъ и ревматизмами; послѣдніе, говоритъ онъ, достались по наслѣдству отъ бабушки, у которой приключились съ испугу, во время пугачевскаго бунта. Еще Аркадій Николаичъ имѣетъ непостижимую страсть въ охотничьемъ дѣлѣ обмануть ваши ожиданія. Зимой онъ собирается на охоту всюду, поѣдетъ съ вами, пожалуй, хоть въ Калифор-

нію; но какъ скоро наступитъ лѣто, подошли поля, онъ и въ сторону; даетъ слово ѣхать съ вами вмѣстѣ и непремѣнно надуетъ, надуетъ даже самого себя, потому что и ружье велитъ вычистить, и сапоги смазать, и пороху съ дробью подсыпать, да тѣмъ дѣло и кончится, и останется дома, а послѣ свалитъ все на ревматизмы, а какіе ревматизмы! просто проспитъ сутокъ двое; не коротко же знакомому скажетъ, что славно поохотился. Во всемъ остальномъ Аркадій Николаичъ человѣкъ очень милый и любезный.

Алексѣй Иванычъ, неразлучный другъ Михаила Васильича, неразлучный до того, что нѣкоторые зовутъ ихъ inseparable, а другіе самкой и самцомъ, тоже бывалъ почти постояннымъ нашимъ спутникомъ. Алексѣй Иванычъ человѣкъ веселый, нерѣдко, кромѣ ружья, важивалъ на охоту фейерверки и постоянно флейту, на которой игралъ очень недурно, и даже однажды, въ Мытищахъ, въ веселый часъ, подъ звуки прародительскаго инструмента протанцовалъ качучу.

Но неизмѣннымъ нашимъ товарищемъ былъ толстый Василій Васильичъ, который хотя и не охотникъ, но ѣздилъ въ поле, какъ самъ го-

ворилъ, для воздуху, и всегда очень усердно при отъѣздахъ хлопоталъ объ укладкѣ погребца.

Сборный пунктъ, откуда мы отправлялись на охоту, назначаемъ былъ большею частію у одного нашего общаго знакомаго (назовемъ его Николаемъ Дмитричемъ); человѣкъ онъ былъ превосходный, радушный и гостепріимный хозяинъ, страстный охотникъ, готовый всегда и всюду ѣхать, были бы лишь добрые товарищи; окрестныя мѣста около Москвы зналъ онъ превосходно; каждый кустъ, ручеекъ, едва пробитая тропинка были ему хорошо знакомы.

Отъѣзды наши назначались накапунѣ Петрова дня, въ ночь, чтобъ избѣжать жару и непріятнаго столкновенія, въ тѣсныхъ улицахъ, съ экипажами, подъ которые легко могли подвернуться молодыя, неопытныя, весело и рѣзво бѣгущія собаки.

— Пора бы и ѣхать, замѣчалъ кто-нибудь, сгарая отъ нетерпѣнія.

— Все ли уложено? не забыть бы чего, говорилъ заботливый хозяинъ.

— Все, все уложено, не безпокойтесь, отвѣчаетъ бывало Василій Васильичъ:—погребецъ я самъ выносилъ.

— Знаю братецъ, что погребца не забудешъ;

на этотъ счетъ, когда ты ѣдешъ съ нами, я всегда покоенъ.

— А взялъ ли Алексѣй Иванычъ свою дуду? спрашиваетъ съ насмѣшкой Александръ Дмитричъ, любившій въ охотѣ принимать на себя роль диктатора и знатока : — а то, не ровенъ часъ , ружье покривится , какъ въ прошломъ году.

Этимъ онъ намекалъ, что Алексѣй Иванычъ много пуделялъ и сваливалъ неудачу своей стрѣльбы на то, что будто покривились стволы.

— Какъ же , какъ же , отвѣчаетъ Алексѣй Иванычъ, задѣтый за живое: — взялъ. Вы знаете, что я безъ моей дудки ни на шагъ. Она, дѣйствительно , иногда бываетъ нужна , какъ напримѣръ, въ Воронцовѣ, помнится, въ третьемъ году, осенью, пришлось утѣшать одного охотника серенадой , который, вмѣсто вальдшнепа, по своей собакѣ зарядомъ стукнулъ , да еще такъ неосторожно, что та, бѣдная, недѣли двѣ или три не искала.

Насмѣшникъ, проглотивши пилюлю, начинаетъ хмуриться и придумывать , какой бы замѣчательно-неудачный случай вспомнить въ охотѣ Алексѣя Иваныча, чтобъ отомстить ему.

— Чего мы еще ждемъ? говоритъ съ сердцемъ обиженный: — пари готовъ держать, что Аркадія Николаича поджидаемъ.

— Онъ далъ слово непремѣнно быть съ нами, отвѣчаетъ снисходительный хозяинъ:—надо подождать, еще успѣемъ.

— Надѣйтесь вы на его слово, поѣдетъ онъ! продолжаетъ все еще неуспокоившійся знатокъ охотничьяго дѣла: — точно вы его, Николай Дмитричъ, не знаете—ужь извѣстно, что надуетъ.

— А гдѣ же Федулычъ спрашиваетъ Николай Дмитричъ: — развѣ онъ не съ нами?

— Въ Мытищи-съ? Нѣтъ, съ вами-съ! откликается откуда нибудь изъ-за угла довольно высокая, сухощавая фигура, облеченная въ бѣлую холстинную блузу: — только я пойду пѣшкомъ, своимъ трактомъ, у меня свой планъ-съ, каждый охотникъ долженъ имѣть свой планъ-съ.

— Ну, воля твоя, какъ хочешь, только приходи скорѣй, прибавляетъ Николай Дмитричъ, зная невозможность уговорить Федулыча ѣхать, когда онъ забралъ себѣ въ голову идти своимъ

планомъ: — я захватилъ такого чайку, что во всемъ Китаѣ только одинъ фунтъ и былъ.

При словѣ чай Федулычъ улыбается; продуктъ этотъ необходимъ для него такъ же, какъ для рыбы вода, для пьяницы водка.

Наконецъ всѣ въ сборѣ, даже сверхъ чаянія и Аркадій Николаичъ явился съ заспанными глазами и нахмуренными бровями, будто бы отъ сильной боли въ рукѣ; но на это никто не обращаетъ вниманія, всѣ убѣждены, что боль не надолго, скоро пройдетъ.

Длинныя охотничьи дроги поданы; лихой сѣрый коренникъ, гордо поднявши голову, нетерпѣливо перебираетъ ногами; пристяжныя жмутся. Компанія усаживается. Собаки съ визгомъ и лаемъ прыгаютъ около лошадей.

— Ну, съ Богомъ, трогай!..

Пока не выѣхали за заставу, все тихо и покойно, всѣ сидятъ смирно и молча, боясь прикусить языкъ отъ удобства ѣзды по нѣкоторымъ мостовымъ; но какъ скоро пахнуло полемъ, дунулъ въ лицо свѣжій вѣтерокъ, общество оживляется, начинается говоръ, споры, смѣхъ, подшучиванье.

— Сколько паръ дупелей изволили вы взять съ вашимъ егеремъ въ этомъ болотѣ? спраши-

ваетъ неугомонный Алексѣй Иванычъ, проѣзжая мимо трехъ-аршинной лужи и обращаясь къ диктатору охоты.

— Столько же, сколько у васъ было хорошихъ собакъ, отвѣчалъ самолюбивый охотникъ.

— Какая чудная ночь! замѣчаетъ кто-нибудь.

— Природа-то, природа-то какая, добавляетъ толстый Василій Васильичъ, оттыкая пробку довольно объемистой, плоской фляжки, наполненной хересомъ.

— Да, братецъ, эта природа, что у тебя въ рукахъ, чисто испанская; передай-ка и мнѣ полюбоваться.

А ночь въ самомъ дѣлѣ чудная. Синій сводъ неба обрызганъ звѣздами. Мѣсяцъ, повременамъ застилаемый перламутровой рябью полупрозрачныхъ, легкихъ облаковъ, обливаетъ окрестность слабымъ, покойнымъ свѣтомъ. Тепло, тихо, ни одинъ листокъ не трепещетъ, повсюду спокойствіе. Изрѣдка лишь послышится гдѣ-нибудь вдали голосъ лѣниво лающей, полусонной сторожевой собаки, или прогремитъ почтовый колокольчикъ, мотаясь подъ дугой бѣшено промчавшейся мимо васъ тройки съ какимъ-нибудь лихимъ фельдъегеремъ. Временемъ раздается грустный, меланхолическій свистъ

кулика. Одни лишь неугомонные перепела и коростели, любители ночныхъ похожденій, вавакая и треща, нарушаютъ тишину ночи; но ихъ голо́съ пріятенъ для слуха охотника.

Но вотъ въ воздухѣ становится замѣтно свѣжѣе, лѣсъ зашелестилъ листьями; потянулъ вѣтерокъ, предвѣстникъ разсвѣта; вы пріятно вздрагиваете. Начинаетъ брезжиться, на горизонтѣ блеснула свѣтлая полоса и раздѣлила небо съ землей. Первымъ подымается пѣвецъ полей—жаворонокъ, и оглашаетъ еще дремлющую окрестность своими трелями. Солнце выкатывается; въ это время на него можно смотрѣть и не въ закопченое стекло. Листья и стволы деревъ обливаются красным̆ъ свѣтомъ, постепенно переходящимъ въ болѣе яркій и свѣтлый. Все оживляется. Повсюду раздаются веселые голоса беззаботныхъ пернатыхъ пѣвцовъ; полевые цвѣты, послѣ ночнаго покоя, поднявши расписныя головки свои, омытыя утренней росой, дышатъ на васъ благоуханіемъ. Отрадно, легко, свободно подымается грудь; куда ни взглянешь, все улыбается, все весело... и невольно приходитъ на мысль: какъ могъ бы быть счастливъ человѣкъ на землѣ, еслибъ...! Читатель, вѣроятно, такъ и думаетъ, что я

скажу: еслибъ было побольше дичи! извините, ошиблись... еслибъ поменьше ея было...

Наконецъ острый шпиль мытищинской колокольни виднѣется; показываются и самыя Мытищи. Шоссейная застава проѣхана, и дроги останавливаются у постоялаго двора, поставленнаго смѣтливымъ хозяиномъ у самаго болота. На дворѣ день. Отдыхать некогда, всѣ торопятся въ поле. Услужливая хозяйка, не спросясь, приноситъ самоваръ. Напившись наскоро чаю, охотники вступаютъ въ болото и расходятся въ разныя стороны: одни идутъ правой стороной, другіе лѣвой, нѣкоторые отбиваются въ лѣсъ поискать тетеревиныхъ выводковъ.

Охотничьи мѣста нерѣдко бываютъ живописны; къ нимъ принадлежитъ и мытищинское болото; довольно длинное, оно обрамлено съ одной стороны вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ, который подходитъ сюда изъ-подъ Сокольниковъ и есть почти единственный представитель роскошнаго растительнаго царства около Москвы, съ другой стороны болото поросло молодымъ, веселымъ березнякомъ, который, какъ скоро повѣетъ отъ него вѣтеръ, особенно послѣ теплаго дождя, такъ и обдаетъ васъ миртовымъ аромат-

нымъ запахомъ. Посреди болотной зеленой равнины голубою лентой, вровень съ берегами, извивается рѣчка Яуза, поросшая мѣстами тростникомъ, осокой и водяными бѣлыми цвѣтами, и скрывается вдали въ кудрявомъ кустарникѣ.

Чѣмъ далѣе охотники вдаются въ болото, тѣмъ чаще и чаще слышны выстрѣлы. Шумъ и суматоха усиливаются. Населеніе болотнаго царства потревожено: въ одномъ мѣстѣ, вы видите, проносится со свистомъ стайка быстрокрылыхъ чирятъ, которые вдругъ съ шумомъ падаютъ камнемъ на рѣку отъ налетѣвшаго на нихъ хищника-ястреба; въ другомъ мѣстѣ слышится печальный крикъ кроншнепа, кружащагося въ прозрачномъ воздухѣ — онъ отманиваетъ охотника и собаку отъ своихъ дѣтей; повременамъ стрѣлой, изъ зеленой осоки, съ крикомъ порываются бѣшеные бекасы, и въ погоню за ними летятъ удачные и неудачные выстрѣлы. Иногда до васъ долетаютъ слова: «авансъ, аріеръ, тубо . . .», и сердце ваше бьется сильнѣй и сильнѣй.

Полдень. Солнечный зной томитъ. Правое плечо докладываетъ, что ягташъ не пустъ; вы самодовольно его ощупываете и желаете отдохнуть. Отыскиваете, по возможности, краси-

венькое, удобное мѣстечко, близь воды — ручейка или ключа — и бросаетесь съ наслажденіемъ подъ широкую тѣнь раскидистаго дерева, на бархатный зеленый коверъ, сотканный рукою природы, испещренный живыми цвѣтами. Вы нѣжитесь, вамъ весело, легко, привольно; кругомъ все тихо... Стада прилегли, мелкія пташки забиваются въ чащу кустарника и смолкаютъ. Однѣ миріады насѣкомыхъ, блестя и сверкая радужными крылышками, кишатъ и роятся въ горячемъ воздухѣ, спѣшатъ насладиться своей кратковременной жизнью. Многимъ поколѣніямъ ихъ не суждено встрѣтить и завтрашняго солнечнаго восхода; но они счастливы...

На гопанье ваше понемногу собираются товарищи.

— На привалъ, что ли? спрашиваетъ каждый, подходя къ вамъ.

— Да, можно и отдохнуть, отвѣчаете вы.

Начинаются разсказы о удачахъ и неудачахъ, о счастливыхъ, блистательныхъ выстрѣлахъ (о промахахъ, обыкновенно, умалчивается), объ успѣхахъ молодыхъ собакъ. Въ часы отдыха, разумѣется, не забываютъ и о тлѣнныхъ благахъ міра сего: одинъ закуриваетъ трубку, другой сигару, третій достаетъ изъ сумки якт-

таша какую-нибудь закуску; иной вытаскиваетъ изъ боковаго кармана плоскою фляжку, наполненную водою жизни. Читатель, можетъ-быть, придетъ въ ужасъ, узнавши, что охотники въ жару пьютъ водку. Не бойтесь! одинъ глотокъ въ этомъ случаѣ не испортитъ дѣла, а уйметъ жажду. Здѣсь русская пословица: «клинъ клиномъ выбиваютъ» и ганеманова система торжествуютъ.

Отдохнувши, а иногда и соснувши, общество пускается въ обратный путь.

Время близится къ вечеру. Солнце укатывается на другую сторону земнаго шара; западный край неба румянится, алѣетъ; отъ деревъ тянутся длинныя тѣни, надъ низменными и болотными мѣстами стелются туманы, подымаются выше и выше и задергиваютъ синѣющую даль будто флеромъ. Деревья начинаютъ принимать разнообразныя, фантастическія формы; въ ближней рощѣ кричатъ грачи, прилетѣвшіе на ночевку; кой-гдѣ еще слышится замирающая вечерная пѣсня жаворонка; перепела начинаютъ постукивать . . . Вдали слышится блеянье стадъ, дружный топотъ табуна лошадей, гонимаго крестьянскими дѣтьми, въ такъ называемое *ночное*.... Вы близитесь къ дому. Вонъ сверкнулъ ого-

некъ, другой, третій . . . А вотъ и деревня, и квартира ваша. Столъ накрытъ, неприхотливое, но сытное кушанье поставлено, и вы, «насытивъ желудка бездонную пропасть», какъ, кажется, сказалъ Гомеръ, бросаетесь на молодое, душистое сѣно и засыпаете богатырскимъ сномъ.

Въ 18.. году мнѣ суждено было встрѣтить Петровъ день не въ кругу обычныхъ моихъ товарищей и не около Москвы, а въ 150 верстахъ отъ нея, въ Т.... губерніи, въ имѣніи одной помѣщицы, дальней моей родственницы, какой-то троюродной тетки.

Такъ какъ я зналъ, что въ уѣздѣ, гдѣ мнѣ необходимо было пробыть нѣсколько дней, есть превосходныя мѣста, но нѣтъ ни одного охотника, то, частію изъ себялюбія и частію для того, чтобъ доставить удовольствіе въ охотѣ еще кому-нибудь, я пригласилъ ѣхать съ собой Николая Семеныча.

Николай Семенычъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, недурной наружности и принадлежалъ къ числу людей самаго кроткаго и скромнаго характера. Онъ былъ, какъ говорится, сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, узрѣлъ свѣтъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ обширнаго русскаго царства, полу-

чилъ образованіе въ губернской гимназіи, учился превосходно и по окончаніи курса, не имѣя возможности поступить въ университетъ, потому что отецъ и мать его умерли, не оставивъ никакого состоянія, долженъ былъ, по необходимости, скрѣпя сердце, опредѣлиться на службу въ томъ же самомъ городѣ, гдѣ и родился.

Прослужа безпорочно года три, по одному обстоятельству, о которомъ я скажу на слѣдующихъ страницахъ, Николай Семенычъ былъ переведенъ на службу въ Москву.

Онъ квартировалъ со мной въ одномъ домѣ, нанимая небольшую комнату, за которую, помнится, платилъ рублей пять или шесть. Прислуга его состояла изъ кухарки, Марѳы, существа хотя и довольно оригинальнаго, но привязаннаго къ своему господину безгранично.

Марѳа готовила для своего барина кушанье, убирала комнаты, чистила сапоги и платье, мыла бѣлье, крахмалила манишки, водила прогуливаться его собаку, посвистывая и похлопывая арапникомъ, и въ разговорахъ съ другими кухарками, или съ кѣмъ бы то ни было, называла Николая Семеныча не иначе, какъ *мой*.

Служа въ Москвѣ, Николай Семенычъ пристально занимался своимъ дѣломъ, прежде всѣхъ

являлся въ присутствіе, послѣ другихъ выходилъ изъ него. Придетъ бывало домой, пообѣдаетъ, выкуритъ трубочку-другую жукова, побрянчитъ на гитарѣ и засядетъ за какой-нибудь докладъ листовъ въ тридцать. Вечеромъ, если погода хороша, пойдетъ прогуляться на бульваръ или на Кузнецкій мостъ, заглянетъ въ окна магазиновъ, полюбуется выставленными картинками, и домой; поужинаетъ, покуритъ, сыграетъ романсикъ-другой и опять пойдетъ скрипѣть перомъ часу до перваго.

Начальники смотрѣли на Николая Семеныча благосклонно; товарищи уважали, хотя онъ съ ними не ходилъ ни въ трактиры, ни въ бильярдныя.

Я познакомился съ Николаемъ Семенычемъ, какъ говорится, по охотѣ и за кроткій и тихій нравъ полюбилъ его отъ души. Онъ, въ свою очередь, былъ ко мнѣ привязанъ и посѣщалъ меня почти ежедневно.

Николай Семенычъ зналъ, что изъ множества пороковъ, которыми меня довольно щедро наградила природа, я не обладалъ насмѣшливостью, и потому былъ со мною довольно откровененъ. Несмотря однако на это, мнѣ иногда казалось, что на душѣ моего товарища лежитъ что-то

такое, что онъ старается скрыть не только отъ другихъ, но даже отъ себя. Вѣроятно, отверженная или оскорбленная любовь, думалъ я. И всякій разъ, какъ бывало заговоришь съ нимъ объ этомъ, онъ краснѣлъ и конфузился, старался замять разговоръ и свернуть рѣчь на другой предметъ.

— Неужели вы никогда не любили? спрашивалъ я иногда Николая Семеныча.

— Да что, полноте объ этомъ, обыкновенно отвѣчалъ онъ: — это все пустяки, право пустяки; то ли дѣло дупельки-съ да хорошенькая собака! Эхъ! прибавлялъ онъ: — кабы этакъ, знаете, когда-нибудь въ августѣ, на двадцать-восемь дней отпускъ, да въ Окоёмово*) съ вами, то-то потѣшился бы! Раздолье, я чай, тамъ; а то подъ Москвой, вамъ извѣстно, какія мѣста, и курочки не найдешь, на каждую птицу по десяти охотниковъ, каждую травинку обшарятъ. Я пробовалъ, выйдешь въ болото еще темно, а смотришь впереди тебя человѣка два-три ужь и сидятъ на кочкахъ да свѣта дожидаются; ну, гдѣ тутъ дичи быть, и можно ли собаку натаскать.

---

*) Деревня Владимирской губерніи, въ которой отличныя болота.

И какъ бывалъ радъ и доволенъ Николай Семенычъ, когда выдадутся два или три свободныхъ дня, и мы отправимся съ нимъ куда-нибудь подальше отъ Москвы.

Въ описываемую мной поѣздку, когда мы выбрались за заставу, наступила уже ночь, ночь очаровательная, какихъ намъ, сѣвернымъ обитателямъ, немного дается на долю.

Товарищъ мой сидѣлъ молча и повременамъ гладилъ свою собаку.

Я думаю, началъ я: — вамъ иногда, любезный Николай Семенычъ, бываетъ и скучно; человѣкъ вы одинокій, ни впереди, ни за вами никого.

— Да, подъ часъ не безъ того, отвѣчалъ онъ: — случается, и сгрустнется; но что же прикажете дѣлать? Чтобы выйдти изъ одиночества, для меня осталось одно средство — жениться, но это средство отчаянное, и я на него никогда не рѣшусь. Конечно, что говорить, нашего брата, чиновника женатаго, много, только все дѣлается, очертя голову. Иной-съ, знаете, и съ приданымъ возьметъ, этакъ цѣлковыхъ тысячу, да на свадебный балъ рублей семьсотъ убьетъ, а на житье-то и останется почти нуль; а потомъ пойдутъ дѣти, нужда,

оханье. Одинъ мой сослуживецъ женился, какъ вы думаете, для чего? Единственно для того, чтобъ балъ дать, и денегъ-то всего взялъ двѣсти-пятьдесятъ цѣлковыхъ. «Хоть одинъ вечеръ, говоритъ, проведу весело; а то дескать одна работа съ утра до ночи, и радости ни на грошъ.» Секретарь у насъ человѣкъ почтенный, началъ было его урезонивать: «Помилуй, говоритъ, что ты дѣлаешь, опомнись, жалованья получаешь восемь рублей семьдесятъ-пять копѣекъ въ мѣсяцъ, чѣмъ тутъ жить женатому?» — «О чемъ тутъ, говоритъ, думать, вѣдь ужь какъ-нибудь да проживу, за то повеселюсь хоть на свадьбѣ». И точно повеселился: нанялъ оркестръ музыкантовъ; кандитеръ ужинъ готовилъ; цѣлую почти ночь были танцы; а на другой день пришелъ ко мнѣ занять рубль серебромъ. «Казначей, говоритъ, жалованья впередъ не даетъ». Умора, да и только! Такъ вотъ и подумаешь, что лучше маячить ужь одному, нежели свести еще человѣка на подножный-то кормъ. Теперь идешь себѣ домой и горя мало, приготовила Мареа обѣдъ — хорошо, не приготовила — и то не бѣда, пошлешь купить ситникъ или пирогъ въ десять копѣекъ и сытъ. Одна забота только, чтобы

Трезоръ былъ накормленъ; а женатому другое дѣло: и то надо, и другое надо, откуда хочешь бери, а давай; а мнѣ то.... Фу ты, какая теплынь! добавилъ Николай Семенычъ: — такъ и обдаетъ.

— Но вѣдь встрѣчаются иногда обстоятельства, сказалъ я, не желая кончить разговоръ: — встрѣчаются обстоятельства, съ которыми трудно бороться, напримѣръ, любовь. Неужели вы серьёзно никого не любили?

Вѣроятно не одно вино, но также и хорошая погода располагаетъ къ откровенности, потому что товарищъ мой, подумавъ немного, отвѣчалъ:

— То-есть какъ это вамъ сказать, я, право, не знаю; былъ со мной одинъ случай, только я не люблю говорить о немъ и вспоминать не люблю. Впрочемъ, такъ и быть, я увѣренъ, вы смѣяться надо мной не будете.

— Какъ вамъ не стыдно, Николай Семенычъ: — развѣ вы не знаете меня!

«По окончаніи курса — началъ мой спутникъ — какъ вамъ извѣстно, я опредѣленъ былъ на службу. Однажды начальникъ и говоритъ мнѣ: «директоръ учебныхъ заведеній рекомендовалъ васъ съ очень хорошей стороны, гово-

рилъ, что вы прекрасно учились; а какъ отъ служебныхъ занятій времени у васъ остается еще довольно, то я хочу вамъ сдѣлать предложеніе: займитесь съ моимъ сыномъ изъ русскихъ предметовъ часа два въ сутки; это и для васъ будетъ полезно и для меня, потому что я знаю васъ какъ человѣка съ хорошими правилами, старательнаго; подумайте-ка!»

«Ну, о чемъ тутъ думать; я былъ радъ заработать лишнюю копѣйку; жалованье, знаете, получалъ самое бездѣльное, да еслибъ и не имѣлъ желанія быть учителемъ, все-таки отказаться отъ предложенія начальника неловко. Вотъ-съ и сталъ я, послѣ присутствія, посѣщать домъ генерала. Ученикъ мой былъ мальчикъ съ большими способностями, учился хорошо; шаловливъ былъ, мать очень баловала, ну, думаю, это дѣло не мое.

«Семейство у генерала было небольшое: онъ, жена, сынъ да двѣ дочери; а народу въ домѣ тьма-тьмущая, все гувернеры да гувернантки — и Французы, и Нѣмки, и Англичанки, человѣкъ, кажется, шесть или семь. Во весь день русскаго слова не услышишь.

«Мнѣ случалось иногда обѣдать у его превосходительства; ну какъ начнутъ по-англійски

или по-нѣмецки, такъ со стыда и сгоришь, особенно когда во время разговора да еще на тебя кто-нибудь взглянетъ; оно, можетъ быть, рѣчь-то и не о тебѣ, а все думается.... Солоны бывали мнѣ эти обѣды.

«И все бы это ничего, кое-какъ я попривыкъ, да встрѣтилось тутъ обстоятельство прескверное. Я уже сказалъ вамъ, что у генерала было двѣ дочери: старшая брюнетка лѣтъ восемнадцати, прехорошенькая, только насмѣшница страшная, все свысока, такъ бывало носикъ кверху и деретъ; а другая блондинка, скромная, тихая, привѣтливая такая; звали Вѣрочкой. Я, знаете, съ ней и въ разговоръ осмѣлился вступить, и она ничего, говоритъ со мной бывало, какъ съ равнымъ себѣ. День за день, недѣля за недѣлей, я все дѣлался смѣлѣй да смѣлѣй, и забралъ себѣ въ голову, что нравлюсь ей; а самъ, знаете, точно чумный сдѣлался, только о ней и думаю, и служба на умъ нейдетъ. Придетъ бывало праздникъ, такъ хоть бы въ воду броситься; по праздникамъ-то я къ нимъ не ходилъ. А въ будничные дни только бывало и ждешь шестаго часа, какъ бы поскорѣй на урокъ, то есть объ урокѣ вовсе и не думаешь. Да пройдетъ, бывало, она мимо тебя,

взглянетъ, скажетъ слово, другое — и счастливъ. Воротишься домой, закуришь трубку, возьмешь гитару, и давай строить воздушные замки: то себя какимъ-нибудь героемъ сдѣлаешь, то поэтомъ, то милліонеромъ, и Богъ знаетъ чего не взбредетъ въ голову. И вѣдь не изъ честолюбія, не изъ личности хотѣлъ бы сдѣлаться этакъ генераломъ или Ротшильдомъ — нѣтъ, такъ просто, чтобъ быть только достойнымъ любимаго существа.

«Бѣда бывало мнѣ еще, какъ подходитъ первое число, то есть срокъ получать плату за уроки, особенно если при выдачѣ случится Вѣра Петровна, ну вотъ такъ бы сквозь землю и провалился. А вѣдь какъ подумаешь хорошенько, что же за стыдъ за свои труды деньги брать!

«Наступила осень. Тротуары и мостовыя у насъ въ городахъ вамъ извѣстно какіе — грязь по колѣни; а у генерала во всѣхъ комнатахъ ковры. Что тутъ дѣлать? Я и придумалъ штуку: купилъ маленькую щетку, да ваксы бывало въ бумажку захвачу; подойду къ дому, войду тихонько въ сѣни, сниму калоши, оботру ихъ и сапоги почищу; а у самого сердце такъ и замираетъ, помилуй Богъ, кто-нибудь увидитъ!

Чтожь вы думаете, вѣдь попался-таки! Оканчиваю я однажды это занятіе, какъ вдругъ... изъ передней дверь настежь, и все семейство его превосходительства очутилось передо мной. Трудно пересказать, что̀ я въ то время почувствовалъ. Ну, вообразите себѣ, что вы торопитесь на балъ, гдѣ вамъ назначено свиданіе, гдѣ васъ ждутъ; вотъ вы пріѣхали, сбрасываете шубу, охорашиваетесь, поправляете прическу, хотите явиться въ полномъ блескѣ вашей красоты и вашего наряда, и вдругъ васъ съ головы до ногъ окатили помоями... или, напримѣръ, вы въ банѣ желаете освѣжиться холодною водой и, по ошибкѣ, обдали себя кипяткомъ. Точно въ такомъ же положеніи находился и я въ то время; стою ни живъ, ни мертвъ, точно преступленіе какое сдѣлалъ, укралъ что-нибудь, да съ поличнымъ и пойманъ. Старшая дочь такъ и покатилась со смѣху, и гувернантки всѣ за ней смѣются, которая по-нѣмецки, которая по-англійски. Одна только Вѣрочка вспыхнула да и говоритъ:

«— Папа, отчего вы за Николаемъ Семенычемъ экипажа не посылаете? вѣдь у него лошадей нѣтъ.

«Мать на нее какъ прикрикнетъ, и давай

какую-то рѣчь по-англійски читать, должно быть: не въ свое дѣло, сударыня, вмѣшиваться изволите, вашихъ совѣтовъ не спрашиваютъ, или что-нибудь въ родѣ этого. А его превосходительство обратился ко мнѣ:

«— Помилуй — говоритъ — братецъ, какъ тебѣ не стыдно! развѣ у меня лакѣевъ нѣтъ?

«Разумѣется, я вамъ разсказываю все мелочи, да мелочи-то эти, точно чугунныя гири, тяжело мнѣ ложились на сердце, и, приходя домой, я не разъ посматривалъ на свое ружье, только не съ художественной точки зрѣнія, и не съ охотничьей, вовсе не думая о дупеляхъ или бекасахъ.

«Наступила зима; подошли праздники; открылись собранія, балы; начались танцы.... Не въ-силахъ высказать, какъ я страдалъ во время этихъ удовольствій; самому бывать на балахъ, разумѣется, не удавалось мнѣ; а какъ подумаю, бывало, что Вѣрочка танцуетъ да разныя любезности слушаетъ, такъ духъ и захватитъ, вся кровь прильетъ къ сердцу. Повѣрите ли, подъ новый годъ даже пьянъ до безпамятства напился. Проснулся на другой день утромъ часу въ одинадцатомъ; ну, думаю, слава Богу! танцы кончились.... Отправился

я къ генералу съ поздравленіемъ, а голова такъ и трещитъ. Первая встрѣтила меня Вѣрочка.

«— Что это, спрашиваетъ она: — вы нынче очень блѣдны? Здоровы ли?

«— Здоровъ, говорою, слава Богу, благодарю васъ.

«— Какое слава Богу, вы на себя не похожи! Скажите, что съ вами.

«Ну, ужь, право не помню, хмѣль ли у меня изъ головы не совсѣмъ еще вышелъ, или отчаянье мной овладѣло, только я и давай ей разсказывать про свою болѣзнь.

«Я увлекался все болѣе и болѣе; не помню, право, хорошенько, что̀ именно говорилъ ей— должно быть, глупость какую-нибудь; но Вѣрочка меня не испугалась, не убѣжала отъ меня; даже помню, что слезы навернулись на ея голубенькихъ глазкахъ. Это придало мнѣ еще болѣе смѣлости. Послѣднее слово, слово *люблю* готово было вырваться изъ моего больнаго сердца; какъ вдругъ позади насъ раздались слова: «Хорошо, очень хорошо, я сейчасъ пойду маменькѣ скажу». Мы обернулись, передъ нами стояла кривобокая Англичанка; она удалилась, злобно усмѣхаясь.

«— Намъ не видаться болѣе, сказала Вѣрочка дрожащимъ голосомъ: — я ихъ хорошо знаю. По крайней мѣрѣ возьмите хоть что-нибудь на память!

«Она схватила лежащія на столѣ ножницы и отрѣзала мнѣ клочекъ своихъ волосъ. Я судорожно взялъ протянутую ко мнѣ руку, крѣпко прижалъ ее къ похолодѣвшимъ губамъ своимъ и машинально вышелъ изъ дому генерала.

«Я пролежалъ три недѣли въ горячкѣ и первые дни былъ въ безпамятствѣ. Когда я пришелъ въ себя, то Марѳа сказала мнѣ, что ко мнѣ ѣздитъ каждый день докторъ, и что приходилъ еще раза два какой-то незнакомый пожилой человѣкъ.

«Въ одно утро, когда уже я поправился и могъ вставать, дверь моей комнаты отворилась и въ нее вошелъ генералъ. Я хотѣлъ вскочить съ постели, но онъ остановилъ это движеніе и, сѣвъ возлѣ меня, спросилъ:

«— Можете ли вы ѣхать, въ силахъ ли выдержать дальнюю дорогу?

«Первая мысль, которая блеснула въ головѣ моей, была: вѣрно въ Сибирь; но мнѣ было все равно, и потому отвѣчалъ, что готовъ.

«— Я приготовилъ вамъ мѣсто въ Москвѣ, началъ генералъ. — Вы видите, что я не золъ; но оставаться здѣсь вы не можете. Поѣзжайте съ Богомъ! Я все-таки еще считаю васъ человѣкомъ порядочнымъ и скромнымъ.

«На словѣ *скромный* генералъ сдѣлалъ сильное удареніе.

«Разумѣется, что я благодарилъ генерала, но впослѣдствіи понялъ, что онъ боялся огласки.»

— Итакъ, вы видите, что отъ всего моего прошедшаго остался только одинъ клочокъ бѣлокурыхъ волосъ; въ настоящее время дупеля и бекасы, а въ будущемъ — ну, да что о будущемъ...

Николай Семенычъ замолчалъ и плотнѣе закутался въ свою шинель. Я тоже началъ всматриваться въ даль, гдѣ начинала блестѣть свѣтлая полоса, предтеча солнечнаго восхода.

Часу въ шестомъ вечера, наканунѣ Петрова дня, мы подъѣхали къ дому, въ которомъ должны были провести нѣкоторое время.

Хозяйка находилась на крыльцѣ и, по видимому, отдавала какія-то приказанія стоявшему безъ шапки передъ ней крестьянину, вѣроятно старостѣ.

— Насилу-то, батюшка мой, вздумалъ навѣстить старуху, давно бы пора, и то, я думаю, только потому, что дѣло есть, а то, чай, еще бы лѣтъ двадцать тебя не увидала!

Такъ встрѣтила меня дражайшая родственница.

Поздоровавшись и представивъ ей моего товарища я пустился болтать тѣ фразы, которыя должны быть наготовѣ у каждаго почтительнаго племянника для троюродныхъ тетокъ, къ которымъ не чувствуется особенно-родственнаго влеченія.

— Парашка! крикнула тетушка:—поди проворнѣй сюда.

Явилась горничная лѣтъ пятидесяти, съ флюсомъ на правой щекѣ и небольшимъ количествомъ волосъ на головѣ.

— Вели въ мезонинѣ приготовить постели, да не забудь сказать дѣвкамъ, что завтра большой праздникъ, работать грѣхъ, такъ чтобъ собрали бѣлье и перемыли, только не понамеднишнему; понимаешь?

— Слушаю, сударыня.

— То-то слушаю; слушать мало, надо исполнять.

Разсказавъ тетушкѣ всѣ московскія новости, до которыхъ деревенскіе жители вообще большіе охотники, и разспросивъ ее о дѣлѣ, которое, къ моему удовольствію, было почти кончено и не требовало моего личнаго присутствія, я просилъ ее дать намъ на другой день провожатаго, который бы могъ показать охотничьи мѣста.

Пожуривъ сначала меня за глупую и пустую, по ея мнѣнію, страсть шляться по лѣсамъ и болотамъ, тетушка приказала позвать Ѳомушку, состоявшаго при барскомъ дворѣ въ званіи егеря и поставлявшаго къ столу дичь.

Ѳомушка явился. Ему было лѣтъ подъ шестьдесятъ; росту онъ былъ небольшаго, сложенія щедушнаго; одѣтъ чрезвычайно оригинально. На немъ надѣтъ былъ старый истертый вицемундирный фракъ съ двумя или тремя уцѣлѣвшими пуговицами; фракъ этотъ нѣкогда былъ достояніемъ бывшаго барина Ѳомушки. Подъ фракомъ находился не совсѣмъ еще изношенный плюшевой жилетъ, подаренный мѣстнымъ откупщикомъ, а сверхъ фрака курточка безъ рукавовъ на мѣху изъ лѣтнихъ зайцевъ. На ноги сверхъ затрапезныхъ брюкъ были натянуты болотные сапоги съ одной подошвой, рас-

пространявшіе запахъ дегтя. Вмѣсто картуза Ѳомушка держалъ въ рукахъ что-то въ родѣ мѣховаго колпака съ длинными наушниками, которые подвязывались подъ подбородокъ. Шапки эти имѣютъ названіе треуховъ. Треухи, впрочемъ, бываютъ и другаго рода, только эти другіе, по выраженію Ѳомы Брута въ повѣсти Гоголя «Вій», въ большомъ количествѣ вещь нестерпимая». Костюмъ Ѳомушки былъ всегда разнообразенъ и страненъ: нерѣдко женская куцавейка замѣняла полушубокъ и кафтанъ, башмаки исправляли должность сапоговъ и т. п. Но винить Ѳомушку за введеніе въ мужскій туалетъ такихъ принадлежностей было нельзя, потому что отъ барыни своей онъ получалъ немного; ему выдавалось также три фунта пороху, пять фунтовъ свинцу, изъ котораго рѣзалъ онъ дробь, и строгое приказаніе доставлять какъ можно болѣе дичи. Лицо егеря казалось заспаннымъ и опухшимъ; подъ глазомъ находился порядочный синякъ.

— У тебя опять глазъ подбитъ, опять вѣрно съ кѣмъ-нибудь подрался.

— Никакъ нѣтъ-съ! Глазъ — это отъ ружья: очень сильно отдаетъ, нужно казенный винтъ перемѣнить.

— Должно быть съ лѣваго плеча стрѣляетъ, замѣтилъ мнѣ шопотомъ Николай Семенычъ.

— Я тебѣ перемѣню казенный винтъ! Иди! да завтра поутру проводи вотъ этихъ господъ на охоту.

Ѳомушка молча удалился.

— Вотъ, прибавила тетушка: — что будешь дѣлать съ этакимъ народомъ? Опредѣлила его въ охотники, хоть бы къ столу дичь поставлялъ; такъ и этого нѣтъ: что̀ убьетъ, на сторону продастъ; дробь же и порохъ ему каждый годъ покупай.

Просидѣвъ съ хозяйкой еще нѣсколько часовъ, мы попросили ея позволенія отправиться въ свою комнату, извиняясь, что съ дороги устали, и что завтра надо рано вставать.

На другой день Ѳомушка явился къ намъ довольно рано. Онъ былъ съ одноствольнымъ, кремневымъ ружьемъ, съ патронташемъ собственнаго издѣлія, холстиннымъ мѣшкомъ вмѣсто ягдташа, безъ собаки.

— Куда жь ты насъ сегодня поведешь?

— А куда угодно; поѣдемъ, пожалуй, хоть въ Шепиловку, тамъ озеръ много, или, если хотите, въ Дрыновку, и тамъ утьва есть, только сторожка больно; знать напугана.

Я смекнулъ, что дѣло наше не совсѣмъ хорошо, что проводникъ нашъ утятникъ.

— Мы, любезный, до утокъ неохотники, сказалъ я:—а ты покажи-ка намъ лучше, нѣтъ ли гдѣ дупелей или бекасовъ; понимаешь?

— Какъ не понимать, знаю, видалъ и бекасовъ; только намъ надо ѣхать по дальше, къ Осиновкѣ, тамъ болота важнѣющія. Я, правда, самъ-то за бекасами не больно охочь. Что въ нихъ толку? летитъ кургузый словно бѣсъ какой. Куличковъ иногда сидячихъ стрѣляю барынѣ къ столу, за бекасовъ идутъ, скусъ-то я чай одинъ.

— Ты здѣшній уроженецъ?

— Нѣтъ, я изъ саратовской отчины.

— А здѣсь давно живешь?

— Годовъ тридцать будетъ, вѣдь я не Ольги Тимоѳеевны.

— Чей же?

— Да Петра Васильича.

— Какого Петра Васильича?

—Родной братъ покойнаго Ивана Васильича, супруга Ольги Тимоѳеевны.

— Чтожь, тебѣ въ Саратовскую-то не хочется?

— Нѣтъ, сначала хотѣлось, крѣпко скучалъ, а потомъ привыкъ.

— А родныхъ у тебя тамъ развѣ никого нѣтъ?

— Никого; я, по правдѣ сказать, незнаю, какъ и въ саратовскую-то попалъ; изъ Москвы, говорятъ, маленькаго привезли.

— Ну, а у Ольги Тимоѳеевны тебѣ хорошо?

— Нешто, хорошо, отвѣчалъ протяжно Ѳомушка, поглядывая на меня изъ подлобья. — Вы ей сродственникъ что ли, доводитесь?

— Дальній.

Ѳомушка кашлянулъ. Въ это время намъ подали четверомѣстныя старинныя дрожки, и мы отправились.

Проѣхавши верстъ десять, или двѣнадцать, мы увидѣли чудную картину, преимущественно для глазъ охотника. На пространствѣ, по крайней мѣрѣ, двадцати верстъ разстилалась зеленымъ ковромъ болотная равнина, изрѣзанная по всѣмъ направленіямъ небольшими озерами и рѣчками, которыя блестѣли какъ серебро отъ отражавшагося въ нихъ солнца, мѣстами поросшая кустарникомъ, тростникомъ и осокой. Кругомъ болота разбросаны были села и де-

ревни; а вдали, въ концѣ болота, блестѣли золотыя главы монастыря, окруженнаго дремучимъ лѣсомъ.

— Каково мѣстечко! вскрикнулъ Николай Семенычъ:—сердце радуется, глядя; а дичи-то, дичи-то, я думаю...

Однако послѣднему предположенію въ этотъ день не суждено было оправдаться.

Мы слѣзли у деревни, въ которую отправили нашъ экипажъ; а сами, повернувши вправо и обогнувши деревню, вступили въ болото.

Нужно было сначала пройдти около версты сквозь ольшнякъ, который былъ довольно высокъ и росъ въ ужасной грязи, покрытой огромными кочками.

Такія мѣста извѣстны подъ названіемъ «крѣпей», и надо быть охотникомъ, чтобъ понять, что̀ такое значитъ пройдти цѣлую версту крѣпью, когда нерѣдко и на сто саженяхъ пробьешься три часа и выбьешься совершенно изъ силъ. Дѣлать однако было нечего; Ѳомушка же поощрялъ насъ своимъ примѣромъ, безстрашно перескакивая съ кочки на кочку и повременамъ обрываясь по поясъ въ грязь, и ободрялъ тѣмъ, что за ольшнякомъ откроется такая палестина, которую глазомъ не окинешь.

Пробившись кое-какъ сквозь крѣпь, мы наконецъ выбрались на чистое мѣсто; но, увы! и здѣсь надежда на дупелей и бекасовъ рушилась: болото было топкое, ржавое, покрытое рѣденькой травкой, и то не вездѣ; а, какъ извѣстно, на такихъ мѣстахъ дичь почти не держится.

Проходивши нѣсколько часовъ попусту, потому что убили всего двѣ или три утки, мы начали перебираться на другую сторону болота и достигли наконецъ кустарника, въ которомъ мѣстность была хотя и кочковата, но гораздо суше. Вскочили два или три бекаса; это насъ оживило и прибавило силы; но когда мы вспомнили, что попасть въ деревню, гдѣ остался нашъ экипажъ, можно было только тѣмъ же трактомъ, потому что въ обходъ, берегомъ, было верстъ пятнадцать, то, признаюсь, несмотря на петровскій жаръ, насъ подрало, какъ говорится, морозомъ по кожѣ.

Послѣ общаго совѣщанія мы рѣшили наконецъ добраться до берега, идти въ первую деревню и нанять тамъ лошадь.

Чтобъ исполнить это предпріятіе, нужно было перейдти узенькую рѣчку, которая казалась неглубокою. Мы уже начали подходить къ ней,

какъ вдругъ, на противуположномъ берегу, въ кустарникѣ раздались довольно звучныя слова: «не ходите, здѣсь топко, возьмите нѣсколько правѣе, тамъ кладки», и вслѣдъ за этимъ совѣтомъ изъ кустовъ показался охотникъ, сопровождаемый крестьяниномъ, на плечѣ котораго висѣлъ ягдташъ.

— Здѣшній помѣщикъ Петръ Александрычъ, шепнулъ мнѣ Ѳомушка.

Между охотниками знакомство заводится довольно легко, а ежели еще одинъ изъ охотниковъ помѣщикъ, то оно почти неизбѣжно, потому что все-таки находишься въ нѣкоторой зависимости отъ владѣльца болотъ и лѣсовъ, въ которыхъ охотишся, и потому, чтобъ не показаться невѣжливымъ и частію по необходимости, пошелъ я навстрѣчу кричавшему господину.

— Помѣщикъ здѣшняго уѣзда, сказалъ онъ:— а такъ же и обладатель этого сквернаго болота.

Сказавъ наши имена, мы прибавили, что гостимъ у его сосѣдки и, имѣя страсть къ охотѣ, но не зная здѣшнихъ мѣстностей, поневолѣ ходимъ тамъ, куда насъ поведутъ.

— Съ перваго разу догадался, что вы пріѣзжіе, иначе не стали бы ломать ноги въ дрян-

номъ болотѣ, въ которомъ кромѣ утокъ и коростелей ничего не держится, когда не очень далеко отсюда есть превосходныя мѣста.

Я поблагодарилъ за утѣшительныя свѣдѣнія, но въ свою очередь замѣтилъ, что мнѣ казалось страннымъ, почему онъ, зная хорошія болота, охотится въ дурныхъ.

— Вы можетъ быть, думаете, что я, по обычаю многихъ охотниковъ, отпустилъ вамъ красное словцо; на этотъ разъ вы ошиблись. Дѣло вотъ въ чемъ: я охотникъ не страстный, а такъ себѣ; вотъ съ борзыми: — это другое дѣло, и потому въ даль не ѣзжу, а толкаюсь около своихъ владѣній ради прогулки; убью какую-нибудь утку, съ меня и довольно. Для охотника страстнаго, записнаго, къ числу которыхъ, по видимому, принадлежите и вы, я знаю, такая охота не по сердцу, и потому дамъ вамъ добрый совѣтъ, отъ котораго, надѣюсь, вы не откажетесь. На дворѣ ужь не рано, домой вамъ возвращаться не близко, поѣдемте ко мнѣ, закусимъ чѣмъ Богъ послалъ; я васъ поподчую наливкой, которая, могу сказать безъ хвастовства, у меня отличная; потомъ вы отдохнете, а завтра назорькѣ мы съ вами отправимся въ Разсказовское болото; это отъ меня не очень

далеко, верстъ восемь, и тамъ вы сдѣлаете такое поле, что...

Тутъ утѣшитель приложилъ три пальца своей правой руки къ губамъ и чмокнулъ.

Предложеніе было соблазнительно, къ тому же мы очень устали, протаскавшись нѣсколько часовъ по топкому кочковатому болоту и въ добавокъ понапрасну; возвращаться съ пустыми ягдташами не хотѣлось, впереди же, по словамъ разсказчика, ожидали ужинъ, превосходная наливка и успѣшная охота, а потому, несмотря на то, что я не люблю заводить новыя знакомства, рѣшился отправиться къ г. Кузанкевичу и переночевать у него.

Мы усѣлись на длинныя дроги, запряженныя парою добрыхъ лошадей, и черезъ нѣсколько минутъ подъѣхали къ крыльцу деревяннаго одноэтажнаго дома.

На дворѣ, какъ и у многихъ помѣщиковъ, насъ встрѣтили пять или шесть борзыхъ собакъ, махая хвостами, и мальчикъ съ трубкою въ рукахъ, состоящій въ званіи камердинера.

— А янтарь опять нечистъ, сказалъ баринъ, принимая набитую и закуренную уже трубку.— Я тебя выучу, въ порядкѣ чубуки держать. Времени, что ли нѣтъ, или дѣла много? Чай,

все дрыхнулъ или въ бабки игралъ. Смотри! Пошелъ, скажи, чтобъ наливки принесли! Позвольте мнѣ переодѣться, прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ, и вышелъ въ смежную комнату.

Пока г. Кузанкевичъ занятъ своимъ туалетомъ, позвольте, снисходительный читатель, описать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ внутреннее убранство дома, а потомъ разсказать біографію хозяина, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не лишена интереса.

Планъ дома, расположеніе комнатъ и убранство довольно обыкновенны, выключая кабинета, украшенія котораго состояли изъ чубуковъ всѣхъ возможныхъ формъ и возрастовъ, начиная съ трехъ-аршиннаго, изъ венгерской черешни, до кожанаго, согнутаго въ нѣсколько колецъ и похожаго на свернувшуюся змѣю. По стѣнамъ кабинета развѣшена коллекція оружія разныхъ націй; хозяинъ зналъ исторію каждаго изъ нихъ: въ одномъ мѣстѣ изгибалась кривая какъ серпъ турецкая сабля, принадлежавшая какому-то звѣрообразному, неистовому пашѣ, которой онъ, отъ нечего-дѣлать, для испытанія ея остроты и закалки, срѣзалъ нѣсколько сотенъ правовѣрныхъ головъ; въ другомъ мѣстѣ

висѣло знаменитое черкесское ружье, изъ котораго покойный Кази-мулла на пятьсотъ шаговъ перерывалъ пополамъ воробья; рядомъ съ ружьемъ красовался, по словамъ владѣльца, базалаевскій кинжалъ, которымъ не разъ съ одного взмаха перерубали пополамъ кабановъ и отсѣкали буйволамъ головы. Въ углу лежало охотничье, черкесское сѣдло съ щегольскимъ серебрянымъ наборомъ. По обѣ стороны дверей, ведущихъ въ этотъ воинственный кабинетъ, стояло нѣсколько штукъ рогатинъ, хотя хозяинъ ихъ, по собственному сознанію, не любилъ медвѣжьей охоты, да притомъ и медвѣди въ той сторонѣ не водились. Окна кабинета украшались огромными бутылями съ наливками разныхъ колеровъ, смиренно ожидавшими очереди перейдти, куда слѣдуетъ.

Біографія моего героя также обыкновенна и не длинна.

Его мать, добрая, но недалекая женщина, и отецъ, премьеръ-маіоръ прошлаго столѣтія, выучившійся грамотѣ на мѣдныя деньги, упитывали нѣжно любимаго сынка до двѣнадцатилѣтняго возраста разными продуктами деревенской кухни: сальниками, вотрушками, нянями, бараньими боками съ кашей и прочими болѣе

или менѣе легкими и пріятными снадобьями, укрѣпляющими и развивающими организмъ.

Премьеръ-майоръ однако вспомнилъ наконецъ, что XIX столѣтіе не XVIII, и что отъ молодыхъ людей при вступленіи въ службу, даже военную, требуютъ какихъ-то экзаменовъ и слѣдовательно Петрушѣ, кромѣ искусствъ играть въ свайку и пускать змѣй, необходимо заняться и еще чѣмъ-нибудь. Разумѣется, что тутъ дѣло не обошлось безъ похвалъ доброму старому времени и безъ ругательствъ новому. «Ну, вотъ я, напримѣръ — говорилъ старикъ, негодуя на экзамены, — и неученый, а слава Богу, майоръ и кавалеръ, имѣю 500 душъ и прожилъ свой вѣкъ припѣваючи. А что толку въ ученьѣ-то? Только одинъ развратъ!» Однако, не смотря на то, что ученье и просвѣщенье развратъ, на семейномъ совѣтѣ, послѣ продолжительныхъ совѣщаній съ сосѣдями, рѣшено было по первому пути выписать для возлюбленнаго дѣтища наставника, который бы взялся обучать юношу всѣмъ возможнымъ наукамъ, необходимымъ для этихъ несносныхъ экзаменовъ.

Выборъ учителя возложенъ былъ на одного помѣщика, сосѣда и пріятеля, который двадцать-

третью зиму ѣздилъ въ Москву для справокъ, скоро ли откроется вакансія для болтировки его въ члены англійскаго клуба, а также для покупки сельдей, прованскаго масла, каперсовъ, сливокъ и прочихъ удовольствій. Помѣщикъ этотъ между прочимъ слылъ также въ околодкѣ за человѣка ученаго, вѣроятно, потому, что ежегодно выписывалъ всѣ возможные адресъ-календари и многія другія, въ этомъ же родѣ, ученыя и назидательныя книги.

Въ исходѣ марта, вмѣстѣ съ прилетомъ жаворонковъ и другой дичи, приплылъ и учитель; говорю — приплылъ, потому, что онъ дѣйствительно дорогой разъ десять выкупался въ лужахъ и зажорахъ.

Въ условіи съ учителемъ между многихъ статей сказано было: дабы не подать дурнаго примѣра, то ему, учителю, водки отнюдь не пить и съ дворовыми дѣвками никакого обращенія не имѣть.

Ученье шло быстро, время также, и года черезъ три Петруша узналъ, что *mensa* въ родительномъ падежѣ будетъ *mensae,* что Ромулъ и Ремъ основали городъ Римъ, что крымская собака, борзая, хотя и сильна, но не такъ

прытка, и потому годится только для степныхъ мѣстъ, а гдѣ много лѣса, тамъ необходима псовая.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это домашнее воспитаніе, еслибъ одно ничтожное обстоятельство не измѣнило ходъ дѣла.

Однажды премьеръ-майоръ, страдая безсонницею, что, мимоходомъ сказать, послѣ прорѣзыванья зубовъ, случилось съ нимъ въ первый разъ, вздумалъ войдти къ сыну въ спальню, вѣроятно для того, чтобъ полюбоваться на безмятежный сонъ дитяти, но, къ изумленію своему, не нашелъ его на мѣстѣ... Тутъ старикъ смекнулъ, что сынъ его кромѣ наукъ положительныхъ, полезныхъ единственно для экзаменовъ, склоненъ также и къ поэзіи; а потому рѣшился покончить дѣло разомъ, и на другой день, послѣ продолжительнаго и жаркаго спора съ своей женой, въ которомъ пролились потоки слёзъ, опредѣлено было Петрушу записать въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ.

Просьба была подана и принята. Будущаго воина снарядили, напутствовали благословеніемъ, прочитали диссертацію какъ должно себя вести и отправили на службу.

Получая довольно много денегъ, часть которыхъ, собранная при помощи домашней эко-

номіи, присылалась чадолюбивою матерью тайкомъ отъ мужа, юнкеръ зажилъ лихо. Однако же, дослужившись до чина поручика и получивъ послѣ смерти отца въ наслѣдство пятьсотъ незаложенныхъ саратовскихъ душъ, молодой Кузанкевичъ вышелъ въ отставку.

Резиденціей онъ избралъ Москву, городъ, по преимуществу, отдохновенія и покоя, румяныхъ калачей и невѣстъ.

Московская жизнь понравилась Петру Александрычу; съ утра до ночи, или, вѣрнѣе сказать, съ вечера до утра, онъ былъ постоянно занятъ чѣмъ-нибудь пріятнымъ, то у пріятелей, то въ клубѣ, то у цыганъ, то въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Однимъ словомъ, онъ, по словамъ одного поэта,

«Игралъ и пилъ, и пѣлъ романсы звучнымъ басомъ,
«И утро начиналъ не кофеемъ, а квасомъ.»

Историческая достовѣрность однако же требуетъ замѣтить, что вскорѣ послѣ водворенія отставнаго поручика въ Москвѣ голосъ его охрипъ. Кузанкевичъ приписывалъ это употребленію парнаго молока въ Петровки, по совѣту

медиковъ, которые будто бы подозрѣвали въ немъ чахотку. При одномъ воспоминаніи объ этомъ леченіи, Петръ Александрычъ приходилъ въ ярость. «А! каковы эти латынцы — говорилъ онъ — подозрѣвали, видите, во мнѣ чахотку и, для исправленія грудныхъ органовъ, заставили пить парное молоко. Тьфу ты, какая мерзость! вспомнить не могу равнодушно.»

Кузанкевичу было лѣтъ сорокъ, хотя на видъ казалось болѣе пятидесяти; онъ бы могъ назваться недурнымъ мущиной, еслибъ нѣсколько опухловатое лицо, преждевременныя морщины — памятники разгульной жизни, и красноватый отливъ глазъ не придавали его физіономіи какого-то непріятнаго, отталкивающаго выраженія, которое при первомъ взглядѣ ускользало отъ наблюдателя.

Несмотря на то, что Петръ Александрычъ, въ отношеніи гигіены, велъ себя діаметрально противоположно всѣмъ правиламъ макробіотики Гуфланда, онъ былъ здоровъ и силенъ и, по видимому, долго еще намѣревался влачить цѣпь веселыхъ дней.

Кузанкевичъ принадлежалъ къ той породѣ людей, которыхъ всякому, вѣроятно, не разъ случалось встрѣчать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, и на большихъ ярмаркахъ, куда они

налетаютъ, какъ саранча, для опустошенія чужихъ кармановъ. Господа эти во время оно носили отчаяннаго покроя венгерки (въ настоящее время, при всеобщемъ стремленіи къ усовершенствованію, пальто вытѣснило эту одежду), неистово затягивались Фаллеромъ (котораго замѣнилъ Василій Жуковъ), умѣли пускать ртомъ изъ табачнаго дыма очень привильныя кольца, славились физической силой, изобрѣтательностію въ приготовленіи жженокъ, превосходно дирижировали хоромъ цыганъ, знали всѣ увеселительныя заведенія, могли, не пьянѣя, выпивать несмѣтное количество бутылокъ разныхъ прохладительныхъ и превосходно тасовали карты.

Попавши въ сочлены такого почтеннаго и веселаго общества и проживши въ Москвѣ лѣтъ пять, Петръ Александрычъ замѣтилъ, что отъ недвижимаго саратовскаго имѣнія осталась лишь публикація въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что оно такого-то числа іюля будетъ продаваться съ акуціоннаго торга, а изъ движимости прекрасныя коллекціи вышеупомянутыхъ чубуковъ, трубокъ и азіатскаго драгоцѣннаго оружія — вещей, какъ видите, очень полезныхъ въ домашнемъ быту.

Дѣла приняли другой оборотъ, пришло плохо

наступила жизнь сѣренькая, надо было поститься. Кутила нашъ пріунылъ, не зналъ, что предпринять, на что рѣшиться. Ѣхать къ матери, которую не видалъ со дня отправленія своего въ полкъ, и къ которой со дня смерти отца даже не писалъ, онъ не смѣлъ, потому что она была на него страшно сердита, не велѣла пускать его къ себѣ на глаза и даже свое имѣніе хотѣла передать племяннику. «Идти опять въ службу», подумалъ было Петръ Александрычъ; но послѣ такого приволья и нѣги тяжело, не хочется, отвыкъ. Судьба, слово по выраженію Наполеона не имѣющее смысла, однако жь помогла нашему герою и выручила его изъ затруднительнаго положенія; старушка мать умерла, умерла вдругъ, неожиданно, не успѣвши сдѣлать духовной, и промотавшійся поручикъ вновь увидѣлъ себя обладателемъ трехъ-сотъ душъ.

Получивъ имѣніе и расплатившись съ долгами, Кузанкевичъ вздумалъ перемѣнить образъ жизни. Москва ли съ ея удовольствіями и пріятелями ему надоѣла, или онъ просто образумился — неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что онъ рѣшился ѣхать на житье въ деревню и заняться хозяйствомъ.

Хозяйство началось тѣмъ, что новый эконом-

помѣщикъ выстроилъ прекрасный псарный дворъ, вырубилъ въ старинномъ саду густыя липовыя алеи (онъ это, вѣроятно, сдѣлалъ для того, чтобъ онѣ не мѣшали ему любоваться на безконечныя степи, на которыхъ не росло не только деревца, но даже никакого прутика). Началъ разбивать англійскій паркъ и наблюдать за старостой. Особенное вниманіе по хозяйственной части обращено было на производство наливокъ и выгонку различныхъ водокъ, и надо отдать справедливость, эта часть была доведена до совершенства.

Можетъ-быть, пожелаютъ знать, что дѣлалъ въ деревнѣ Кузанкевичъ, чѣмъ занимался, какъ проводилъ время. На это можно отвѣчать, что онъ ничего не дѣлалъ въ особенности, ничѣмъ не занимался исключительно; его занимали ѣда, питье, сонъ. Умственныя занятія, какъ разстраивающія дѣятельность пищеварительныхъ органовъ, были изгнаны. Конечно, въ ежедневной, будничной жизни, случались и варіаціи, но вообще вся жизнь сбивалась на одинъ ладъ.

Опишемъ для примѣра одинъ типическій день.

Часовая стрѣлка показываетъ половину одинадцатаго. Баринъ только что проснулся; полураскрытые, слипающіеся глаза его не въ со-

стояніи еще явственно различать предметовъ, а ужь черешневый чубукъ отправляетъ свою обязанность, и табачный дымъ ходитъ около головы проснувшагося; въ головѣ же какъ-то все еще смутно, несвязно, тяжело. Отпитый на-половину стаканъ чаю стоитъ на столикѣ возлѣ кровати. Мальчикъ лѣтъ четырнадцати, исправляющій должность камердинера, прислонившись къ стѣнѣ, со вниманіемъ разсматриваетъ свои порыжѣвшіе сапоги, сквозь носки которыхъ выглядываютъ пальцы.

— Пошелъ, позови повара, говоритъ баринъ осиплымъ голосомъ:—и давай умываться.

Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвращается съ поваромъ, къ фартуку котораго можно присѣчь огня.

Баринъ лѣниво встаетъ и совершаетъ омовеніе своихъ измятыхъ членовъ, потомъ обращается къ повару съ приказаніемъ приготовить поскорѣе и покислѣе солянку. Камердинеръ въ это время отправляется за живительной влагой. Кузанкевичъ преимущественно любитъ полынную, которой передъ завтракомъ и употребляетъ рюмки по три, по четыре.

Часа за два до обѣда къ крыльцу подводится верховая лошадь, осѣдланная черкесскимъ сѣд-

ломъ, и баринъ, сопровождаемый борзыми собаками отправляется по хозяйственной части.

— А что, не видать зайцевъ? спрашиваетъ онъ, проѣзжая мимо жнущихъ.

— Шныряютъ-таки кое-гдѣ. Наднясь, кормилецъ, Васютка троихъ видѣла.

Взглянувъ мелькомъ, что̀ тутъ дѣлается, онъ отъѣзжаетъ далѣе.

Послѣ обѣда нѣсколько часовъ, какъ времени никуда негоднаго, убивается сномъ. Послѣ сна, для освѣженія, начинается проба наливокъ, которыхъ выпивается количество, могущее произвести воспаленіе въ шести желудкахъ болѣе слабыхъ и не столь привыкшихъ къ хлѣбному. Потомъ чай непремѣнно съ подливкою произведеній Ямайки или Бордо. Далѣе водка, ужинъ, головная боль и наконецъ безпокойный сонъ. Завтра, послѣ завтра, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ то же самое съ небольшими измѣненіями.

Такъ протекала плавно, пріятно и весело жизнь нашего героя.

Изрѣдка Александра Петровича посѣщалъ какой-нибудь сосѣдъ, и тогда наливкамъ, подслащеннымъ и неподслащеннымъ, и водкамъ различныхъ специй доставалось еще болѣе.

Прошу у читателя извиненія, что, занявшись біографіею Кузанкевича, я отклонился отъ разсказа.

Минутъ черезъ десять хозяинъ возвратился къ намъ въ халатѣ персидскаго покроя и въ ермолкѣ.

— А наливку еще не принесли? закричалъ онъ такимъ голосомъ, какъ будто командовалъ эскадрономъ.

— Сію минуту, отозвался кто-то изъ смежной комнаты пріятнымъ контръ-альтомъ.

Вошла дѣвушка, довольно просто, но со вкусомъ одѣтая, и поставила передъ нами графины, наполненные разноцвѣтной жидкостью.

— Прошу! сказалъ Кузанкевичъ: — какой прикажете: вишнеки, терновки или рябиновки? Рекомендую, прелесть!

Кузанкевичъ пробовалъ наливки, прищелкивалъ языкомъ и причмокивалъ губами.

— Недурна, очень недурна, говорилъ онъ:— ароматъ такой, точно сейчасъ сорванныя ягоды.

— Не угодно ли? сказалъ хозяинъ, передавая мнѣ одну изъ рюмокъ:—сначала вишневки, а потомъ попробуемъ и другихъ. Вы чтожь не пьете, почтенный Николай Семенычъ?

— Не могу, отвѣчалъ мой товарищъ: — у меня всегда послѣ голова болитъ.

— Хорошій признакъ, замѣтилъ хозяинъ: — значитъ голова есть.

Разговаривая съ Кузанкевичемъ, я спросилъ его, какого онъ мнѣнія объ обществѣ его сосѣдей.

— Общество, какое здѣсь общество! отвѣчалъ со смѣхомъ Александръ Петровичъ, принимаясь за десятую или одинадцатую рюмку. — Къ кому, прикажете, напримѣръ, ѣздить, къ старику Хрущину, что ли? такъ онъ, во первыхъ, поведетъ васъ осматривать свои фабрики, а потомъ усадитъ по копѣйкѣ въ вистъ играть; если же избавишься висту, то еще хуже, попадешь изъ огня въ полымя: жена его заставитъ гранъ-пасьянсъ раскладывать—куда какъ пріятно! Поѣхалъ я было познакомиться съ Малиновымъ; сказали, что отличное семейство; онъ точно человѣкъ хоть бы куда, да жена въ рукахъ держитъ; а отъ ихъ ребятишекъ покою нѣтъ; дѣвченокъ и мальчишекъ, кажется, штукъ десять; то тотъ лѣзетъ на колѣни цаловаться, то другой, то третій—просто мочи нѣтъ; платье твое испачкаютъ все пылью. Былъ я и у Ле-

бѣева и у Козовича: первый въ науки вдался, на всѣхъ смотритъ свысока, такъ сказать, съ презрѣніемъ, пьетъ одну воду, находитъ, видите, это очень здоровымъ; Козовича дома никогда не застанешь, все по ярмаркамъ шляется, лошадей скупаетъ да продаетъ. Вотъ и весь почти нашъ уѣздъ. Объ остальныхъ и говорить не стоитъ—чуваши, мордва все какая-то. Да ужь что толковать про нашу глушь и въ Москвѣ-то нынче плохо стало, людей нѣтъ, перевелись; что нынче за время, какая молодежь, стыдно смотрѣть; правду сказалъ блаженной памяти Денисъ Васильичъ:

«Жомини, да Жомини, а объ водкѣ ни полслова».

Совѣстно слушать, какъ иной молодчикъ начнетъ разсказывать про нынѣшнее веселье. Въ Царицыно, говоритъ, ѣздили, пикникъ по подпискѣ былъ, оркестръ отъ какого-то нѣмца; обѣдъ какой — чудо! вино все отъ Леве; а какое тебѣ вино, я чай, человѣкъ тридцать одну бутылку тянули. Нынче все на безе выѣзжаютъ. Какія теперь гулянья? Выѣдутъ развѣ подъ Новинское на масляницѣ показать свои собольи салопы да жирныхъ лошадей, точно кому нибудь нужно, или забѣжитъ иной франтъ въ ко-

фейную, папиросу сожжетъ, да и думаетъ, что онъ кутитъ, веселится: воображеніе-то очень сильно. Соберутся тоже иногда въ клубъ покутить, на первой недѣлѣ поста то-есть, пообѣдать за рубль серебромъ, когда уха варится въ пятьсотъ цѣлковыхъ — на наши штрафныя денежки; вѣдь клубы-то мы еще поддерживаемъ, играющіе, а то бы и они упали. Истинно скажу вамъ, что нынче общественнаго, кромѣ Ламакинскихъ бань, ничего нѣтъ. Мы кучивали не такъ, продолжалъ Кузанкевичъ, разгоряченный наливкой и воспоминаніемъ: — нѣтъ, не такъ, не по нынѣшнему. Заберемся, бывало въ Перовъ или Марьину, человѣкъ этакъ десять; народъ, знаете, все лихой, удаль сорви голова, и давай веселиться, что называется кутить. Другіе посѣтители завидя насъ, изъ трактира бывало вонъ сейчасъ, кромѣ..... понимаете. А ужь цыгане тутъ; носомъ чуетъ фараоново племя, что пожива будетъ. Ну и пойдетъ музыка, плясъ, пѣсни, шумъ, гамъ, однимъ словомъ разливанное море. И что за народъ! Одинъ изъ нашихъ Сашка Сверчуковъ, былъ умница, ученый такой; а какъ бывало напьется, такъ никакого ладу нѣтъ; начнетъ все, что ни попадетъ подъ руку бить и ломать; «все, кри-

читъ, мое, подавай сюда, все перебью!» Въ цыганокъ такъ деньгами и швыряетъ. А прикащикъ, шельма такая былъ, начнетъ уговаривать: полноте, сударь, ручки изрѣжете, полноте; а какое тебѣ полноте, самъ, бестія, подносы съ чашками, да съ стаканами такъ и подставляетъ, чтобъ побольше колотили, чашка-то, примѣрно, стоютъ какой нибудь двугривенный, а онъ за нее въ счетъ влѣпитъ рублей пять.» Саксонская, говоритъ, была, хозяинъ изъ-за границы для вашей милости за-нарокъ выписывалъ; вы у насъ гости почетные, вамъ простыя подать нельзя, а то и *пасосъ сколите.*

— Былъ у насъ еще Ѳедотъ Семенычъ Ветчина: росту трехъ аршинъ, между плечъ карета четверкой могла проѣхать, силища какъ у Самсона. Мы его такъ давилой и прозвали. Съ собой приглашали болѣе въ случаѣ какихъ либо исторій; чуть гдѣ-нибудь затѣется драка и кричимъ: Ветчина, спасай! «А вотъ, пустика, душечка, скажетъ, бывало, я его принакрою;» ну ужь, батюшка мой, и принакроетъ. Ручища была какъ у Минина. Денегъ только своихъ тратить не любилъ, все бывало на чужбинку наровитъ. А ужь что касается этого (тутъ разскащикъ постучалъ пальцемъ сначала по

рюмкѣ, а потомъ по галстуку), такъ будь черное море не съ соленой водой, а съ водкой и то бы до дна осушилъ. Былъ у него пріятель, Пропустецъ назывался, тоже питухъ. Зашли они, вдвоемъ, однажды въ погребокъ, не помню въ Ярославлѣ, или въ Костромѣ, и говорятъ хозяину: — сколько съ рыла ты возьмешь напоить насъ до отвала? — Что будете кушать? спросилъ погребщикъ. «Да, сначала, какъ водится, водочки, только знаешь солененькаго побольше, потомъ мадерцы дай, тамъ красничку, сорерицу, ну, а въ заключеніе и шампанеи.» Думалъ, думалъ мой погребщикъ, что съ нихъ взять, видитъ ребята теплые, за себя постоятъ, и заломилъ двѣсти рублевъ.» — Ну ладно! говоритъ, и принялись. Чтожь вы думаете, отецъ мой, вѣдь на мадерѣ отказался, да дюжину портеру отступнаго еще далъ. Мнѣ это самовидѣцъ разсказывалъ. Пропустецъ съ Ветчиной пуншть иначе не пивали какъ аршинами.

— Какъ это? спросилъ Николай Семенычъ.

— А вотъ какъ: нальютъ этакъ стакановъ сто, поставятъ ихъ на полъ другъ къ другу, да и кричатъ человѣку: отмѣряй-ка братъ аршинчика по полтора намъ. Да-съ, нечего сказать, народецъ былъ. Или Алеша Себѣльцовъ!

голосъ какой имѣлъ! ужь не золотой, а бриліантовой. Какъ бывало запоетъ: «расплетайтесь мои кудерки, расплетайтесь мои русыя,» такъ словно тебя кто за сердце клещами ухватитъ, душу, разбойникъ, всю вытянетъ, плакать хочется—а народъ былъ, нечего сказать, не слабонервный, и вдругъ,перейдетъ въ веселую: «усыль мои усики, усы мои черные перестали виться, жена моя боярыня»... да и начнетъ колѣнцы отхватывать, пустится съ гитарой въ присядку, а цыгане какъ подхватятъ хоромъ, такъ просто всѣ косточки говорятъ, никакъ, бывало, на мѣстѣ не усидишь. Просто артисты были. Такъ вся ночь и пролетитъ, не замѣтишь какъ; да что одна ночь! иногда случалось сутокъ двое, трое, недѣлю. Счетъ бывало, такой аптекарской подадутъ, что просто посторонній ахнулъ бы. Ящика три вина, порцій полтораста кушанья, ѣли-то больше все цыгане, дюжинъ шесть чашекъ разбито, зеркало въ дребезги, два стола, дюжина стульевъ изломано, повару глазъ подшибенъ, и все это, знаете, въ счетъ. Поморщишься, поморщишься, а дѣлать нечего, полѣзешъ въ карманъ. Вотъ это по нашему называлось веселиться, кутить, воскликнулъ разскащикъ.

—Нѣтъ, нынче не то время, людей нѣтъ, а о друзьяхъ и говорить нечего; какіе теперь пріятели, гдѣ они? пхе, вздоръ, пустяки, нигдѣ никого не встрѣтишь, всякой себѣ подъ носъ глядитъ, всѣ эгоисты стали, каждый только для себя; въ литературу вдались, въ науку; толкуютъ о какомъ-то прогрессѣ, фабрики заводятъ, сельскимъ хозяйствомъ занимаются. Ты хочешь поговорить о чемъ-нибудь пріятномъ, а онъ тебѣ о посѣвѣ картофеля или о навозѣ; оно, конечно, картофель вещь хорошая, да только не въ разговорѣ, а напримѣръ съ котлетами или росбифомъ; навозъ же просто дрянь. Вотъ прежде такъ друзья были! готовъ для тебя въ огонь и въ воду. Бывало, коли невидался съ кѣмъ дня два—три, ну и знаешь, что нехорошо, что должно быть какая-нибудь исторія случилась: ѣдешь справляться, понимаете, куда... «Гдѣ, молъ, такой-то и такой-то находится?» Ну сейчасъ и скажутъ: «мѣстопребываніе имѣетъ тамъ-то...» Ну тутъ, знаете, хлопоты, надо выручать... Эхъ, знатное было время! прибавилъ ораторъ, доливая въ свою рюмку рябиновку.

«Да нынче, слава Богу, не то время—по-

думалъ я — повывелись подобные молодцы; не родъ имъ и не водъ...

Когда Кузанкевичъ кончилъ свой монологъ, я сказалъ, что усталъ и желалъ бы отдохнуть.

Меня проводили въ комнату, гдѣ была послана постель; комната эта украшалась драпри изъ паутины и имѣла довольно удушливый запахъ; видно было, что хозяинъ не очень заботился о чистотѣ и опрятности, что эта статья не входила въ составъ его хозяйства.

Я отворилъ окно, которое выходило въ садъ. Свѣжій ночной воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ, которые Богъ знаетъ какимъ-то случаемъ уцѣлѣли отъ всесокрушающей системы агрономіи Кузанкевича, освѣжилъ мою спальную, и я заснулъ тѣмъ сномъ, которымъ спятъ охотники.

На другой день хозяинъ разбудилъ насъ довольно рано. Экипажъ былъ поданъ, и мы, напившись чаю, отправились въ Разсказовское болото, гдѣ дѣйствительно нашли много дичи.

Вечеромъ поблагодаривъ хозяина, мы возвратились къ тетушкѣ, у которой пробывъ одинъ день, отправились въ Москву.

Я слышалъ, что Кузанкевичъ, продавъ имѣніе, переѣхалъ въ Москву, гдѣ и пользуется по своему всѣми удовольствіями жизни.

Николай Семенычъ по прежнему скроменъ, играетъ на гитарѣ, пишетъ доклады, покуриваетъ трубочку и получилъ мѣсто столоначальника.

ѲЕДУЛЫЧЪ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Н. Н. Горскому).

Въ нашей первопрестольной, бѣлокаменной столицѣ, въ прежнее время, между московскими егерями, встрѣчалось довольно много оригинальныхъ лицъ. Они живали обыкновенно у богатыхъ баръ-охотниковъ и потѣшали ихъ своими разсказами и проказами. Нынѣ чудаки эти, къ сожалѣнію многихъ любителей посмѣяться, какъ-то перевелись.

Кто, напримѣръ, изъ старыхъ московскихъ охотниковъ не помнитъ Тимофея Лаврентьича, который страстно любилъ разсказывать про свою жизнь, богатую небывалыми и чудными охотничьими приключеніями, и терпѣть не могъ, если кто-нибудь изъ слушателей ему противорѣчилъ

и замѣчалъ, что онъ лжетъ; при этомъ Тимофей Лаврентьичъ выходилъ изъ себя и начиналъ браниться. Да, чудный онъ былъ человѣкъ! Гдѣ не былъ? чего не видалъ? На Кавказѣ охотился за фазанами, блаженной памяти съ Кази-Муллою. «Да больно—говорилъ Тимофей Лаврентьичъ— у этого татарина собака была плоха, я отъ него, дурака, и прочь.» Въ Кіевѣ Тимофей Лаврентьичъ шесть недѣль сорокой леталъ, въ которую его обратила вѣдьма. «Завидишь, бывало — говоритъ онъ—охотника, такъ волосы дыбомъ и встанутъ.» Если кто сомнѣвался въ разсказѣ, тому Тимофей Лаврентьичъ читалъ стихи Пушкина:

Скребницей чистилъ онъ коня...

и приговаривалъ: «вотъ умный былъ человѣкъ и сочинитель, да вѣрилъ же, а ты что̀?»

Или, кто позабылъ незабвеннаго Григорья Иваныча, имѣвшаго способность говорить безъ умолку двадцать-три часа въ сутки, и какъ говорить! Слушаешь, бывало, слушаешь, кажется и не монгольская рѣчь, а ровно ничего не понимаешь. Впрочемъ, можно было и не слушать, а спать; разсказчикъ не обижался. Григорій Иванычъ замѣчателенъ еще былъ тѣмъ,

что имѣлъ чрезвычайно много родственниковъ: на большихъ и проселочныхъ дорогахъ, въ каждомъ почти увеселительномъ домѣ, подъ вывѣской елки, онъ находилъ кума или куму, къ которымъ непремѣнно завертывалъ перемолвить словечка два-три и возвращался раскраснѣвшись.

Или, кто не знавалъ Зураева, у котораго ягташъ былъ точно исправный пакгаусъ; чего только не было въ этомъ ягташѣ? и шило, и нитки, и ножницы, и запасное платье, и бѣлье, и туфли, и водка, и закуска, и чайникъ, и камфорка, и удочки, — однимъ словомъ, все кромѣ дичи. Случалось, Зураевъ вынетъ изъ ягташа складное зеркальце, поставитъ его на кочку въ болотѣ, а самъ сядетъ на другую, достанетъ бритвы, мыленку, кисточку и начнетъ бриться. Спросишь: что это?

— Да ныньче праздникъ: нужно поскоблиться.

Къ числу этихъ-то оригиналовъ принадлежалъ и Федулычъ. Это было такое лицо, о которомъ мнѣ хочется сказать поболѣе нежели о другихъ.

Я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ на охотѣ: молодая собака моя, плохо выдрессиро-

ванная, но которой я дорожилъ за ея отличную породу, испугавшись выстрѣла, ушла съ болота.

Разстроенный и разсерженный на нашихъ плохихъ егерей-дрессировщиковъ, я возвращался въ деревню, гдѣ была моя квартира. Навстрѣчу попался мнѣ крестьянинъ, къ которому я, естественно, и обратился съ вопросомъ:

— Не пробѣгала ли мимо тебя, любезный, собака?

— А ты самъ отколѣ? спросилъ онъ меня.— Съ Москвы чтоль?

— Изъ Москвы, отвѣчалъ я, досадуя на неумѣстное любопытство.

— Ты видно стрѣлецъ?

— Да, охотникъ.

— У отца Алексѣя стоишь, или у Ваньки Бражнаго?

— У священника. Ты собаку-то не видалъ-ли.

— Собаку, таку подружейную?

— Да, охотничью, отвѣчалъ я, нѣсколько обрадованный.

— Рябую?

— Рябую, повторилъ я въ нетерпѣніи.

— И въ ожерелкѣ? продолжалъ допрощикъ.

— И въ ожерелкѣ.

Допрощикъ на минуту задумался, и почесавъ затылокъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, братецъ мой, не видалъ; а ты бы лучше сходилъ, прибавилъ онъ: — вонъ за энтотъ лѣсъ, тамъ во врагѣ, за рѣчкой, знашь, наше стадо пасется, такъ можетъ статься пастухъ видѣлъ. Тамъ и тетеревьевъ найдешь; мы наднясь косили, такъ зайцы подъ ногами такъ и шныряютъ.

Поблагодаривъ моего мучителя, какъ слѣдовало, за совѣтъ, я хотѣлъ бѣжать, сожалѣя о напрасно потерянномъ времени; но повернувшись, наткнулся на охотника, который держалъ на сворѣ мою собаку.

— Вѣрно ваша-съ? сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой: — должно быть еще молодая-съ? Не задѣлъ ли ее кто-нибудь зарядомъ? Это нерѣдко бываетъ-съ. Въ компаніи не слѣдуетъ ходить съ молодыми собаками, а то какъ разъ испортишь.

Обрадованный находкою собаки, я пустился съ новымъ товарищемъ обратно въ болото.

Охотникъ этотъ былъ Федулычъ. Мы съ нимъ познакомились покороче. Онъ сталъ навѣщать меня довольно часто и постоянно со-

провождалъ на охоту, когда я полевалъ около Москвы. Вдаль онъ не любилъ пускаться.

Федулычъ былъ нѣкогда человѣкъ если не богатый, то и не бѣдный, содержалъ каретное заведеніе и имѣлъ небольшой капиталъ; но вслѣдствіе своей доброты и чрезвычайной довѣрчивости къ человѣческому роду, а также по милости нѣкоторыхъ любителей новыхъ экипажей и чужихъ капиталовъ, остался безо всего, то-есть безъ всякихъ средствъ къ существованію; но Федулычъ былъ философъ и съ твердостью истиннаго стоика выдерживалъ всѣ удары судьбы.

Я принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, къ которымъ Федулычъ былъ искренно привязанъ; не смотря на то, какъ ни хотѣлось мнѣ, по свойственному всѣмъ людямъ любопытству, но никакъ не удалось узнать, кто былъ причиною его упадка? Отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: «Ахъ, какіе вы странные? на что же это вамъ знать, не все ли равно, кто бы ни былъ: дворянинъ-съ, помѣщикъ своего имѣнія» и болѣе ни слова. Однажды только, подъ веселый часъ, Федулычъ сказалъ, что должникъ его былъ большой чудакъ и до того привыкъ подписывать векселя, что, подписывая поздра-

вительное письмо къ матери, началъ такъ: «къ сему заемному письму...»

Росту Федулычъ былъ довольно большаго, нѣсколько сутуловатъ, худощавъ, на лицѣ его, постоянно задумчивомъ, выражались доброта и простосердечіе; въ глазахъ видна была кротость и совершенная покорность судьбѣ. Федулычъ былъ молчаливъ, рѣдко вмѣшивался въ разговоры и скорѣе былъ наблюдатель, нежели собесѣдникъ; но когда разговоръ касался охоты, онъ оживлялся и на пасмурномъ грустномъ лицѣ его являлась улыбка; въ это время онъ былъ въ своей сферѣ.

Федулычъ любилъ чрезвычайно природу, народныя гулянья и охоту.

По цѣлымъ часамъ сиживалъ онъ иногда на берегу какой нибудь рѣчки, сверкающей между изумрудныхъ береговъ, и слѣдилъ за ея струями, катящимися вдаль, то прислушивался къ болтливому щебетанью птицъ, то, наклонивъ къ себѣ головку полеваго цвѣтка, долго, долго смотрѣлъ на него и потомъ улыбался. Богъ знаетъ, о чемъ думалъ Федулычъ въ эти минуты, и какія мысли роились въ его головѣ.

Любовь къ народнымъ гуляньямъ тоже была развита довольно сильно въ натурѣ Федулыча.

Гдѣ бы ни было сборище, подъ Новинскимъ, въ Сокольникахъ, у Спаса во Спасскомъ, подъ Симоновымъ, подъ Донскимъ, на скачкѣ, на бѣгу, вы смѣло могли спорить и держать пари, что Федулычъ тамъ.

Но его господствующею страстью была страсть къ охотѣ съ ружьемъ и лягавою собакою. Федулычъ, какъ говорится, былъ записной охотникъ; но отличительная черта его характера отъ большинства прочей стрѣляющей братіи была та, что онъ никогда не лгалъ, какъ слѣдуетъ истому охотнику, то-есть къ одной убитой парѣ бекасовъ не прибавлялъ неубитыхъ паръ пяти дупелей или что-нибудь въ родѣ этого.

Съ открытіемъ весны Федулычъ начиналъ странствовать по лѣсамъ и болотамъ: одна болѣзнь только могла остановить его въ городѣ. Однако же, до Петрова дня онъ не дѣлалъ ни одного выстрѣла, а ходилъ въ поля, какъ самъ говаривалъ, для удовольствія собакъ: «онѣ, бѣдныя, зиму-то залежались, вотъ я ихъ и проведу-съ.» Ничѣмъ нельзя было доставить большаго утѣшенія Федулычу, какъ тѣмъ, чтобы попросить его взять вашу собаку прогуляться. «Хорошо—говорилъ онъ—очень хорошо-съ, я завтра зайду за вашимъ Боярдомъ или Оска-

ромъ, мы отправимся въ Мытищи.» И на другой день, когда вы, выражаясь поэтически, предавались еще Морфею, а прозаически—спали, Федулычъ являлся, одѣтый въ бѣлую холстинную блузу, бѣлую же пуховую шляпу, бралъ вашу собаку и отправлялся путешествовать. Ноги у него были желѣзныя, усталости онъ рѣшительно не зналъ никогда, даже въ послѣдніе годы своей жизни, не смотря на то, что ему было далеко за шестьдесятъ.

Любимымъ мѣстомъ охоты и просто прогулки для Федулыча было село Мытищи, лежащее на Ярославскомъ шоссе, въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы, и интересное во многихъ отношеніяхъ. Врядъ ли въ обширномъ русскомъ царствѣ вы найдете другое селеніе, которое было бы такъ оживлено въ продолженіе весны и лѣта, какъ Мытищи.

Едва наведутся на рѣкахъ паромы, послѣ вскрытія воды и пообсохнутъ нѣсколько дороги, какъ изъ дальнихъ мѣстъ Малороссіи и даже Сибири, повалятъ многочисленныя толпы пѣшеходовъ, съ посошками въ рукахъ и кузовами, черезъ Мытищи въ Троицкую лавру на поклоненіе мощамъ св. преподобнаго Сергія Чудотворца.

Чѣмъ гуще начнетъ одѣваться лѣсъ, чѣмъ чаще и выше сдѣлается трава, то-есть чѣмъ ближе подходитъ рабочая пора, тѣмъ замѣтнѣе и замѣтнѣе рѣдѣютъ толпы чернаго народа. Съ половины мая, по троицкой дорогѣ начинаютъ сновать взадъ и впередъ экипажи всѣхъ возможныхъ форматовъ и временъ, начиная съ кареты сооруженной въ царствованіе Анны Іоанновны, до щегольской іохимовской коляски, и отъ громаднаго въ два этажа дилижанса, мучителя лошадей, нагруженнаго пассажирами всѣхъ возможныхъ званій и характеровъ, до бѣговыхъ дрожекъ управляющаго, ѣдущаго смиренно куда-нибудь въ сторону для сбора оброку или для домашней сельской расправы.

Мытищи въ это время становятся центромъ остановки для всѣхъ ѣдущихъ и идущихъ богомольцевъ; каждый изъ нихъ волей или неволей считаетъ какъ бы обязанностью напиться здѣсь чаю. Притомъ же бойкія мытищенскія дѣвки, торгующія кипяткомъ, такъ наметались въ дѣлѣ своей торговли, что зачастую усаживаютъ почти насильно путниковъ за самоваръ. Забавно смотрѣть, какъ иногда двадцати-пудовой пилигримъ, какой нибудь торговецъ саломъ, отдувается въ Петровки чайкомъ.

Для охотника Мытищи интересны тѣмъ, что и по правую и по лѣвую сторону села находятся очень хорошія болота, въ которыхъ во время пролета держится довольно дичи.

Главное же, чѣмъ славятся Мытищи — это колодцы, которые черезъ трубы, проведенныя въ Москву, снабжаютъ большую часть ея обывателей вкусною, холодною и прозрачною какъ кристалъ водою. Вода эта, разумѣется, на мѣстѣ еще болѣе вкусная, составляетъ причину распиванія чаевъ.

Это-то знаменитое село было для нашего чудака настоящимъ Эльдорадо, родиной и, можно сказать, почти пунктомъ помѣшательства. Гдѣ бы ни былъ Федулычъ, въ какую бы сторону ни пошелъ онъ изъ Москвы, хоть бы въ діаметрально-противоположную, а ужь въ завѣтное мѣстечко завернетъ. Крѣпко любилъ и твердо зналъ онъ Мытищи, и Мытищи въ свою очередь его знали. Спросите, бывало, любаго пятилѣтняго мальчишку: что, есть у васъ охотники? и онъ отвѣтитъ вамъ: «нѣтъ нынче никого еще не было, одинъ дядюшка Федулычъ прошелъ вечеромъ на рѣчку».

Однажды я съ двумя товарищами отправился въ Мытищи и хотѣлъ было пригласить съ со-

бою Федулыча, но намъ сказали, что онъ ушелъ куда-то еще наканунѣ; вѣрно, подумали мы, туда же, однако обманулись; въ Мытищахъ Федулыча не было.

На другой день довольно сильный дождь, начавшійся почти съ самаго утра, помѣшалъ охотѣ и прогналъ насъ въ село домой изъ болота. Скучно, а дѣлать нечего. Принялись съ горя за самоваръ. Ждемъ, авось не разгуляется ли; но дождь все сильнѣе и сильнѣе, такъ и рубитъ. Небо обложилось кругомъ, и надежда, что погода прояснится, совершенно исчезла. Время было за полдень, мы уже стали подумывать о возвращеніи въ Москву. Вдругъ слышимъ, на улицѣ раздается знакомый голосъ, взглянули въ окно — Федулычъ, вода съ него такъ ручьями и льетъ. Ну, подумали мы, еще не велика диковинка, что Федулычъ и во время дождя явился въ Мытищи, онъ хаживалъ сюда и въ крещенскіе морозы.

— Откуда батюшка? спросили мы.

— Изъ бутырскаго болота-съ (въ одной верстѣ отъ Москвы, въ четырнадцати отъ Мытищъ).

— Что вѣрно дичи нѣтъ?

— Какъ нѣтъ-съ, есть и очень много, я паръ шесть дупелей однихъ нашелъ, такъ и остались. Ружье замокло, все осѣкается-съ.

— Зачѣмъ же ты сюда-то припожаловалъ?

— Ахъ, какіе вы странные! отвѣчалъ Федулычъ: — я отъ дождя зашелъ, да, признаться, и чайку захотѣлось, а ужь здѣсь вода, вы сами знаете, какая.

Мы пригласили чудака напиться чаю и потомъ вмѣстѣ въ Москву.

— Нѣтъ-съ отвѣчалъ онъ: — чайку я попью-съ, это очень хорошо-съ, а за Москву покорнѣйше благодарю: я посушусь здѣсь немного, промою ружье, да на вечернее поле опять въ бутырское болото отправлюсь; дупельковъ-то нужно подобрать-съ.

— Исполать тебѣ! подумалъ я: — не тяжелъ ты на ногу и сильно любишь Мытищи, когда пришелъ въ нихъ за четырнадцать верстъ отъ дождя.

Каждому мытищинскому колодцу Федулычъ придавалъ особенное цѣлебное и минеральное свойство: въ одномъ, по его мнѣнію, вода пахла порохомъ, въ другомъ сѣрой, въ третьемъ отзывалась чѣмъ-то горькимъ; въ иномъ была

соленая или кислая; а въ нѣкоторыхъ чуть не кипѣла и т. п.

— Да помилуй, скажешь бывало ему съ досадой: — какая же тутъ соленая вода? вода какъ и во всѣхъ колодцахъ, обыкновенная.

— Нѣтъ не обыкновенная-съ! попробуйте-ка, ну, какже-съ, это чистая соль; а вотъ въ томъ колодцѣ, что за вами, полынью отзывается.

Увѣрить Федулыча, что онъ ошибается, поколебать его убѣжденіе было невозможно.

Нужно замѣтить, что Федулычъ къ концу почти каждаго слова прибавлялъ частичку *съ*. Не знаю, было ли это слѣдствіемъ деликатности (Федулычъ былъ пределикатная особа, онъ даже своей собакѣ говорилъ *вы*) или укоренившейся привычки въ то время, когда онъ былъ еще сидѣльцомъ.

Иногда на Федулыча находили минуты непонятнаго упрямства. Однажды онъ простудилъ ноги и вздумалъ увѣрять меня, что у него шпатъ. Ни я, ни другіе его знакомые, ни докторъ, котораго я просилъ помочь ему, не могли убѣдить Федулыча, что у него не шпатъ, а росто простуда.

— Нѣтъ шпатъ-съ, возражалъ онъ съ сердцемъ, что бывало съ нимъ чрезвычайно рѣдко— шпатъ-съ какой бываетъ и у лошадей; надо идти лѣчиться въ Мытищи, а ваши лѣкарства мнѣ не помогутъ, все это вздоръ-съ!

Въ другой разъ Федулыча посѣтила перемѣжающаяся лихорадка; и онъ настаивалъ и старался доказать и убѣдить, что у него ни что иное какъ хандра, и заключилъ тѣмъ, что ему опять-таки пора идти для поправленія здоровья въ Мытищи, лихорадка была жестокая; параксизмы сильные и продолжительные; время стояло сырое и холодное, потому что наступилъ ноябрь; но не смотря на болѣзнь и дурную погоду, Федулычъ отправился въ Мытищи и тамъ, въ одномъ изъ колодцевъ, выкупался, или, по его выраженію, принялъ горячую ванну, и, что замѣчательно и странно, лихорадка дѣйствительно оставила Федулыча.

— Вотъ я и здоровъ, говоритъ онъ съ торжествующимъ видомъ: — и пересталъ хандрить. Удивляюсь я, прибавлялъ онъ: — зачѣмъ это къ нѣмцамъ ѣздятъ? У насъ свои воды — да, пожалуй, еще и почище ихнихъ будутъ-съ.

Добръ Федулычъ былъ до крайности, о чужомъ несчастіи горевалъ болѣе нежели о сво-

емъ собственномъ, и нерѣдко вдавался въ филантропію: любилъ онъ, напримѣръ, ловить рыбу на удочку, но ни самъ онъ, ни кто изъ его знакомыхъ не знали, какой вкусъ имѣла вынутая имъ рыба? Поймаетъ, бывало, положимъ, хоть окуня, подведетъ его тихонько къ берегу, сниметъ осторожно съ крючка, полюбуется, улыбнется и пуститъ опять въ рѣчку. Еслибъ вамъ вздумалось спросить: для чего онъ это сдѣлалъ? онъ отвѣтитъ вамъ: вопервыхъ, что вы странные; вовторыхъ, что онъ самъ охотникъ, и что у него свой планъ; и, наконецъ, втретьихъ, что окунь очень любитъ воду и ему на берегу душно. Тоже иногда почти самое происходило и въ болотѣ; найдетъ дичь, поразгоняетъ ее и воротится домой съ пустымъ ягташемъ. Спросишь:

— Видно дичи нѣтъ?

— Какъ нѣтъ, есть и очень много: въ мытищинскомъ лугу оставилъ пары три дупелей; подъ Рупосовымъ пятокъ, да въ девиртисманѣ штукъ шесть или семь.

— Зачѣмъ же ты ихъ оставилъ скажешь ему:— кто-нибудь пріѣдетъ и перебьетъ!

— Нѣтъ-съ, до субботы некому пріѣхать, а

я завтра пойду опять повеселиться по тѣмъ же мѣстамъ.

Случалось, что и завтрашній день кончался такой же продѣлкой. Но не подумайте, что дичь осталась неубитою оттого, что Федулычъ былъ плохой стрѣлокъ: нѣтъ онъ стрѣлялъ очень хорошо, а такъ просто, изъ филантропіи, такой стихъ на него найдетъ.

Честенъ онъ былъ до идеальности. Однажды онъ нашелъ значительную сумму денегъ и не только отказался отъ слѣдующей ему законной части, но даже отъ всякаго вознагражденія.

Безкорыстіе его было примѣрное. Имѣлъ онъ хорошую собаку, за которую одинъ мой знакомый давалъ ему большія деньги, но Федулычъ отказался отъ предлагаемой суммы.

— Помилуй! сказалъ я ему: — на эти деньги можно купить орловскаго рысака.

— Пусть онъ съ рысакомъ-съ и отыскиваетъ дупелей, отвѣчалъ Федулычъ съ саркастической улыбкой: — а я самъ охотникъ и свою собаку не продамъ ни за какія деньги.

Собственности, кромѣ ружья, собаки и нѣкоторыхъ охотничьихъ принадлежностей, Федулычъ не имѣлъ никакой. Встрѣтилъ я его, однажды, на улицѣ: въ одной рукѣ была у него

подушка, въ другой кувшинъ съ собачьимъ кормомъ, черезъ плечо на погонѣ висѣло ружье, у ногъ шла собака, повѣся хвостъ,—тоже большой философъ.

— Куда это? спросилъ я Федулыча.

— Переѣзжаю-съ, отвѣчалъ онъ мнѣ очень серьёзно,

Вотъ ужь истинно могъ сказать съ древнимъ философомъ: omnia mea mecum porto.

Я полюбопытствовалъ взглянуть на новую квартиру Федулыча.

— Зайдите, зайдите, обогрѣйтесь, говорилъ онъ:—видите, на дворѣ сиверка какая-съ.

Но согрѣться въ этомъ новомъ жилищѣ не было никакой возможности, потому что чертоги эти были ни что иное, какъ каретный сарай, посреди котораго устроена была печь для какихъ-то работъ; но она немогла нагрѣвать сарая, изобилующаго щелями, и вѣтеръ свободно разгуливалъ во всѣ стороны.

Прежде всего Федулычъ занялся устройствомъ логова для своей собаки, потомъ накормилъ ее, положилъ на мѣсто и, довольный, отправился ко мнѣ пить чай.

Если случалась надобность въ деньгахъ, то Федулычъ прямо не просилъ ихъ никогда, а

скажетъ бывало, что онъ сбирается на охоту. Зная его характеръ, спросишь, нужны деньги?

— Да-съ, пожалуйте мнѣ двугривенный, чайку надо купить.

И больше двугривеннаго не давайте, ни за что на свѣтѣ не возьметъ, и за это постарается какъ нибудь отблагодарить васъ: или дичи принесетъ, или придетъ увѣдомить, что въ такомъ-то мѣстѣ нашелъ много дупелей, то не угодно ли ѣхать повеселиться.

Въ пищѣ и питьѣ Федулычъ былъ чрезвычайно какъ воздерженъ. На вопросъ мой: сколько онъ проживаетъ денегъ? отвѣчалъ, что таки порядочно, копѣекъ двадцать-пять въ недѣлю. Отвѣтъ этотъ разсмѣшилъ меня.

— Чтожь тутъ смѣшнаго? замѣтилъ Федулычъ, нѣсколько обидѣвшись. — Я живу, слава Богу, хорошо-съ.

— Да какъ же можно, сказалъ я, принявши серьёзную мину: — чтобъ двадцати-пяти копѣекъ было достаточно на недѣлю?

— А вотъ какъ-съ, отвѣчалъ онъ: — семь фунтовъ хлѣба стоятъ семь копѣекъ; полчетверика картофелю тоже семь копѣекъ; два десятка огурцовъ три копѣйки; на копѣйку

луку и на столько же квасу; я и дѣлаю себѣ винегретъ-съ.

— Да вѣдь нужно масло, уксусъ, замѣтилъ я, желая продолжить разговоръ.

— Нѣтъ, не нужно-съ: отъ масла бываетъ изжога, а вмѣсто уксусу я употребляю квасъ, это очень хорошо-съ; у насъ же лавочникъ дѣлаетъ прекислый, въ ротъ взять нельзя, глазъ такъ и ведетъ-съ. Такъ вотъ и девятнадцать копѣекъ, да еще нужно копѣекъ шесть для собаки на кормъ; я для нея покупаю у нищихъ черствые куски хлѣба, это очень выгодно и хорошо-съ.

Не смотря на всѣ невыгоды и лишенія, не смотря на эту сѣренькую жизнь, Федулычъ никогда ни на кого не жаловался, ни на что не роптал. Когда угодно, бывало, спросите его:

— Ну, каково поживаешь?

Отвѣтъ постоянно было одинъ и тотъ же:

— Слава Богу, хорошо-съ, очень хорошо, дай Богъ всякому.

Однажды только, когда у Федулыча пропала любимая собака, онъ былъ неутѣшенъ, и на вопросъ о его житьѣ-бытьѣ послѣ обычныхъ: «хорошо и дай Богъ всякому,» прибавлялъ: «да такъ даже, что ужь и надоѣло-съ».

Въ послѣдній годъ своей жизни Федулычъ пустился въ торговлю. Капиталъ (изъ пятнадцати рублей) составленъ и дѣло пошло быстро. Федулычъ началъ скупать и продавать разные, по его выраженію, самородные антики. Подъ антиками онъ разумѣлъ всякую дрянь, негодную къ употребленію; изломанную фарфоровую куклу, изорванную, запачканную картинку, и т. п. Спросишь бывало его:

— На что ты купилъ это блюдечко? оно разбито и никуда негодно.

— Ахъ, какіе вы странные, отвѣчаетъ Федулычъ:—блюдечко это саксонское, посмотрите, какъ цвѣтокъ нарисованъ на немъ, словно живой; да нѣтъ, прибавлялъ Федулычъ — вы не художникъ, на эти вещи нуженъ охотникъ.

Весь подобный хламъ, разумѣется, не находилъ на себя охотника, а увѣрить антикварія, что онъ ошибается, и что разбитыя блюдечки и чашки никому не нужны, не было возможности. Болѣзнь остановила торговые обороты Федулыча. Приходитъ онъ однажды ко мнѣ. Взглянулъ я на него — страсть! Желтый, худой!

— Что это съ тобой? Вѣрно простудился, ты на себя не похожъ, а все оттого, что

шлялся въ дурную и холодную погоду, съ утра до ночи, по болотамъ.

— Нѣтъ-съ, это не оттого, отвѣчалъ Федулычъ: — а у меня холера-съ.

— Что ты говоришь! опомнись, у насъ холера давнымъ давно прошла, о ней и не слыхать, у тебя просто желчь разлилась и глаза-то точно золотые.

— Нѣтъ-съ, не желчь, возразилъ Федулычъ: — а холера-морбусъ, она прошла для другихъ, а для меня еще только начинается, да это ничего, пройдетъ-съ, все проходитъ-съ; а вотъ я къ вамъ съ просьбой, не откажите, вы всегда были добры ко мнѣ.

— Говори, что тебѣ надо? что могу то сдѣлаю.

— Я привелъ къ вамъ мою собаку, хочу ее оставить у васъ; я знаю, вы не выгоните ея, она была мнѣ вѣрный слуга и вамъ послужитъ, не даромъ хлѣбъ ѣстъ. Собака умная, добрая-съ, грубаго слова отъ меня не слыхала; а мнѣ съ ней видно болѣе не охотиться, я ужь отмаячилъ-съ, прошелъ свой трактъ-съ.

Тутъ Федулычъ взглянулъ на собаку и задумался, вѣроятно, прощаясь мысленно съ сво-

имъ неизмѣннымъ спутникомъ; собака тоже стояла невесело, поджавши хвостъ, какъ бы предчувствуя разлуку съ человѣкомъ, который дѣлилъ съ нею пополамъ послѣдній кусокъ хлѣба. Потомъ Федулычъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, какъ бы желая прочесть въ нихъ рѣшеніе своей просьбы и отеръ нѣсколько слезинокъ съ желтыхъ, осунувшихся щекъ своихъ. Это рѣдко бывало съ Федулычемъ, по крайней мѣрѣ, при людяхъ.

Мнѣ стало тяжело, слезы готовились выступить; но я удержался, и даже старался, помнится, улыбнуться, чтобъ ободрить страдальца.

— Успокойся, сказалъ я: — собака твоя будетъ сыта, въ этомъ можешь быть увѣренъ; а тебѣ совѣтую отправиться въ больницу, когда же поправишься и выздоровѣешь, то поѣдемъ въ Мытищи на вальдшнеповъ.

При словѣ Мытищи на лицѣ больнаго появилась улыбка; вѣроятно, онъ вспоминалъ свои счастливые дни (если они были у него).

— Нѣтъ, повторилъ Федулычъ: — мнѣ ужь не охотиться болѣе, не ѣздить съ вамъ въ Мытищи; а въ болотахъ теперь дичь есть, прибавилъ онъ: — Прощай Херолъ.

Я отправилъ Федулыча съ человѣкомъ въ больницу. На другой день поѣхалъ навѣстить его; но не засталъ уже въ-живыхъ. На этотъ разъ онъ не ошибся; дѣйствительно, часа черезъ три по прибытіи его въ больницу, у него открылась жестокая холера, и онъ пошелъ своимъ планомъ.

ОХОТА НА МЕДВѢДЯ.

ВЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ одинъ мрачный октябрскій день, когда небо какъ будто бы спускалось на землю сѣрымъ, густымъ туманомъ, а сырость прохватывала до костей, когда ни ѣхать, ни идти никуда не хотѣлось, потому что на дворѣ стояла страшная слякоть и шла изморозь, я, лежа на диванѣ, перелистывалъ какую-то скучную книгу. Вдругъ, слышу, въ передней кто-то меня спрашиваетъ.

— Кто тамъ?

— Архипъ, отозвался посѣтитель.

— Какой Архипъ?

— Изъ Хотилова *).

---

*) Хотилово село Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда, на С.-Петербургскомъ шоссе, на половинѣ дороги отъ Москвы къ Петербургу. Это почтовая станція.

Я обрадовался: это былъ знакомый охотникъ-промышленникъ. Архипъ проводитъ лѣто и осень въ лѣсахъ и болотахъ, стрѣляетъ дичь и продаетъ ее живущимъ окрестъ его помѣщикамъ; зимой занимается звѣринымъ промысломъ; добываетъ лисицъ, волковъ и зайцевъ; бьетъ оленей, лосей и медвѣдей. Страсть къ медвѣжьей охотѣ передана ему отцомъ, который, въ этомъ отношеніи, человѣкъ очень замѣчательный, бывалый, какъ говорится, тертый калачъ. Старику теперь лѣтъ семьдесятъ; но онъ еще здоровъ и крѣпокъ; живетъ въ Казанской губерніи у какого-то помѣщика-охотника, гдѣ каждую зиму бьетъ по нѣскольку медвѣдей, и по справедливости можетъ назваться Русскимъ Жюль-Жераромъ; разница лишь въ томъ, что послѣдній — грозный истребитель Африканскихъ львовъ, а первый — Новгородскихъ медвѣдей, которыхъ въ продолженіе своей многолѣтней охоты онъ убилъ болѣе двухъ сотъ. Цифра порядочная: есть чему позавидовать каждому охотнику. На вопросъ мой:—бывалъ ли онъ когда въ опасности? — старикъ отвѣчалъ, что рѣшительно никогда.

Архипъ пошелъ по слѣдамъ отца и убилъ слишкомъ сорокъ медвѣдей, хотя ему съ не-

большимъ двадцать лѣтъ. Одна бѣда — жалуется, что звѣрь сталъ рѣдокъ, выводится. «Въ прежніе годы не то бывало,» говоритъ онъ, «батюшка въ одну зиму осьмнадцать штукъ на свое ружье повалилъ; да, помнится, семерыхъ или осьмерыхъ господа, его знакомые, — изъ Питера занарокъ пріѣзжали».

Росту Архипъ небольшаго, худощавъ, физическою силой, повидимому, большою не одаренъ; но отъ упражненія и привычки, принадлежитъ къ числу русскихъ людей, способныхъ къ перенесенію страшныхъ трудовъ. Онъ можетъ ходить по лѣсамъ заваленнымъ буреломникомъ, по топкимъ болотамъ, безъ устали, безъ пищи, въ жаръ и холодъ, отъ зари до зари. Неразъ доводилось ему, слѣдя оленя или лося, избѣгать, на лыжахъ верстъ пятьдесятъ или болѣе и, отбившись далеко отъ жилья, ночевать въ лѣсу, на снѣгу, въ одной какой нибудь легкой мѣховой курткѣ.—Все это ему ни почемъ, какъ съ гуся вода.

Бывши еще двѣнадцати лѣтъ, Архипъ убилъ медвѣдя. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсказывалъ *).

*) Это не вымыселъ, а истинное происшествіе.

«Приходитъ, говоритъ, къ намъ въ домъ знакомый мужичекъ изъ сусѣдняго села; еще какой-то намъ дальнiй сродственникъ доводится; спрашиваетъ меня: гдѣ отецъ? а батюшки на ту пору дома не случилось, за лосями съ товарищемъ ушелъ, верстъ за сорокъ.

«— На что тебѣ его, дядя Ѳедоръ?

«— Надыть было, я вечеромъ въ лѣсъ ходилъ желёзы *) ставить, да на медвѣжью нору наткнулся; такъ идти бы убить. Одинъ-то малый, я боюсь, ружьишко у меня больно плохо; надысь стрѣлилъ въ волка и близко кажись, а ушелъ, только холку сшибъ.

«— Да медвѣдь ли, спросилъ я, не пустое логово-то?

«— Како пустое, медвѣдь, я выглядѣлъ, и лежитъ-то почти на виду, только снѣгомъ больно занесло.

«— Сердце у меня такъ и закипѣло; пойдемъ, говорю я, дядя Ѳедоръ, убьемъ медвѣдя!

«— Куда те идти; съѣстъ онъ насъ обоихъ,

---

*) Желёзами называютъ крестьяне капканы, которые ставятъ для поимки разныхъ звѣрей.

да еще угонимъ, такъ тогда отецъ задастъ намъ жогу.

Я смѣкнулъ, что дѣло плохо, не выгоритъ, не возьметъ меня Ѳедоръ бить медвѣдя, да и батюшка тоже; я ужь пробовалъ проситься, да все бывало скажетъ: куда тебѣ, еще молодъ, свяжешь меня-то только по рукамъ и по ногамъ. Пострѣляй-ка перва зайцовъ. Вотъ я и поднялся на хитрости, задумалъ обмануть сосѣда, говорю: батюшка, ранѣе, какъ дня черезъ два не придетъ, да и тогда, пожалуй, не пойдетъ съ тобой, не повѣритъ; его ужь и такъ много разъ надували: — ариведутъ, онъ поглядитъ — пустое логово.

«— Ну ладно, поѣдемъ, покажу; а то и въ заправду, пожалуй, Иванъ не повѣритъ.

«Я побѣжалъ впрягать лошадь въ сани, а самъ подъ собой земли отъ радости не слышу, насилу, насилу хомутъ-то надѣлъ, руки такъ ходуномъ и ходятъ. Ну вотъ, батюшка мой, поѣхали мы, я съ собой ружье взялъ и зарядить успѣлъ.

«— На что ты ружье-то берешь? спросилъ меня Ѳедоръ.

«— Да неравно русакъ или мошникъ *) вскочитъ. Ну ладно—говоритъ; а тамъ мошниковъ таки довольно.

«Какъ пріѣхали къ Ѳедору въ село, лошадь тамъ оставили, а сами пошли въ лѣсъ на лыжахъ. Отбѣжавъ, знать, версты съ три, или четыре, Ѳедоръ сказалъ, чтобъ я шелъ тише. А что, развѣ недалеко?—спросилъ я, а у самого сердце выскочить такъ и хочетъ. Да вонъ, говоритъ, подъ елью-то, которая заиндевѣла: это отъ духу.

«Я какъ будто не вижу, а какое не вижу—какъ ястребъ въ цыпленка, такъ и возрился, да все ближе и ближе подхожу къ дереву, подъ которымъ лежалъ медвѣдь, а самаго меня такъ и трясетъ, словно въ лихоманкѣ. Больно ужь озарился.

«— Куда ты лѣзешь-то? кричитъ мнѣ вслѣдъ мой товарищъ, наткнешься да взбудишь; вотъ я-те ужò, пострѣлъ этакой! А я ужь и курокъ взвелъ, и приложился; осталось до норы-то какихъ-нибудь сажени двѣ, мнѣ и голову мед-

---

*) Мошникомъ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глухаго тетерева.

вѣжью видно. Вотъ я, батюшка мой, нацѣлилъ, да какъ грохну, медвѣдь и не дрыгнулъ: какълежалъ, такъ и остался, — больно ловко попалъ, только паръ повалилъ. Я давай скорѣй заряжать ружье, боюсь, чтобъ не очнулся; зарядъ-то никакъ не могу въ дуло всыпать, половину пороху на снѣгъ высѣялъ, руки больно дрожатъ. Прибѣжалъ ко мнѣ и Ѳедоръ. Ну братъ, Архипка, говоритъ, молодецъ! Хорошо, что маху не далъ, а то бы плохо тебѣ было.

« Насилу, насилу вытащили мы медвѣдя, ужастенный былъ! одного сала больше двухъ пудовъ сняли.

«Батюшка, пріѣхавши домой, двухъ лосей привезъ; глядитъ, на стѣнѣ медвѣжья шкура распяленая виситъ; спрашиваетъ меня: продавать что ли кто принесъ?—Я разсказалъ, какъ было дѣло; а самъ, признаться, крѣпко побаивался, чтобъ не поколотилъ. Однако сошло съ рукъ, и съ той поры отецъ началъ меня съ собою на охоту брать за медвѣдями».

Этотъ-то Архипъ двадцать четвертаго октября, прошлаго года, часу въ седьмомъ вечера стоялъ передо мною, держа на сворке мою собаку,

которая прошлымъ лѣтомъ отдана была ему въ натаску *).

— Когда ты пріѣхалъ? спросилъ я, была ли послѣ нашего отъѣзда дичь? какъ полевалъ? хорошо ли работаетъ моя собака?

— Пріѣхалъ я по чугункѣ, отвѣчалъ Архипъ, часа четыре тому назадъ, да васъ-то насилу, насилу отыскалъ. Вѣдь я въ Москвѣ еще въ первой. Собака ваша принялась, работаетъ знатно; чутье, поискъ чудо какіе. Я изъ-подъ нея, по осени паръ двѣсти бекасовъ и гаршнеповъ убилъ.

Я остался доволенъ такою громкою похвалой моей собакѣ, тѣмъ болѣе, что Архипъ извѣстенъ былъ мнѣ за охотника, который еще не выучился отливать охотничьи пули, т. е. лгать.

— Спасибо тебѣ, спасибо! говорилъ я, на будущее лѣто опять въ вашу сторону пріѣдемъ полевать.

— Милости просимъ, очень радъ буду. Да я, признаться, и теперь пріѣхалъ въ Москву болѣе затѣмъ, чтобъ звать васъ къ себѣ въ гости.

---

*) Натаскивать собаку значитъ: пріучать ее отыскивать, добывать дичь.

— Не на пороши ли? спросилъ я, смѣясь,— я до нихъ небольшой охотникъ.

— Нѣтъ, не на пороши, а я звѣря обложилъ; то неугодно ли съ кѣмъ-нибудь еще ѣхать повеселиться?

Охотничье мое сердце сильно застучало. Предложеніе сдѣлано было такъ неожиданно, но кстати и во время.

— Далеко ли отъ Хотилова, великъ ли окладъ *), хорошъ ли звѣрь? спросилъ я, нетерпѣливо желая знать всѣ подробности.

— Отъ Хотилова, отвѣчалъ Архипъ, всего какихъ-нибудь версты полторы, а пожалуй и тѣхъ не наберется; окладъ небольшой, десятинъ пятокъ, все равно какъ въ огородѣ,—въ память ли вамъ, гдѣ позапрошлымъ лѣтомъ бѣлыхъ куропатокъ нашли. Медвѣдь страшный! ступня такая, что растоптаннымъ лаптемъ не

*) Окладъ или óсокъ есть кругъ, обойденный охотникомъ около того мѣста, гдѣ медвѣдь легъ на зиму. Разумѣется, что кругъ этотъ дѣлается сначала охотникомъ большой, изъ предосторожности, чтобъ не спугнуть звѣря, пока онъ не облежался; но окладъ постепенно уменьшаютъ, и чѣмъ онъ меньше, тѣмъ охота надежнѣе и удачнѣе.

покроешь. Звѣрь-то онъ признаться гонный *), только не стрѣленный; легъ было отъ насъ верстахъ въ двадцати, да тамъ мужичекъ поѣхалъ дрова рубить и поднялъ его: идетъ, говоритъ, словно барка какая качается. Надо только не торопиться, прибавилъ Архипъ, а то видите погода какая, пожалуй снѣгъ сгонитъ,—такъ и звѣрь не улежитъ, сойдетъ. Нынѣшній годъ ихъ ранняя зима заѣла, захватила врасплохъ. Въ прежніе годы ложились по голу́ *), а нынче не успѣли; снѣгъ напалъ, а они еще по лѣсу шлялись и слѣды дали.

Медвѣдя обложили, звѣрь обложенъ, окладъ, о̀сокъ — вотъ, слова, которыя, вѣроятно, доводилось слышать многимъ; но не каждому, можетъ быть, извѣстно, что такое въ сущности значитъ обложить медвѣдя. Поэтому, желая, чтобъ разсказъ мой былъ понятенъ не для однихъ охотниковъ, я считаю здѣсь умѣстнымъ

---

*) Гоннымъ медвѣдемъ называется тотъ, который уже легъ на логово на зиму; но по какому нибудь случаю былъ поднятъ, потревоженъ и перешелъ на другое мѣсто. Такой звѣрь всегда остороженъ и подпускаетъ къ себѣ съ трудомъ, пока не облежится.

*) По голу значитъ, когда еще не напалъ снѣгъ.

сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ дѣлается окладъ.

Извѣстно, что медвѣдь на зиму ложится въ берлогу или логово, а встаетъ не ранѣе наступленія весны, когда снѣгъ уже почти совершенно исчезнетъ.

Народное повѣрье гласитъ, что медвѣдь во всю зиму сосетъ свою лапу, чѣмъ и питается. Повѣрье это, разумѣется, не имѣетъ никакого основанія.

Чѣмъ ранѣе съ осени падаетъ на землю снѣгъ, тѣмъ легче охотнику отыскивать медвѣдей, потому что ранняя зима застаетъ ихъ такъ сказать, врасплохъ, когда они не успѣли еще лечь на зимнія квартиры, и, бродя по лѣсу, оставляютъ на снѣгу слѣды, которые предательски выдаютъ ихъ преслѣдователямъ.

Какъ скоро выпалъ молодой снѣгъ, охотникъ отправляется въ знакомый, а иногда и незнакомый ему лѣсъ, въ которомъ, по его предположенію, держатся медвѣди, или гдѣ ему случалось встрѣчать ихъ весной, лѣтомъ или осенью *).

---

*) Охота на медвѣдя производится обыкновенно зимой, потому что въ остальное время года они худы

Понятно, что охота эта, или правильнѣе промыселъ, добыча, сопряжены съ огромнымъ матеріальнымъ трудомъ, потому что охотнику нерѣдко приходится бродить по лѣсамъ цѣлые дни, недѣли, даже мѣсяцы, и не наткнуться на медвѣдя или его слѣдъ. Это зависитъ вопервыхъ отъ количества звѣря, а во вторыхъ и отъ счастья.

Но вотъ въ одинъ счастливый день, охотникъ встрѣчаетъ въ лѣсу широкій слѣдъ босой человѣческой ноги; одни лишь когти, идущіе отъ пяти пальцевъ, показываютъ, что прошелъ не человѣкъ, а медвѣдь.

Охотникъ останавливается, крестится, почесываетъ по русскому обычаю затылокъ и начинаетъ внимательно всматриваться и разбирать, давно ли прошелъ звѣрь, великъ ли онъ, куда идетъ слѣдъ, въ какомъ островѣ, гривкѣ или раменьѣ *) долженъ, по его соображенію, мед-

---

и съ облѣзлой шерстью, слѣдовательно, шкуры ихъ не годны ни для какого употребленія.

**) Островомъ называютъ небольшой участокъ лѣса, окруженный полями. Гривкой—гряду или полосу деревьевъ, выдавшуюся изъ большаго лѣса. Раменье есть большой, сплошной, крупный лѣсъ.

вѣдь лечь. Для всего этого, разумѣется, нужны знаніе и большая опытность.

Разобравъ все хорошенько, охотникъ направляется въ ту же сторону, куда пошелъ и звѣрь; но не прямо по слѣду, а забирая вправо или влѣво, какъ удобнѣе, и дѣлая такимъ образомъ кругъ, сначала иногда очень огромный, верстъ въ 5, 6 и даже болѣе, глядя по мѣстности.

Ежели охотникъ, сдѣлавъ обходъ, и возвратясь на то же мѣсто, откуда его началъ, нигдѣ опять не нападаетъ на медвѣжій слѣдъ — значитъ, звѣрь остался въ кругу. Этотъ-то кругъ, или обходъ и называютъ окладомъ, а нѣкоторые óсокомъ.

На этотъ день охотникъ оставляетъ свое преслѣдованіе и отправляется домой или въ ближайшую деревню, какъ ему сподручнѣе. Потомъ нѣсколько дней сряду повѣряетъ обойденный имъ кругъ, то-есть наблюдаетъ, не вышелъ ли изъ него обложенный звѣрь; ежели выходу нѣтъ—значитъ медвѣдь пріискалъ себѣ логово и легъ на зимовку.

Съ этихъ поръ повѣрка обхода производится рѣже, то-есть дня черезъ два, три, черезъ

недѣлю и притомъ кругъ каждый разъ уменьшается — до тѣхъ поръ, пока охотникъ не нападетъ на медвѣжьи петли *), признакъ близости берлоги. Тогда онъ оставляетъ звѣря, какъ говорится, облежаться, потому что чѣмъ долѣе его не безпокоятъ, тѣмъ онъ крѣпче лежитъ.

Случается, что обходчикъ, повѣряя свой кругъ, и постоянно съуживая его, подозритъ медвѣжью берлогу. Такого медвѣдя можно бить съ подъема на логовѣ, безъ облавы; но ежели логово неизвѣстно, а знаютъ только, что медвѣдь лежитъ въ кругу, въ такомъ случаѣ облава необходима.

Я сталъ мысленно пересчитывать знакомыхъ мнѣ охотниковъ, кому бы сдѣлать предложеніе ѣхать на медвѣдя. Архипъ помогъ мнѣ въ этомъ, сказавши, что желалъ бы видѣть г. Т, но незнаетъ, гдѣ его найдти? Я далъ адресъ, и

*) Когда медвѣдь высмотритъ мѣсто для своего логова, то обыкновенно начинаетъ на короткомъ пространствѣ бродить по разнымъ направленіямъ или, какъ говорятъ охотники, петлять, желая этимъ маневромъ сбить съ толку своихъ преслѣдователей; но, разумѣется, хитрость эта ему никогда не удается.

Архипъ ушелъ, обѣщая къ ночи вернуться для того, чтобъ ѣхать къ одному нашему знакомому охотнику, который желалъ побывать на медвѣжьей охотѣ.

Весь вечеръ провелъ я въ мечтахъ о предстоящей поѣздкѣ; спать не хотѣлось. Было давно за полночь; однакоже Архипъ не являлся. Рано утромъ разбудилъ онъ меня и подалъ отъ г. Т. записку слѣдующаго содержанія:

«Мы съ П. ѣдемъ сегодня на охоту за медвѣдемъ; ѣдете ли съ нами вы? Время дорого; снѣгъ сходитъ».

Отвѣтъ съ моей стороны былъ, разумѣется, утвердительный. Я остался доволенъ, что судьба рѣшила, съ кѣмъ мнѣ ѣхать, позаботившись выбрать товарищей, которыхъ я зналъ, какъ хорошихъ охотниковъ. Черезъ часъ я былъ у нихъ уже на квартирѣ; а въ десять часовъ всѣ мы трое, въ сопровожденіи Архипа, сидѣли въ пассажирской залѣ на Московской станціи желѣзной дороги, и съ нетерпѣніемъ ожидали поѣзда.

Наконецъ нетерпѣніе наше было удовлетворено; ровно въ полчаса двѣнадцатаго машина свиснула богатырскимъ посвистомъ, какъ въ старинныя годы посвистывалъ Соловей-Разбой-

никъ, паръ заклокоталъ, колеса застучали, и цѣпь вагоновъ плавно и быстро покатилась по рельсамъ. Въ десятомъ часу вечера мы очутились въ Вышнемъ-Волочкѣ, взяли лошадей и отправились по Петербургскому шоссе въ Хотилово.

Во всю дорогу мы были неспокойны. Оттепель усиливалась; снѣгъ быстро исчезалъ. Къ тому же въ городѣ намъ сказали, что наканунѣ нашего пріѣзда, весь день шелъ довольно сильный дождь. Поля оголились, и мы ѣхали по шоссе почти по голымъ камнямъ. Невесело понапрасну прокатиться слишкомъ 270 верстъ, сгарая желаніемъ поохотиться.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Хотилово, не смотря на то, что было довольно поздно, мы хотѣли послать за крестьяниномъ, которому Архипъ, на время своей отлучки въ Москву, поручилъ караулить медвѣдя, то-есть повѣрять ежедневно окладъ и смотрѣть, не будетъ ли выходу.

— Я ужъ послалъ мальца *) за Ѳедоромъ,

---

*) Мальцемъ въ Новгородской губерніи зовется меньшой братъ въ семьѣ; средній называется меньшàкъ, а старшій большàкъ.

сказалъ старичекъ, хозяинъ постоялаго двора, на которомъ мы остановились.

Малецъ, которому, повидимому, было лѣтъ шестьдесятъ, воротился; но утѣшительнаго принесъ намъ немного и не могъ удовлетворить нашего нетерпѣливаго любопытства, потому что медвѣжій караульный ушелъ еще съ вечера въ лѣсъ, чтобъ на утренней зарѣ пострѣлять на чучела тетеревей.

Досадно, а дѣлать нечего. Легли спать; но было не до сна,—онъ бѣжалъ отъ насъ прочь, и до самаго почти свѣта мы не могли сомкнуть глазъ. Ожиданіе, сомнѣніе и неизвѣстность — мучительныя чувства.

Я всталъ ранѣе другихъ и вышелъ въ смежную комнату. Архипъ былъ уже на ногахъ и насъ дожидался.

— Ну, что, какъ? спросилъ я его съ стѣсненнымъ сердцемъ, боясь отвѣта.

— Слава Богу! отвѣчалъ Архипъ, улежалъ. Снѣгу въ лѣсу еще довольно; да знать, что и дождя-то здѣсь было поменьше; я на зорькѣ самъ обѣжалъ ȍсокъ, выходу нѣтъ.

Камень свалился у меня съ сердца; я повеселѣлъ и вздохнулъ свободнѣе.

Пока мы занимались отливкою пуль и жеребьевъ *), которые, за торопливымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Москвы, не были приготовлены,— поднялись и мои товарищи. Я поспѣшилъ ихъ успокоить и обрадовать, и мы весело принялись за завтракъ, во время котораго стали держать совѣтъ, какъ идти на медвѣдя: по тропѣ ли, прямо ли на логово **), или съ облавой ***). Я настаивалъ на послѣднемъ, расчитывая, что медвѣдь гонный, еще не облежался, и потому, можетъ быть, насъ къ себѣ еще и не подпуститъ, что было бы крайне непріятно. Къ тому же въ ночь сдѣлался морозъ, на мокромъ снѣгу образовался черепокъ, и идти было довольно шоростко. Со мной согласились: совѣтъ

---

*) Свинцовый цилиндръ, пригнанный по калибру ствола, длиною обыкновенно въ полтора діаметра пули.

**) Мѣсто гдѣ звѣрь легъ на зиму.

***) Облавою называется тотъ способъ охоты, когда собираютъ нужное количество народа, чтобъ окружить какое либо мѣсто, часть же мѣста не занятаго народомъ заставляется стрѣлками, иногда тенетами. Народъ, стоя на одномъ мѣстѣ, неподвигаясь, кричитъ и, разумѣется, испуганный звѣрь бѣжитъ въ ту сторону, гдѣ криковъ нѣтъ, то-есть на стрѣлковъ.

мой былъ принятъ, и въ немъ не раскаялись; предположенія мои оправдались.

Собрали человѣкъ пятьдесятъ «кричанъ« (болѣе, по причинѣ небольшаго оклада, было ненужно), и отправили ихъ впередъ съ приказаніемъ дожидаться насъ, не доходя за полверсты до лѣсу, и соблюдать возможную тишину.

Спустя полчаса по уходѣ кричанъ, намъ подали сани, и мы понеслись на поле битвы.

Лѣсъ, въ которомъ лежалъ медвѣдь, составлялъ родъ отъема *), и имѣлъ фигуру неправильнаго четыреугольника, меньшая сторона котораго обращена была къ Хотилову; противуположная ей прилегала къ большому, сплошному лѣсу, и отдѣлялась отъ него неширокою просѣкой, на которой оставлены были кое-гдѣ небольшія деревья. Съ лѣвой стороны граничило шоссе; а съ правой мховое, клюковное болото, поросшее мѣлкимъ, кудрявымъ, довольно рѣдкимъ сосиякомъ — притонъ и приволье нашей осѣдлой, сѣверной птицы, бѣлой куропатки.

---

*) Отъемомъ называется небольшой участокъ лѣса, отдѣленный отъ другаго большою просѣкой, или, по охотничьи, перемычкой.

Тропа, которую проложилъ медвѣдь, прошла поперекъ шоссе, вдалась не очень далеко въ большой лѣсъ, и, пересѣкши просѣку, исчезла въ упомянутомъ отъемѣ. Выходу изъ него не замѣчалось; ясно было видно, что звѣрь тутъ.

Подъѣхавъ къ кричанамъ, мы остановились; съ этого мѣста должно было идти пѣшкомъ, потому что санная дорога перерывалась.

Облавщики стояли кругомъ небольшаго огня, разведеннаго, повидимому, не для того, чтобъ грѣться. Дѣло скоро объяснилось.

Архипъ, снявъ шапку, и поклонившись, просилъ насъ окуриться, а также окурить и наши ружья.

— Для чего это? спросили мы, удивленные такимъ страннымъ и неожиданнымъ предложеніемъ.

— Такъ дѣлывали наши дѣды и отцы, отвѣчалъ Архипъ, у насъ такой обычай.

Мы повиновались и поспѣшили исполнить обычай дѣдовъ и отцовъ новгородскихъ охотниковъ; но что это за повѣрье, откуда оно взялось, кѣмъ сюда занесено, давно ли и для чего? ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, не смотря на сильное любопытство, мы не могли

получить удовлетворительнаго отвѣта, кромѣ того, что такъ ведется изстари.

Окурившись, мы тронулись въ путь и дойдя до лѣсу, пошли правою стороной его, прилегающею къ болоту.

Намъ, стрѣлкамъ, слѣдовало занять линію по просѣкѣ, потому что, по всѣмъ даннымъ, медвѣдь долженъ былъ выйдти на нее: вопервыхъ потому, что къ ней прилегалъ большой лѣсъ, изъ котораго вышелъ звѣрь, а вовторыхъ потому, что остальныя три стороны отъема должны были охватиться цѣпью кричанъ.

На самой тропѣ занялъ мѣсто г. Т; я стоялъ вправо отъ него, отойдя шаговъ 80 ; а влѣво поставленъ былъ Архипъ; П. находился правѣе меня шагахъ въ 50-ти.

День былъ чудесный, ясный, солнце, какъ говорится въ простонародіи, играло. Было около полдёнъ. Молодой снѣгъ, подернутый хрустальнымъ, ледянымъ черепкомъ, отъ падающихъ на него солнечныхъ лучей, горѣлъ и сверкалъ милліонами алмазныхъ искръ. Совершенная тишина царствовала въ лѣсу; верхушки деревъ не колыхались, не было ни малѣйшаго вѣтерка; воздухъ, казалось, замеръ на одномъ мѣстѣ и

не струился. Легкій морозъ пріятно прохлаждалъ нашу сильно разгоряченную и взволнованную кровь.

Когда мы стали по мѣстамъ, то, должно сознаться, я почувствовалъ нѣкоторую робость, или вѣрнѣе сказать, мнѣ стало жутко, хотя я и не въ первый разъ былъ на подобной охотѣ. Стоишь одинъ; ждешь сильнаго, страшнаго непріятеля; надежда только на ружье, вѣрный глазъ и удачный выстрѣлъ; невольно подумаешь—ну если осѣчка, промахъ, не ловкая, не смертельная рана, которая только раздражитъ звѣря и приведетъ его въ большее остервенѣніе. Помощи отъ товарищей ожидать невозможно, она не поспѣетъ. Потому что поговорка: неповоротливъ, мѣшковатъ, какъ медвѣдь—несправедлива; можно сказать: неуклюжъ какъ медвѣдь,—это еще будетъ довольно вѣрно; но что касается до проворства, поворотливости, то я имѣлъ не одинъ случай лично убѣдиться, что этими качествами медвѣдь обладаетъ превосходно, и врядъ ли лошадь, даже очень хорошая, успѣетъ ускакать отъ его погони. Я вспоминалъ всѣ извѣстные мнѣ несчастные случаи, встрѣчавшіеся съ моими знакомыми и незнакомыми на медвѣжьей охотѣ, какъ вдругъ

мнѣ послышался небольшой трескъ, будто кто-нибудь шелъ по хрупкому снѣгу. Шорохъ однако былъ такъ тихъ, что его скорѣе можно было принять за прыжки бѣлки, перескакивающей по сухимъ сучьямъ, нежели за шаги человѣка. Трескъ однако усиливался, становился чаще и сильнѣе; я и товарищъ мой П., стоявшій у меня въ правой рукѣ, ясно его слышали; но не могли понять, отъ чего онъ происходитъ. Отъ кричанъ? подумалъ я сначала, и тутъ же увѣрился, что они еще далеко, ибо и голосовъ ихъ не было слышно,—знакъ, что они не успѣли еще разстановиться по мѣстамъ. Загадка однако скоро разрѣшилась: медвѣдь показался. Онъ шелъ тропой, слѣдъ въ слѣдъ, чрезвычайно тихо, и осторожно, прямо на г. Т., которому не былъ видимъ, потому, что между имъ и медвѣдемъ находился довольно частый кустарникъ.

Г. Т. тоже слышалъ трескъ; но, не догадываясь и не полагая, что онъ происходитъ отъ медвѣдя, началъ взводить курки своего ружья. Медвѣдь вслушался въ щелканье замковъ, потянулъ въ себя воздухъ, пріостановился не надолго, какъ будто задумался и, повернувъ

съ тропы влѣво, пошелъ по прямой линіи прямо на меня.

Не могу передать, что я въ то время почувствовалъ: мурашки пробѣжали у меня по всему тѣлу; сердце пришло въ какое-то томленіе; дыханіе остановилось. Я опасался, что если звѣрь замѣтитъ насъ; то повернетъ назадъ и уйдетъ, прорвавшись сквозь цѣпь кричанъ, которые не имѣли возможности остановить его, бывъ вооружены одними рукавицами, потому что я, предполагая, что кто-нибудь изъ нихъ въ порывѣ усердія или азарта, отправится поднимать медвѣдя прямо на логово и тѣмъ уничтожитъ наше удовольствіе и охоту, имѣлъ предосторожность отобрать ружья, у кого они были, и оставить въ деревнѣ.

Тѣ же самыя мысли и чувства мучили и волновали товарища моего П., который стоялъ почти совсѣмъ навиду, потому что на всей просѣкѣ находились, какъ я уже сказалъ, довольно рѣдкія и тонкія деревья, по какому-то случаю уцѣлѣвшія отъ губителя-топора, и спрятаться было довольно трудно. Удивительно, какъ медвѣдь не замѣтилъ насъ.

Свернувъ съ тропы; онъ пошелъ еще тише, еще осторожнѣе; послѣ каждаго шагу остана-

ливался, осматривался, обнюхивалъ воздухъ, который, къ нашему счастью, тянулъ на насъ.

Когда я увидѣлъ медвѣдя, то разстояніе между нами было шаговъ полтораста; но оно постепенно исчезало: звѣрь подходилъ ближе и ближе.

Я стоялъ за тонкою сосной, припавъ къ ней, какъ можно плотнѣе и боясь дохнуть.

Время отъ появленія медвѣдя до выстрѣла, продолжалось минутъ пять; но я ихъ никогда не забуду; это были дорогія минуты, минуты невыразимаго наслажденія, понятныя только охотнику, бывавшему въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Звѣрь былъ черный, какъ смоль, что рѣдкость въ нашей полосѣ Россіи; росту громаднаго; густая, высокая, неизмятая шерсть отъ движенія на немъ волновалась. Хорошъ онъ былъ на свободѣ, въ лѣсу, на своемъ родномъ привольѣ, гдѣ, можетъ статься, родился, выкормился, выросъ и окрѣпъ. Это былъ не тотъ медвѣдь, котораго мы встрѣчаемъ пляшущимъ по деревнямъ съ продѣтымъ въ носъ кольцомъ, не тотъ несчастный, замученный, съ остриженными когтями, съ выбитыми зубами, съ вырванною клочками шерстью, вмѣстѣ со шкурой и мя-

сомъ, привязанный на двухъ-аршинномъ канатѣ на травлѣ. Нѣтъ, это былъ представитель силы и крѣпости звѣринаго царства нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ.

Разстояніе сдѣлалось незначительно; оставалось какихъ-нибудь шаговъ двѣнадцать или много-много пятнадцать. Выдерживать долѣе и напускать на себя звѣря ближе было бы съ моей стороны безразсудно. Я вышелъ изъ-за дерева и поднялъ ружье къ плечу.

Медвѣдь, увидавъ человѣка, выросшаго передъ нимъ столь внезапно и неожиданно, не взирая на всѣ его соображенія и предосторожности, какъ будто бы смѣшался; онъ быстро вскочилъ на заднія лапы и, откинувъ переднюю часть туловища назадъ, разинулъ пасть, оскалилъ клыки и страшно зафыркалъ. Поднявшись на дыбы, онъ открылъ грудь свою. Я прицѣлился и приложилъ палецъ къ спуску. Товарищъ мой стоялъ тоже наготовѣ, приложившись, хладнокровно предоставляя мнѣ первый выстрѣлъ, какъ ближайшему къ звѣрю.

Я спустилъ курокъ. Раздался отрывистый, но сильный выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ почти въ одно и то же время грянули оба ствола П. Медвѣдь дрогнулъ, шерсть на немъ заколыха-

лась, и пробитый навылетъ въ грудь, онъ грозно и болѣзненно рявкнулъ, ткнулся въ снѣгъ, обхвативъ въ ярости находившуюся подъ нимъ сосновую корягу, которую и вырвалъ изъ мерзлой земли съ корнемъ.

На выстрѣлы наши прибѣжали г. Т. и Архипъ. Въ скоромъ времени явились и кричане.

Восторгъ и восхищеніе были общіе, каждый хотѣлъ видѣть медвѣдя; внимательно осматривалъ и ощупывалъ его, какъ будто звѣря никогда невиданнаго. Удивительно, какое впечатлѣніе производитъ на Русскаго человѣка медвѣдь! Многіе дѣлали свои замѣчанія.

— Что, братъ мишка, попался! восклицалъ одинъ, ощупывая, какъ дантистъ, большіе, крѣпкіе, оскаленные клыки:—не будешь больше скотину портить?

— Ишь ты, ломовикъ какой! замѣчалъ другой, стуча кулакомъ по широкому лбу огромной, косматой головы.

— Ванюха! а Ванюха! глянь-ко: рукавица-то кака! прибавлялъ третій, поворачивая и разглядывая крѣпкую, толстую какъ бревно, лапу.

— Да, братъ, отозвался Ванюха, проводя по своей ладони острыми медвѣжьими когтями, гре-

бенка знатная, какъ евтой причешетъ, такъ тово...

Даже Валетка, охотничья полулягавая собака, съ которою Архипъ ходилъ отыскивать медвѣдей, явился дѣйствующимъ лицомъ и съ остервенѣніемъ впился въ медвѣдя.

— Дѣдушка! а дѣдушка! кричалъ мальчишка, обутый чуть-чуть не до ушей, вѣроятно, въ отцовскіе сапожища, подхвативъ бока и заливаясь звонкимъ смѣхомъ, смотри, какъ Валетка-то вцѣпился...

— Должно быть этотъ-то давила надысь, по осени, у кума Матвѣя корову повалилъ? сказалъ мужикъ съ окладистою рыжею бородой.

— Видно-ста не онъ, отозвался изъ толпы черно-бородый — тотъ медвѣдь былъ бурый. Антипка пастухъ, баетъ, самъ видѣлъ.

— Вретъ твой Антипка, да и ты за нимъ: черный былъ, а не бурый.

Я поспѣшилъ прекратить споръ.

Медвѣдя, привязавъ за шею кушаками, потащили къ лошадямъ, которыя во всю дорогу таурились и фыркали, а подъ конецъ даже и понесли.

Когда мы проѣзжали селомъ, то толпа, слѣдовавшая за нами, видя нашъ трофей, свѣсив-

шуюся изъ саней медвѣжью голову, быстро росла. День же былъ праздничный, и постоялый дворъ, на которомъ мы квартировали, въ нѣсколько минутъ запрудился народомъ.

Ребята, берегись! шевелится, встаетъ, вскрикнулъ вдругъ какой-то балагуръ, желая подшутить надъ собравшимися, и толпа бабъ и ребятишекъ съ визгомъ и крикомъ отскакивала отъ медвѣдя и потомъ громко хохотала.

Медвѣдя свѣшали—оказалось около одиннадцати пудовъ; выпотрошили и зашили въ рогожи; но любопытныхъ и любознательныхъ натуралистовъ оставалось еще довольно, и они, стоя въ кружкѣ и покачивая головами, время отъ времени ощупывали рогожи.

Медвѣдь былъ отправленъ въ тяжеломъ поѣздѣ. Пріемщикъ товаровъ пришелъ было сначала въ недоумѣніе при появленіи такой необыкновенной и небывалой еще клажи.—Я немогу принять! сказалъ онъ мнѣ,—не знаю почемъ взять съ пуда?

— Да возьмите какъ съ мяса, замѣтилъ я.

— Какое же это мясо? тутъ и шуба есть.

Начальникъ станціи разрѣшилъ недоразумѣніе, сказавъ, что въ концѣ реестра, въ которомъ обозначены товары съ показаніемъ цѣнъ, какія

должно съ нихъ брать за провозъ, сказано очень ясно и положительно: за всѣ непоименованные здѣсь предметы взимается по 40 коп. съ пуда.

Не думалъ, не гадалъ мирный, флегматическій жилецъ Валдайскихъ лѣсовъ кататься по желѣзнымъ дорогамъ, а дѣлать нечего—пришлось совершить поѣздку въ Бѣлокаменную.

ПОРОДА ХИЩНИКОВЪ.

(Посвящено С. В. Блохину).

Область распространенія этихъ птицъ, большею частію весьма обширная по своему горизонтальному протяженію на земной поверхности, не менѣе обширна и въ вертикальномъ.

Замѣтимъ еще, что разнообразіе пищи, видовыя различія и географическое распространеніе животныхъ, которыми питаются хищныя птицы, имѣютъ вліяніе на ихъ образъ жизни: онѣ необходимо соображаются съ нравами своей добычи.

(Вѣстн. Естеств. Наукъ.)

Сѣверцевъ.

I.

Въ половинѣ января 18.. года, часу въ первомъ по-полудни, въ домѣ Алексѣя Степановича Мурзанова собралось общество художниковъ.

Мы скажемъ сперва нѣсколько словъ о хозяинѣ дома.

Алексѣй Степановичъ Мурзановъ служилъ въ гвардіи и принадлежалъ къ высшему кругу.

Послѣ смерти отца (мать умерла прежде) получивъ въ наслѣдство восемьсотъ незаложен-

ныхъ душъ, онъ вышелъ въ отставку, переѣхалъ на жительство въ Москву, купилъ домъ, отдѣлалъ его щегольски и зажилъ бариномъ. Мурзановъ былъ человѣкъ образованный, свѣтскій, гостепріимный и неженатый. Держалъ повара-француза, выписывалъ дорогія, тонкія вина, въ которыхъ былъ знатокъ, задавалъ роскошные завтраки, обѣды и ужины, хотя для многихъ они были очень солоны. А потому неудивительно, что домъ его постоянно наполненъ былъ посѣтителями. Вся лучшая молодежь старалась съ нимъ познакомиться; но Алексѣй Степановичъ сводилъ знакомство не со всякимъ встрѣчнымъ, былъ въ этомъ случаѣ остороженъ и разборчивъ, хотя вообще со всѣми бывалъ вѣжливъ и любезенъ.

Маменьки переспѣлыхъ и юныхъ дочерей находили его страннымъ; часть молодежи, принятая въ домъ, звала его душою общества, а другая часть, непринятая, — гордецомъ, надутымъ; старички и старушки считали его человѣкомъ съ добрыми правилами, нравственнымъ, примѣрнаго поведенія, набожнымъ. Дѣйствительно, въ праздничные и торжественные дни, Мурзанова постоянно видали въ соборѣ, усердно молящимся. Онъ не манкировалъ ни однимъ

визитомъ; въ календарѣ его тщательно помѣчены дни именинъ и рожденія всѣхъ почетныхъ и почтенныхъ обывателей столицы. Онъ соглашался почти съ мнѣніемъ каждаго, противорѣчилъ рѣдко, не спорилъ никогда. Любилъ выпить рюмку, другую (не болѣе) хорошаго вина, но еще болѣе любилъ подчивать. О картахъ не было помину: онъ ихъ не бралъ и въ руки, и бывалъ только въ долѣ у другихъ, и то, какъ говорилъ, въ самой незначительной части. Мудрено ли, владѣя такими талантами, прослыть за олицетворенную добродѣтель?

Прибавьте къ этому прекрасную наружность,—большой ростъ, бѣлое съ небольшимъ румянцемъ лицо, голубые глаза, бѣлокурые волосы, пріятный звучный голосъ, величественную, барскую походку, вкрадчивую, мягкую рѣчь—вообще все мягкое, и вы поймете, что отъ Алексѣя Степановича многіе были въ восторгѣ.

Но на Мурзановѣ оправдывалась русская поговорка: «мягко стелетъ, да жестко спать».

Года черезъ полтора или черезъ два, по водвореніи Мурзанова въ Москвѣ, въ домѣ его мало-по-малу завелась игра, игра большая,

азартная, въ которой, однакожь, онъ не принималъ, повидимому, большаго участія, а былъ, какъ сказано выше, въ небольшой долѣ у другихъ банкометовъ. Впрочемъ это было только повидимому, въ сущности же банкъ метали его агенты, испытанные шулера, которымъ онъ давалъ полпроцента, иногда и процентъ, съ выигрышной суммы; проигрыши, разумѣется, бывали рѣдки, и то умышленные, или ужь самые непредвидѣнные.

Алексѣй Степанычъ не только не игралъ самъ, но старался отвлекать и другихъ отъ игры, по крайней мѣрѣ старался это показывать.

Члены этого специяльнаго заведенія раздѣлялись на разные классы, смотря по способностямъ. Одни только и дѣлали, что метали банкъ (это—обладавшіе проворствомъ рукъ); другіе занимались крапленьемъ, обрѣзываніемъ, разборкою и подборкою картъ; третьи рыскали по городу, собирали свѣдѣнія, не получилъ ли кто денегъ, не продалъ ли, или не заложилъ ли кто имѣніе, не умеръ ли у кого богатый родственникъ и т. п. Члены этой послѣдней корпорацiи принадлежали вообще къ людямъ обра-

зованнымъ, допущеннымъ въ хорошее общество, но промотавшимся.

— Забавно, бывало, слушать, говаривалъ мнѣ Андрей Андреевичъ, какъ иной разъ Алексѣй Степапычъ начнетъ шпынять и пудрить проигравшагося. «Ну что̀, сударикъ, пробубенился и носъ повѣсилъ; говорилъ давича—не играй! не связывайся съ этими зубодергами! Не послушалъ! Самъ виноватъ! Кто тебя на галеры-то тащилъ? добро бы молоденькій; вѣдь зубы съѣлъ, полдюжины дѣтей; пора, кажется, и образумиться. Эхъ, вы!..» Или: «Ну, князь, спустили вы нынче порядкомъ; на сердцѣ чай кошки скребутъ; совѣтовалъ лучше въ долю къ Андрею Андреевичу идти,—не захотѣли,—пеняйте теперь на себя».

— Я, почтенный Алексѣй Степановичъ, отвѣчаетъ князь, или графъ,—о деньгахъ не жалѣю; дѣло въ томъ только, что мнѣ нужно лошадей покупать, теперь въ Лебедяни ярмарка, а у меня до февраля денегъ не будетъ, въ Москвѣ занять не у кого: вотъ въ чемъ бѣда, а не въ проигрышѣ.

— Да, замѣчаетъ Мурзановъ въ раздумьи:— большую сумму нынче не скоро сыщешь. Оно

конечно, занять можно, вотъ хоть бы у Андрея Андреевича; но вѣдь это жидъ! аспидъ! менѣе двѣнадцати процентовъ не возьметъ, да еще дай ему непремѣнно дубликатъ, то-есть заемное письмо на двойную сумму, на случай неисправнаго платежа.

— За процентами я не постою, не важность нѣсколько лишнихъ сотенъ, говоритъ князь:— будьте добры, Алексѣй Степанычъ, возьмите у него мѣсяцевъ на шесть тридцать тысячъ.

— Помилуйте, князь, за что̀ же этой ракаліи, сквалыжнику платить по двѣнадцати процентовъ и дубликатъ давать. Можетъ-быть вы какъ-нибудь извернетесь; можетъ, у меня случатся деньги — я вамъ съ удовольствіемъ дамъ на полгода за казенные.

— Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ, пожалуста, возьмите у Андрея Андреевича; я надѣюсь, вы для меня это сдѣлаете.

— Извольте, съ удовольствіемъ; мнѣ только досадно и обидно, что это случилось у меня въ домѣ, а насчетъ денегъ...

— Пустяки, перерываетъ князь,—стоитъ ли толковать о какихъ-нибудь двадцати пяти тысячахъ; не Богъ знаетъ что̀, не милліоны, не Индію проигралъ.

— Я, князь, лучше займу какъ-будто для себя; это избавитъ васъ, по крайней мѣрѣ, отъ непріятности имѣть дѣло съ этимъ скаредомъ, и меньше, знаете, толковъ будетъ.

Князь жалъ руку Алексѣю Степановичу и уѣзжалъ совершенно довольный, что устроилъ свои дѣла.

На другой или третій день, Мурзановъ вручалъ деньги (разумѣется собственныя) и бралъ дубликатъ; а какъ черезъ полгода князь, *по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ*, денегъ не платилъ, то заемное письмо переписывалось, проценты приписывались, и года черезъ полтора или два, должнику приходилось платить Андрею Андреевичу (заемныя письма въ этихъ случаяхъ обыкновенно передавались на имя Милова) чуть ли не вчетверо противъ занятой суммы.

Продѣлки эти повторялись довольно часто, и состояніе Мурзанова росло не по днямъ, а по часамъ.

Игра же шла своимъ порядкомъ; употреблялись всѣ средства, всѣ штуки, всѣ мерзости, чтобъ завлекать и обыгрывать молодыхъ людей. Доставалось подъ-часъ и немолодымъ.

И такъ, въ домѣ Мурзанова собралось обще-

ство художниковъ. Какихъ?—читатель знаетъ изъ предыдущихъ строкъ.

Хозяинъ, повидимому, только что проснулся и былъ, какъ говорится, не-въ духѣ.

По неволѣ будешь не въ духѣ, какъ наканунѣ, сверхъ чаянія, проиграешь тысячъ семьдесятъ, положимъ хоть и ассигнаціями.

Остальные посѣтители, находившіеся, какъ увидимъ, болѣе или менѣе въ зависимости отъ хозяина, тоже были не веселы, по русской пословицѣ: «каковъ попъ, таковъ и приходъ».

Мурзановъ, закутанный въ дорогой бархатный халатъ, съ ермолкой на головѣ, въ торжковскихъ туфляхъ, шитыхъ золотомъ, сидѣлъ, развалившись въ волтеровскихъ креслахъ, курилъ сигару, пуская синеватыя струйки дыма и прихлебывая кофе изъ чашки саксонскаго фарфора.

— Я всегда утверждалъ, сказалъ онъ,—что изъ Швенкеля пути не будетъ; никакого разсчета, ни малѣйшаго соображенія не имѣетъ, просто набитый дуракъ!—А вотъ этотъ господинъ, прибавилъ Мурзановъ, указывая на входившаго въ то время въ кабинетъ человѣка небольшаго роста:—этотъ господинъ неблагодар-

ное животное! Я вытащилъ его изъ грязи; погибъ бы безъ меня, какъ червякъ, и онъ же теперь забывается, въ грошъ меня не ставитъ. Я, кажется, продолжалъ ораторъ, обращаясь къ вошедшему,—однажды и навсегда сказалъ, что мнѣ нѣтъ никакой надобности знать, что ты дѣлаешь и гдѣ находишься весь день; но съ девяти часовъ я просилъ быть неотлучно здѣсь, особенно послѣ смерти криваго; такъ нѣтъ, не можешь для меня и въ этомъ быть акуратенъ; пропадаешь двое сутокъ такъ, что съ гончими собаками не отыщешь. Четырехъ пословъ вчера разослалъ, не услѣдили-таки ни въ какихъ улусахъ не могли найдти; и чортъ знаетъ, что̀ у васъ тамъ за дѣла творятся? Пьянствовалъ, должно быть, или на биліардѣ сражался?

Маленькій человѣкъ, къ которому обращена была рѣчь, молчалъ, потупивъ свои небольшіе, сѣро-желтоватые и безпокойные глазки.

— Чтожь не отвѣчаешь? заговорилъ опять разгнѣванный хозяинъ:—или не доволенъ чѣмъ? такъ лучше скажи прямо, а не дѣлай со мной такихъ штукъ; онѣ слишкомъ дорого обходятся.

— Виноватъ, отецъ! отозвался наконецъ маленькій и вмѣстѣ рыженькій человѣчекъ, утирая

носовымъ платкомъ свой крючковатый носъ, весьма похожій на клювъ хищной птицы: — виноватъ! зашалился, кутнулъ немножко съ пріятелями.

— Что̀ мнѣ толку въ твоей винѣ, шубу изъ нея не сошьешь. Ты тамъ кутишь да бражничаешь, а здѣсь чортъ знаетъ, что̀ происходитъ! Вотъ какъ деньги понадобятся, такъ небось, ко мнѣ прилѣзешь. Въ настоящее время,— тебѣ это очень хорошо извѣстно, — васъ всего у меня трое только; а тутъ еще ты кутишь, у Грязнова рука болитъ, а Швенкель на-голо оселъ! Его только можно пускать въ дѣло съ пьяной компаніей. Вчера противъ Хруновича метать было некому, по необходимости посадилъ Швенкеля, этого разношерстнаго пса, а онъ, ни много, ни мало, изволилъ спустить въ три таліи шестьдесятъ тысячъ, шутка! Хруновичъ перегнулъ было ужь на сто на двадцать, да хорошо, что нѣмецкая свинья бить не сталъ, пришелъ меня спроситься, вовремя догадался! а я на ту пору въ кабинетѣ съ княземъ заболтался.

Маленькій человѣкъ, къ которому относился разсказъ, и котораго звали Андреемъ Андрее-

вичемъ, а по фамиліи Миловъ, тяжело вздохнулъ и на лицѣ его изобразился ужасъ.

— Ужь не продалъ ли васъ Швенкель? торопливо заговорилъ Андрей Андреевичъ, послѣ минутнаго молчанія. — Какъ же можно дозволить себѣ въ одинъ залпъ спустить шестьдесятъ тысячъ! Если чувствуешь, что не въ моготу, такъ лучше брось, забастуй по крайней мѣрѣ вовремя.

— Что̀ ты толкуешь — продалъ, продалъ, перервалъ Алексѣй Степановичъ: — не продалъ, а просто сдѣлать ничего не могъ; дубина, какъ есть дубина! Ты про игру Хруновича слыхалъ; ему пальца въ ротъ не клади, ухо держи остро̀; ну, выдалось вчера нѣсколько счастливыхъ талій — и оборвалъ. Къ тому же большой кушъ семпелемъ поставилъ, конфетничать не любитъ!

— Да вѣдь онъ, отецъ, я слыхалъ, на очередь играетъ, замѣтилъ Миловъ.

— Ну что̀жь изъ этого, что понтируетъ на очередь? крикнулъ Мурзановъ, топнувъ съ досадой ногою и бросивъ въ каминъ до половины еще недокуренную сигару: — что̀жь изъ этого, что на очередь? повторилъ онъ съ сердцемъ: — его, братъ, на какую-нибудь пошлую

штуку не надуешь; это вѣдь не Кагаловъ, не Мухрабатовъ, не слетокъ какой изъ павлиньяго гнѣзда, не изъ-подъ крылышка у маменьки выскочилъ. Противъ него баламутъ метать нельзя, крапленыхъ понтерокъ не подсунешь, догадливъ—свои возитъ. На липокъ что ли?— Тоже не много возьмешь, глаза больно хороши, даромъ что безъ очковъ. — Ну разсказывай, если придумалъ, что можно противъ него сдѣлать?.. Нѣтъ, братъ Андрей, онъ самъ дантистъ, тоже зубы повыдергаетъ; прошелъ огнь и воды, и мѣдныя трубы; видалъ виды не меньше насъ съ тобой.

Андрей Андреевичъ молчалъ; Алексѣй Степановичъ ходилъ крупными шагами по кабинету; остальные посѣтители тоже безмолвствовали

— А когда Хруновичъ обѣщалъ опять къ вамъ пожаловать? спросилъ Миловъ.

— Въ понедѣльникъ; а во вторникъ въ Питеръ укатитъ и воротится Богъ вѣсть когда; онъ вѣдь у насъ прилетная птица. Стало-быть и шестьдесятъ тысячекъ тю-тю!..

— Пожалуйте, благодѣтель, мнѣ сотенки двѣ рубликовъ, сказалъ Миловъ.

Просьба эта, казалось, нѣсколько удивила Мурзанова; видно было, что онъ поставленъ ею въ нѣкотораго рода недоумѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, котораго онъ сію минуту такъ жестоко распекъ, проситъ у него еще денегъ.—«Недаромъ же такая смѣлость», подумалъ Алексѣй Степановичъ, а сказалъ совсѣмъ другое.

— Это еще на что̀? Вѣрно опять хочешь въ какой-нибудь кабакъ закатиться?

— Нѣтъ, отецъ, нужно крѣпко.

Мурзановъ вынулъ изъ кармана ключъ, подалъ его Андрею Андреевичу и сказалъ:—на, возьми; только предупреждаю, если тебя и завтрашній вечеръ не будетъ, тогда лучше ко мнѣ и на глаза не показывайся, чтобъ нога твоя у меня никогда въ домѣ не была, и духомъ твоимъ чтобъ здѣсь не пахло.

Миловъ взялъ ключъ, подошелъ къ булевскому столу, отперъ стоявшую на немъ щегольскую, обдѣланную въ серебро, орѣховаго дерева шкатулку, досталъ тамъ пачку ассигнацій, отсчиталъ сколько ему слѣдовало, заперъ шкатулку опять, возвратилъ ключъ, раскланялся и тихонько, на цыпочкахъ, вышелъ вонъ изъ кабинета.

— Я хотѣлъ и вамъ, Иванъ Спиридоновичъ, замѣтить, началъ Мурзановъ по уходѣ Милова:—давно хотѣлъ замѣтить, мой почтеннѣйшій, что зрѣніе, должно-быть, становится у васъ плохо, или и вы тоже черезъ пень колоду валите: на что̀ это похоже, какихъ намедни Ермакову подсунули вы понтерокъ? крапъ можно было увидать изъ другой комнаты, стыдъ и срамъ!

— Это произошло отъ того, Алексѣй Степановичъ, отвѣчалъ обиженнымъ голосомъ и немного сконфузясь, Иванъ Спиридоновичъ, — отъ того это произошло, что Андрей Андреевичъ въ тотъ вечеръ забылъ дома свои очки съ увеличительными стеклами и настоящаго крапа не могъ бы разглядѣть-съ; я и подалъ ему карты съ крупнымъ крапомъ, которыя бываютъ необходимы, когда компанія подопьетъ-съ; тогда извѣстно, карта будь хоть тигровой сорочки, такъ не разберутъ съпьяну-то; притомъ же, вамъ извѣстно, что Ермаковъ близорукъ-съ.

— Положимъ, что Ермаковъ близорукъ, какъ вы говорите, хоть я этого и не замѣчалъ, но тутъ были и зрячіе, — увидятъ и неловко, а

Андрею Андреевичу потрудитесь передать, чтобъ онъ впередъ очковъ не забывалъ, или имѣлъ бы ихъ двѣ пары, и одну оставлялъ бы здѣсь.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Иванъ Спиридоновичъ съ наклоненіемъ головы.

Ежели, по увѣренію многихъ, Андрей Андреевичъ походитъ на ястреба, то Иванъ Спиридоновичъ имѣетъ необыкновенное сходство съ неперелинявшимъ хорошо куликомъ. Такой же худенькій, на тонкихъ ножкахъ, съ небольшимъ количествомъ волосъ на головѣ, съ необыкновенно длиннымъ носомъ, загнутымъ не къ губамъ, а ко лбу, что̀ очень удобно для ношенія очковъ, хотя Иванъ Спиридоновичъ ихъ не употребляетъ, съ большими, на выкатѣ, черными глазами, совершенный куликъ, даже походка куличья.

Еслибъ Иванъ Спиридоновичъ посвятилъ хотя половину того времени, которое (то-есть тридцать лѣтъ) было имъ употреблено на изученіе теоріи крапа, образованія картъ и насыпныхъ очковъ, то-есть, чтобъ изъ осьмерки можно было сдѣлать семерку, изъ тройки — двойку или, пожалуй туза (чего, подумаешь, не сдѣлаетъ

человѣкъ изъ любви къ искусству!); еслибъ пятнадцать только лѣтъ посвятилъ Иванъ Спиридоновичъ на изученіе жизни наливчатыхъ животныхъ, то утвердительно можно сказать, онъ превзошелъ бы знаменитаго современника нашего, Эренберга. Зрѣніе у Ивана Спиридоновича истинно было изумительное. Едва замѣтная точка, ничтожная крапинка на картѣ, для обыкновеннаго наблюдателя и въ микроскопъ едва ли видимыя, казались Ивану Спиридоновичу огромными пятнами. Дадутъ, бывало, ему колоду картъ пересмотрѣть раза два, три, и онъ уже безошибочно потомъ, по сорочкѣ узнавалъ каждую карту, какъ-будто на ней была надпись: я де червонный валетъ, или: пиковая двойка. Но игрокомъ Иванъ Спиридоновичъ не былъ, и игрывалъ только въ свои козыри да въ дурачки. «Еслибъ Ивану Спиридоновичу дать руки Андрея Андреевича, говаривалъ Алексѣй Степановичъ съ истиннымъ сожалѣніемъ: — я бы ему двадцать тысячъ въ годъ положилъ. А то рукъ, рукъ нѣтъ! проворства не имѣетъ!..»

— А что̀, у Грязнова рука все еще болитъ? спросилъ Мурзановъ, не обращаясь въ особен-

ности ни къ кому изъ находившихся въ кабинетѣ.

— Распухла, согнуть никакъ не можетъ, отвѣчалъ молчавшій до сихъ поръ господинъ среднихъ лѣтъ, стройный, очень красивый и щегольски одѣтый. — Я сегодня встрѣтилъ доктора, который пользуетъ Грязнова; онъ мнѣ объявилъ, что на рукѣ у него рожа.

— Лучше бы на лицѣ, замѣтилъ съ улыбкой Алексѣй Степановичъ: — по крайней мѣрѣ рожа на рожѣ была бы. Харя его никуда не годится, а руки — нечего сказать — золотыя; онъ, по моему, стоитъ выше Андрея Андреевича.

— Ну, съ этимъ я не совсѣмъ согласенъ, возразилъ франтъ: — что̀ касается зрѣнія, не спорю; оно у Грязнова лучше, потому что онъ моложе; но относительно вольтовъ и вообще передержекъ, прошу на этотъ разъ извинить: Андрей Андреевичъ — величайшій художникъ; просто — мое почтеніе! Намедни какъ-то вольтовъ тридцать передъ нами сдѣлалъ, и мы не замѣтили ни одного. Да что̀ мы? Самъ не замѣчаетъ, когда практикуется передъ зеркаломъ. Я подобной чистоты въ работѣ не видывалъ.

— Иванъ Спиридоновичъ! сказалъ хозяинъ,— не пора ли за дѣло, чтобъ завтра задержки не было? Вчера дюжинъ сорокъ растрепали.

Иванъ Спиридоновичъ поклонился молча и юркнулъ въ смежную съ кабинетомъ комнату, ключъ отъ которой постоянно носилъ при себѣ, и существованіе которой нельзя было подозрѣвать, потому что дверь скрыта была подъ большой картиной, превосходной работы, изображавшей *Леду;* дверь отверялась и затворялась вмѣстѣ съ картиной. Комнату Иванъ Спиридоновичъ называлъ своею мастерской.

Когда художникъ исчезъ, хозяинъ обратился къ щеголю и, потягиваясь, какъ-будто послѣ утомительной работы или продолжительнаго сна, протяжно спросилъ :

— Что̀ новенькаго, Иванъ Карловичъ?

— Новаго много, отвѣчалъ франтъ тоже протяжно и какъ-бы нехотя.

— Вопервыхъ?

— Вопервыхъ, вовторыхъ и втретьихъ, теперь у меня пока на заднемъ планѣ ; главное вчетвертыхъ, именно — у меня захромалъ бурый жеребецъ; а самое главное впятыхъ, — въ карманѣ осталась одна красненькая ; а въ че-

тыре часа я долженъ угощать обѣдомъ троихъ господъ, не считая себя, и стало-быть нахожусь не въ очень блестящемъ положеніи.

— Четвертому я помогу тѣмъ, что вмѣсто бураго можете приказать заложить моего сѣраго орловскаго; пятому вы помогите сами: для этого вотъ и ключъ отъ шкатулки. Теперь первое, второе и третье?..

Алексѣя Степановича начинало разбирать нетерпѣніе.

— Вопервыхъ, началъ Иванъ Карловичъ, повертывая въ рукахъ вальяжную золотую табакерку, и кладя въ карманъ пачку ассигнацій, вынутыхъ изъ шкатулки, — вопервыхъ изъ Петербурга пріѣхалъ князь Галѣевъ; онъ остановился у Коппа, я съ нимъ видѣлся — мы и прежде были немного знакомы. — Ѣдетъ за ремонтомъ, и послѣ завтра вечеромъ непремѣнно будетъ у васъ.

— Это не дурно! замѣтилъ Алексѣй Степановичъ : — второе?

— Второе то, что у Ивана Петровича Сумбулаева умираетъ бабка, вчера ужь масломъ соборовали. Сумбулаевъ будетъ къ вамъ нынче ему нужно пятьдесятъ тысячъ, онъ ихъ хо-

тѣлъ попросить у васъ, въ чемъ вы, надѣюсь, ему не откажете.

— Еще бы! Втретьихъ?

— Втретьихъ, имѣнье Передрягова 16-го числа продается съ аукціона; для выкупа нужно шестьдесятъ тысячъ, а у него ихъ нѣтъ, слѣдовательно на дняхъ тоже явится съ просьбой. Деньги вы разумѣется дадите, а черезъ полчаса онѣ будутъ лежать опять у васъ въ шкатулкѣ; а какъ за нимъ и безъ того уже есть сто сорокъ, то имѣнье на торгахъ останется за вами.

— Всѣ три извѣстія очень пріятны, сказалъ весело Мурзановъ, и потому, любезный Иванъ Карловичъ, позвольте вамъ предложить въ знакъ памяти и благодарности вотъ эту булавку: она хоть вещь и неважная, всего тысячу двѣсти заплачена, но вамъ, какъ франту, подобаетъ.

Иванъ Карловичъ поблагодарилъ и взялъ шляпу.

— Куда же? спросилъ хозяинъ.

— Нужно заѣхать на почту; а потомъ заверну къ малолѣтному, къ Широкову.

Вскорѣ по уходѣ Ивана Карловича, явился Швенкель. Алексѣй Степановичъ принялъ его

довольно холодно, и хотѣлъ было уже начать проповѣдь, но камердинеръ доложилъ о пріѣздѣ графа Ивана Ѳедоровича.

Мурзановъ поморщился, сдѣлалъ кислую мину, однако велѣлъ принять.

Графъ вошелъ.

Это былъ мущина средняго роста, широкоплечій, что̀ обѣщало силу, съ черными волнистыми волосами, смуглымъ, какъ у Индѣйца, лицомъ. Глаза онъ имѣлъ черные, какъ уголь, чрезвычайно выразительные, блестящіе; бѣлки глазъ были испещрены кровавыми жилками. На лбу прорѣзались преждевременныя морщины; мѣстами сѣдина тоже говорила, что графъ пожилъ, ему нельзя было дать болѣе сорока лѣтъ.

Графъ Иванъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей XIX столѣтія, которые слѣдуютъ италіянской политикѣ XVII вѣка и твердо держатся правила: «цѣль оправдываетъ средства».

Для графа не существовало ничего завѣтнаго, ничего святаго. Деньги и наслажденія: вотъ что̀ было его девизомъ. А какъ послѣднія рѣдко достаются въ удѣлъ человѣку, не имѣю-

щему первыхъ, то для пріобрѣтенія денегъ изощрялся весь умъ, всѣ способности, употреблялись безъ разбора всѣ средства — хороши они или дурны.

Графъ не вѣрилъ ни въ человѣческое достоинство, ни въ добродѣтель; готовъ былъ на все, чтобъ добиться своей цѣли, лишь бы не попасть подъ отвѣтственность; а потому хотя онъ большею частію дѣйствовалъ рѣшительно, дерзко, нагло, но вмѣстѣ съ тѣмъ обдуманно и предусмотрительно; его трудно было, какъ говорится, поймать врасплохъ.

Графъ хорошо говорилъ и нерѣдко бывалъ даже краснорѣчивъ, но не любилъ стѣсняться въ выраженіяхъ, и какъ въ разговорѣ, такъ равно и въ поступкахъ доходилъ до цинизма. Онъ любилъ хорошо поѣсть и былъ великій знатокъ и мастеръ кулинарнаго искусства; любилъ выпить, и пилъ много, но его никто не видывалъ пьянымъ.

Графъ превосходно стрѣлялъ изъ пистолета, имѣлъ въ жизни двѣ дуели, и слылъ за человѣка, котораго нельзя было оскорбить безнаказанно. Первая дуель кончилась пустяками и

обошлась графу дешево — онъ былъ посаженъ только подъ арестъ; вторая имѣла исходъ съ одной стороны плачевный, съ другой — непріятный: противникъ графа не всталъ, а побѣдитель былъ сосланъ куда-то, очень далеко; долго находился въ ссылкѣ, много терпѣлъ и наконецъ вернулся на родину, но не исправившійся, не съ раскаяніемъ, а озлобленный и ожесточенный, казалось, противъ цѣлаго человѣчества.

Получивъ отъ отца небольшое состояніе, графъ въ скоромъ времени его проигралъ; потомъ игрой же въ карты, игрой навѣрное и разными другими низкими и отвратительными аферами, вновь нажилъ себѣ состояніе, вдесятеро большее, и называлъ его благопріобрѣтеннымъ. «Оно досталось мнѣ, говаривалъ онъ съ злою улыбкой, пòтомъ, слезами и кровью!» У графа была своя логика, свои убѣжденія, свои правила, свой взглядъ на вещи. «Разбери-ка хорошенько, прибавлялъ онъ въ минуты откровенности кому-нибудь изъ пріятелей, какъ нажили состояніе себѣ многіе прадѣды и дѣды тѣхъ внуковъ, которые живутъ теперь припѣваючи, и ты будешь имѣть ко мнѣ по-

болѣе снисхожденія, не станешь такъ сильно осуждать и упрекать меня. Иной думаетъ про себя: Вотъ я честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, могъ бы служить образцомъ нравственности». — А посмотришь, у этой добродѣтели тысячъ двѣсти годоваго дохода, чтожь дѣлать этому обращику нравственности? идти на толкунъ, изъ кармановъ платки воровать что ли? Нѣтъ, посмотрѣлъ бы я на эту добродѣтель, когда бы ей жевать было нечего; запѣла бы другую пѣсню. Вотъ Кураевъ, напримѣръ, на этихъ дняхъ проигрался, спустилъ все до ниточки, доведенъ до отчаянія, готовъ на самоубійство и толкуетъ о добродѣтели. А еслибъ недѣлю назадъ пришелъ къ нему кто-нибудь съ просьбой о помощи, — небось тоже вдался бы въ философію, началъ бы доказывать, что всѣмъ не поможешь, и что онъ въ этомъ дѣлѣ нисколько не виноватъ; пустился бы, пожалуй, мораль читать, сталъ бы пропозѣдывать, что лѣнь и праздность мать всѣхъ пороковъ; что необходимо трудиться, работать; однимъ словомъ, что̀ пишутъ въ прописяхъ и нравственно-сатирическихъ романахъ. Знаю я этихъ господъ моралистовъ и добродѣтельныхъ: они не кричатъ, пока ихъ не бьютъ, потому что въ чу-

жую спину и сто палокъ залѣпить — не больно. Пушкинъ былъ правъ, сказавъ:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

Про другаго говорятъ: «Вотъ добрѣйшій человѣкъ!» — Почему же, думаешь, онъ добрѣйшій? развѣ потому только, что не кусается, или потому, что по субботамъ раздаетъ нищимъ мѣдные пятаки, то-есть награждаетъ откупъ. Или кричатъ: «Слышали вы, какое несчастіе посѣтило Ивана Петровича?» — Нѣтъ, не слыхалъ: какое-же? — «Ахъ, какъ же онъ, бѣдный, проигрался!» — Такъ чтожь, отвѣчаете вы, тутъ за несчастье? вѣдь сколько Иванъ Петровичъ проигралъ, ровно столько Сидоръ Карпычъ выигралъ; а это выходитъ все тоже, что при рѣшеніи уравненій: члены изъ одной части переносятся въ другую съ противными знаками. X былъ на правой сторонѣ съ плюсомъ, перешелъ на лѣвую съ минусомъ. Y же изъ количества отрицательнаго сдѣлался положительнымъ, а уравненіе, то-есть государство, отъ этого нисколько не пострадало и не измѣнилось; для него все равно, у Петра ли деньги въ карманѣ, у Сидора ли. — «Да помилуйте, говорятъ, вѣдь у Ивана Петровича

куча дѣтей; онъ ихъ разорилъ, пустилъ по міру; притомъ же Иванъ Петровичъ (это главное) привыкъ жить хорошо, ни въ чемъ себѣ не отказывать!» — И у Сидора Карпыча, возражаете вы, тоже куча дѣтей, которыхъ онъ обогатилъ, далъ имъ, какъ говорится, дорогу, а еще неизвѣстно, чьи дѣти лучше. — Сидоръ Карпычъ, вѣроятно, тоже будетъ жить хорошо, это еще не большая хитрость, не астрономія какая, съ деньгами всякій умѣетъ жить. — Я знаю предсѣдателя, получающаго всего полторы тысячи и проживающаго двадцать, это дѣло потруднѣе, а вѣдь живетъ. Иванъ же Петровичъ попривыкнетъ къ бѣдности, что̀, въ нѣкоторомъ родѣ, будетъ геройствомъ. Но съ вами не соглашаются, считаютъ васъ оригиналомъ и находятъ, что вы порете вздоръ, и чтобъ окончательно поразить васъ, прибавляютъ: «Вѣдь Сидоръ Карпычъ выигралъ навѣрняка, а не на счастье.» — А что сказали бы про полководца, который вздумалъ бы давать сраженія на-счастье, про купца, задумавшаго на-счастье торговать, про откупщика, взявшаго откупъ на авось, про жреца Ѳемиды, рѣшающаго дѣла съ завязанными глазами? Игра — своего рода война, торговля, от-

купъ... Кто хитрѣе, предусмотрительнѣе, рѣшительнѣе, предпріимчивѣе, тотъ и выиграетъ. Говорятъ также, что игроку деньги достаются легко. Опять вздоръ! Нѣтъ занятія труднѣе и опаснѣе игры. Игрокъ—тотъ же морякъ, безпрестанно долженъ бороться съ препятствіями, съ бурями, того и гляди, что попадетъ въ водоворотъ, наткнется на подводную скалу или сядетъ на мель. Притомъ, сколько нужно имѣть терпѣнія, энергіи, отваги, политики, хладнокровія, не говорю уже объ искусствѣ, соображеніи и разсчетѣ. Иной въ одну ночь посѣдѣетъ; стало-быть не легко.

Непонятны иногда кажутся съ перваго взгляда противорѣчія въ человѣческой природѣ. Чего, казалось бы, должны были ожидать крестьяне такого помѣщика, каковъ былъ графъ? угнетенія, нищеты, разоренія... А на повѣрку выходило противное: крестьяне графа благоденствовали, всѣ они единогласно говорили про него: «отца роднаго не надо, мы у него все равно, какъ у Христа за пазухой живемъ», и не лгали. А между тѣмъ, за-частую у помѣщиковъ добрыхъ, и даже образованныхъ, крестьяне разорены, ходятъ по міру. Почему же это? Умъ вездѣ умъ. Графъ понималъ, что его бла-

годенствіе зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ, ему принадлежащихъ; и потому падала ли у кого изъ нихъ лошадь, онъ давалъ лошадь; околѣвала корова, онъ покупалъ корову; случался неурожай — снабжалъ сѣменами. Хлѣбъ свой продавалъ нѣсколькими копѣйками дешевле, но за то не изнурялъ мужиковъ дальнимъ извозомъ.

Одни называли графа злодѣемъ, другіе, не знавшіе его хорошо — оригиналомъ, третьи — умнѣйшимъ мошенникомъ. Послѣднее опредѣленіе было едва ли не самое вѣрное.

Впрочемъ, графъ былъ отчасти и оригиналъ. Воротясь изъ дальняго странствованія то-есть изъ ссылки, онъ отдалъ повару, возвратившемуся изъ ученья, слѣдующій приказъ:

— Тебѣ, любезный, позволяется меня обкрадывать или обсчитывать, это все равно. Ежели говядина продается по семи копѣекъ, пиши въ счетѣ десять, и въ скобкахъ прибавь: «на вырѣзъ»; возьмешь двадцат фунтовъ, означь этотъ вѣсъ двойной цифрой, все это позволяю; но если ты осмѣлишься подать дурную говядину, дохлую, то-есть худую курицу, полежавшую зелень, не животрепещущую, а сонную рыбу; если блюдо будетъ подано на де-

вятерыхъ, когда за столомъ сидитъ десятеро или въ обрѣзъ; однимъ словомъ, ежели ты заставишь меня краснѣтъ, то берегись! Еще одно замѣчаніе: самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ для меня — я самъ, и потому столъ долженъ быть всегда одинаковъ; понимаешь? — «Слушаю-съ», отвѣчалъ поваръ. И дѣйствительно слушалъ; приказанія графа всѣ исполнялись въ точности.

Кучеру была прочтена лекція въ этомъ же родѣ.

— Я, любезный, не знаю, сколько нужно давать лошадямъ овса и сѣна, но знаю, что онѣ должны быть сыты; пусть ѣдятъ хоть по четверти въ задачу, слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ кучеръ, — вѣстимо, коли лошадь будешь хорошо кормить, такъ и сыта будетъ, безъ корму что ужь за конь!

Камердинеръ и остальная прислуга тоже получили, хотя краткія, но энергическія наставленія.

Должно также замѣтить, что вся прислуга графа, получая хорошее жалованье и превосходно содержимая, не смотря на строгость и взыскательность, любила его и готова была за

него въ огонь и въ воду; а это много способствовало тому, что всѣ дѣла совершавшіяся въ домѣ графа Ивана Ѳедоровича, были шиты и крыты.

Графъ вошелъ въ кабинетъ Мурзанова.

— Я слышалъ, началъ хозяинъ, послѣ обоюдныхъ привѣтствій и рукожатій, — что вамъ графъ, не посчастливилось третьяго дня на вечерѣ у Зѣваева?

— Да, отвѣчалъ графъ: — не всѣ такъ счастливы, какъ вы, любезный Алексѣй Степановичъ.

— Не говорите, прервалъ хозяинъ: — и я вчера въ свою очередь поплатился; Хруновичъ взялъ шестьдесятъ тысячъ.

— Это удивительно! сказалъ графъ, пожимая плечами: — не то удивительно, что Хруновичъ сорвалъ шестьдесятъ тысячъ, а что вы, зная его игру, допустили до такой цифры. Стало-быть справедлива пословица: «на всякаго мудреца бываетъ простота».

— Пословицу эту можно, кажется, безъ ошибки примѣнить скорѣе къ вамъ, графъ.

— Помилуйте, куда мнѣ за вами тянуться, я и въ ученики не гожусь.

— Не думаю, графъ, но, признаюсь, тоже удивляюсь, какъ вы могли проиграть Зѣваеву, этой разноглазой воронѣ.

— Вотъ подите! прикидывается дуракомъ, олухомъ царя небеснаго, а на повѣрку выходитъ бестія первой руки. Посадилъ противъ меня метать какого-то хромоногаго аспида, Арича по фамиліи, величайшаго, какъ я узналъ послѣ, мошенника и шулера. И на какую штуку, думаете, поддѣла меня эта гадина?

— Не знаю и понять не могу, но очень любопытно бы услышать. Всѣ штуки, кажется, вамъ хорошо знакомы; вы, слава Богу, не новичокъ на зеленомъ полѣ, ратовали довольно.

— На самую глупѣйшую. Во время метки онъ замѣтилъ ногтемъ уголъ одной карты; я это видѣлъ и не сказалъ ни слова; какая, думаю, надобность дѣлать мнѣ замѣчанія; для меня же лучше, если карта знакома; вѣдь передернуть противъ меня нельзя, по крайней мѣрѣ, полагаю, очень трудно. Аричь продолжалъ метать, перевѣса ни на чьей сторонѣ не было, безпрестанно перемѣнялъ карты, то одну колоду, то другую, то третью; добрался на-

конецъ и до той, гдѣ была замѣчена карта, — тузъ; прокинулъ абцугъ, другой, третій, хотѣлъ положить четвертый, и сдвинулъ уже немного седьмую карту; глядь: подъ ней мѣченый тузъ, то-есть падаетъ налѣво. «Атанде», говорю. Хромоногая шельма остановился, хотя имѣлъ полное право докинуть абцугъ, потому что карта была уже затянута. «Ва-банкъ!» говорю. Зѣваевъ сидѣлъ тутъ же, хотя и не принималъ будто бы участія въ игрѣ. — «Не много ли? говоритъ: — вѣдь въ банкѣ пятьдесятъ тысячъ.» — Ничего, отвѣчаю — стерпимъ. Вынулъ всѣ свои билеты да и бухъ на туза. Аричь положилъ направо темную, а налѣво вскрылъ туза. Я разумѣется обрадовался и хотѣлъ попросить о присылкѣ, какъ вдругъ... можете вообразить мое положеніе, и на правой сторонѣ оказался тузъ же. Я сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло, но помочь горю ужь не чѣмъ, и я, волей-неволей, двадцать пять тысячъ отдалъ, а остальныя спустилъ, потому что былъ, понимаете, разстроенъ, взбѣшонъ, горячился; однимъ словомъ, игралъ какъ сапожникъ.

— Жаль мнѣ васъ, графъ, сердечно жаль, сказалъ Мурзановъ, выслушавъ исторію про-

игрыша; но штука такъ забавна, что трудно удержаться отъ смѣха.

— И смѣйтесь, пожалуста, безъ церемоніи, прервалъ графъ, — а жалѣть обо мнѣ, право, не для чего.

— Вотъ насъ, началъ говорить Мурзановъ съ озабоченнымъ видомъ, — такъ больше всего донимаютъ казенные.

— Какіе казенные?

— Наивный вопросъ съ вашей стороны: точно не понимаете; разумѣется казначеи, коммиссіонеры, ремонтеры, и имъ подобные. Проиграется ракалія да послѣ и оретъ: «Я погибнуть долженъ, подъ судъ пойду, у меня деньги были казенныя». — Что̀ прикажете дѣлать съ такими господами?

— Этотъ вопросъ ужь для васъ наивенъ, замѣтилъ графъ въ свою очередь. — Все дѣло состоитъ въ томъ, что надо стараться вникнуть только въ характеръ проигравшагося, — это самое главное. Ежели человѣкъ благородный, совѣсть въ немъ есть, да въ добавокъ еще горячъ, то бояться нечего; такой молодецъ или извернется какъ-нибудь, или пулю въ лобъ себѣ влѣпитъ, а на гадости не пойдетъ. Если

же подлецъ, характера хладнокровнаго, разсудительнаго, то не мудрено, полѣзетъ съ жалобой, и съ такимъ надо идти на сдѣлку, т. е. помириться на половинѣ напримѣръ, или, если имѣетъ собственность, взять заемное письмо, а коли ужь и на это нейдетъ, да притомъ и недвижимости нѣтъ или богатыхъ родственниковъ близкихъ нѣтъ, такъ остается послѣднее средство, швырнуть деньгами въ рыло, да въ шею, въ шею, чтобы впередъ не надувалъ порядочныхъ людей.

— Вы правы, графъ; всѣ ваши замѣчанія вѣрны и у васъ необыкновенное соображеніе, сказалъ улыбаясь и внимательно выслушавъ Мурзановъ.

— Необыкновеннаго соображенія тутъ нѣтъ, а есть небольшое знаніе сердца человѣческаго. На иного, вы это сами знаете, и оплеухи не оказываютъ дѣйствія, а на другаго одно слово дѣйствуетъ не хуже пули. На эту тему много происшествій разыгрывалось: разскажу вамъ два изъ нихъ. Знавали, чай, артиллерійскаго полковника Павловича, а не знавали, такъ вѣрно слышали объ немъ: удалая башка была! и силку имѣлъ, да какъ впрочемъ и не имѣть:

двухъ - аршинъ двѣнадцати вершковъ росту былъ, да косая сажень въ плечахъ.

«И у тебя безъ малаго сажень будетъ», подумалъ хозяинъ, посмотрѣвъ на разкащика.

— Павловичъ металъ однажды, продолжалъ графъ, на Липецкихъ водахъ штосъ; тамъ прежде большія игры составлялись, — а кто-то изъ неучаствовавшихъ въ игрѣ и скажи: «Вы, полковникъ, сейчасъ передернули», вѣдь охота подумаешь соваться, гдѣ не спрашиваютъ. Павловичъ кончилъ талію, прехладнокровно подошелъ къ коментатору, взялъ его за шиворотъ и говоритъ: «Я тридцать лѣтъ передергиваю, но не люблю, чтобъ не играющіе мнѣ это замѣчали», да какъ рѣзнетъ, такъ мой малый какъ снопъ и слетѣлъ.

— Что жь, были какія-нибудь послѣдствія? спросилъ Алексѣй Степановичъ.

— Какъ же, минутъ черезъ пять не больше, лѣвая скула вздулась, какъ подушка, и глазъ затянуло; но всего забавнѣе, въ этомъ происшествіи то, что всѣ нашли Павловича правымъ, говорили, что онъ вступился за свою честь, а получившаго оплеуху обвинили. Въ другой разъ, тотъ же Павловичъ обыгралъ

одного ремонтера, Лавина, — молодой, славный малый былъ; послѣ игры, когда дѣло подошло къ разсчету, ремонтеръ и говоритъ: «Вы поступили со мной безчестно, обыграли на вѣрное и должны стрѣляться». А Павловичъ прехладнокровно ему въ отвѣтъ: «Нѣтъ, ужь вы меня извините, я стрѣляюсь только съ людьми благородными, а вы лучше кого-нибудь попросите за себя со мной драться, вотъ хоть моего повара; онъ, правда, иногда и обсчитываетъ меня, но на чужія деньги, я увѣренъ, играть не станетъ». Что жь вы думаете? слова эти такъ поразили моего малаго — общество же было большое, — что онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, вынулъ деньги, положилъ ихъ на столъ, и уѣхалъ; а на другой день слышимъ, что Лавинъ приказалъ долго жить, то-есть застрѣлился. Вотъ оно какъ бываетъ! докончилъ графъ.

— Это происшествіе, сказалъ Мурзановъ, очень назидательно.

— Взгляните на эту вещицу, Алексѣй Степановичъ, и оцѣните ее, сказалъ графъ, вдругъ перемѣнивъ разговоръ и развязывая салфетку; — она, надо замѣтить, наслѣдственная въ нашемъ

роду, отъ отца къ старшему сыну переходитъ, что называется завѣтная.

— Такіе предметы, сказалъ Мурзановъ послѣ тщательнаго осмотра поданной ему вещи, — не имѣютъ цѣны; они безцѣнны или, правильнѣе, слишкомъ многоцѣнны. Но если вы желаете знать цѣну золота, жемчуга и каменьевъ, то приблизительно, я думаю, ихъ будетъ тысячъ на десять, можетъ и болѣе.

— Я самъ такъ полагалъ, подтвердилъ графъ, вечеромъ завтра я къ вамъ заверну; выигрывайте въ десяти тысячахъ...

Находившійся во время этого разговора Швенкель, перекрещенецъ изъ жидовъ, что можно было замѣтить по его акценту трижды перекрестился. Алексѣй Степановичъ принялъ серіозную мину, наморщился и, послѣ продолжительной паузы, проговорилъ:

— Нѣтъ, графъ, это ужь черезчуръ; всему есть мѣра и границы. Я, конечно, и самъ человѣкъ безъ предубѣжденій; но на этотъ разъ вы меня извините, не могу, рѣшительно не могу.

У графа засверкали глаза.

— Отчего же? спросилъ онъ.

— Потому не могу, что это не въ моихъ правилахъ, противъ нравственности, противно моей совѣсти.

Графъ разразился злобнымъ смѣхомъ.

— Противъ совѣсти, противъ нравственности, говорите вы?

— Да, именно противъ совѣсти и противъ моихъ правилъ.

— Что мы съ вами, въ гулючки что ли играемъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ? Намъ кажется дурачить и морочить другъ друга не приходится, никакой надобности не предстоитъ въ этомъ; для этого у насъ съ вами есть много ословъ, малолѣтныхъ и стариковъ, выжившихъ изъ памяти и разсудка. Воронъ ворону глазъ не выклевываетъ.

— Какъ вамъ угодно, возразилъ хозяинъ, нѣсколько обиженный такою откровенностью: — у всякаго свои понятія о чести, благородствѣ и нравственности.

— Ваши, напримѣръ, какія же? спросилъ графъ, закусивъ нижнюю губу, что̀ дѣлывалъ когда имъ начинало овладѣвать бѣшенство.

— Несогласныя съ вашими, графъ, за что я усердно благодарю Бога.

— Онъ вѣроятно васъ и милуетъ за это, то-есть, за ваши добродѣтели, хотѣлъ я сказать; вѣрно слезы ограбленныхъ вами сиротъ, отцовъ и матерей доходятъ до Всевышняго, произнесъ графъ, уже окончательно взбѣшенный: — или, можетъ-быть, вы принимаете себя за Адама и надѣетесь, что за ваши добрыя дѣла будутъ отвѣчать потомки, какъ и за него. Не забудьте только, что у васъ ихъ нѣтъ, не отыщете я думаю и Евы, потому что изъ вашихъ реберъ... (Было уже замѣчено, что графъ не стѣснялся въ выраженіяхъ).

— Не забудьте, графъ, также, что вы находитесь у меня въ домѣ, гдѣ есть человѣкъ тридцать кучеровъ и лакеевъ, проговорилъ Мурзановъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ, — не забудьте этого...

— Знаю, прервалъ графъ, расправляя свои плеча, — знаю, что я у васъ въ домѣ, въ противномъ случаѣ имѣлъ бы дѣло съ вашей личностію!

Мурзановъ подошелъ къ стѣнѣ и дернулъ шнурокъ отъ колокольчика.

— Мы съ вами Алексѣй Степанычъ, гдѣ-нибудь еще столкнемся, проговорилъ графъ, выходя изъ кабинета.

Вбѣжалъ камердинеръ.

— Для графа, сказалъ ему Алексѣй Степановичъ, меня никогда нѣтъ дома. Слышишь.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ камердинеръ и удалился, чтобъ передать приказаніе швейцару.

Алексѣй Степановичъ долго ходилъ по кабинету мѣрными шагами, долго не могъ успокоиться.—Пускай послѣ этого каждаго каналью къ себѣ въ домъ, говорилъ Мурзановъ: — кажется и графъ, а подобнаго разбойника во всей вселенной не скоро отыщешь, христопродавецъ! Іуда! Профершпилился и думаетъ подняться на аферы...

«Вотъ мошенникъ-то! думалъ въ то же самое время графъ про Мурзанова. Пустилъ полъ-Москвы по міру; грабитъ встрѣчнаго и поперечнаго, а толкуетъ о совѣсти, о нравственности; повѣсить мало, а туда же съ проповѣдями...»

«Нечего сказать, хороши! разсуждалъ про себя Швенкель, бывшій свидѣтелемъ этой сцены. Обоимъ разомъ и въ Сибири мѣсто не скоро найдешь, а послушай со стороны, въ самомъ дѣлѣ за святаго примешь!» Швенкель на этотъ разъ забылъ, что его и самого слѣдовало бы повѣсить.

— До свиданья, сурово произнесъ, все еще не пришедшій въ себя Мурзановъ: — нынче для праздника и въ церковь не попалъ.

Швенкель взялъ шляпу, думая: «ишь какой богомольный! лучше бы ты мнѣ денегъ далъ».

Однако Мурзановъ денегъ не далъ, даже и не подумалъ дать; онъ еще не забылъ проигранныхъ Хруновичу шестидесяти тысячъ.

Въ этотъ же день, часу въ седьмомъ вечера, въ кабинетъ Мурзанова вошелъ Андрей Андреевичъ Миловъ, хотя хозяина не было дома, и постучался въ потаенную дверь.

— Кто? послышался голосъ Ивана Спиридоновича.

— Я, отозвался Андрей Андреевичъ, и былъ тотчасъ же впущенъ.

— Черезъ пятьдесятъ минутъ Миловъ вышелъ изъ *мастерской* въ сопровожденіи Ивана Спиридоновича, которому доканчивалъ рѣчь: — такъ вы на всякій случай приготовьте тринадцать, и нумерки карандашомъ поставьте 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Оно хоть этого и ненужно, а все, знаете, лучше.

— Хорошо, хорошо, понимаю, будетъ готово, хитрость не велика! отвѣчалъ Иванъ

Спиридоновичъ и, проводивъ гостя до дверей кабинета, скрылся опять въ свою *мастерскую*.

На другой день поутру, въ кабинетѣ Мурзанова собралось обычное общество. Позднѣе всѣхъ явился Андрей Андреевичъ; по глазамъ его видно было, что онъ не выспался.

— Гдѣ былъ вчера? спросилъ хозяинъ: — вѣрно опять кутилъ?

— Попалъ къ графу Ивану Өедоровичу, а у него вечеринка была.

— Хороши вечера! произнесъ сквозь зубы и съ сардоническою улыбкой Алексѣй Степановичъ: — вечера, гдѣ собирается разная трактирная сволочь пьянствовать.

— Цыгане были, сказалъ немного оконфуженный Миловъ, не слыхавшій еще о ссорѣ.

— Ну что твой графъ? отхватывалъ чай по обыкновенію венгерку или трепака, дирижировалъ хоромъ, заливался соловьемъ?

— Что жь, Алексѣй Степановичъ, надо отдать справедливость, не хуже Ильи-то хоромъ управляетъ. Вчера еще была потѣха...

— Какая это?

— Сначала, извѣстно, цыгане, плясъ, шампанское, а потомъ какъ поубрались всѣ, остались свои, начали купца обыгрывать.

— Какого еще купца тамъ отыскали?

— Кустоломовъ, чаями торгуетъ, богачъ!..

— Да онъ ни во что не играетъ, замѣтилъ Иванъ Карловичъ: — развѣ въ бабки или въ свайку.

— И то, говоритъ, игрывалъ, когда мальчишкой еще былъ, добавилъ, засмѣявшись, Андрей Андреевичъ.

— Какъ же вы его обыгрывали, если онъ не играетъ? спросилъ удивленный Мурзановъ: — въ плевки, что ли? Разкажи пожалуста: это должно-быть очень интересно и поучительно.

— Повадился этотъ купчина, изволите видѣть, началъ Миловъ, къ графу частенько, — онъ у него какъ-то пару лошадей купилъ; то завтракать прiѣдетъ, то обѣдать, то на вечеръ явится. Графъ ничего, молчитъ да попиваетъ; а борода и радъ, что въ сiятельную компанiю попалъ, на благодѣтелей наткнулся; любитъ, значитъ, на шарамыгу поѣсть и попить. Продолжалась эта канитель мѣсяца два, не дается птица въ руки, «не играю» да и только, хоть ты что хочешь! надоѣлъ что ли онъ ужь больно графу, или другое, только вчера графъ и говоритъ Аричу: «съ купцомъ надо порѣшить».

— Да когда же графъ съ Аричемъ успѣлъ сойдтись? не больше пяти дней или недѣли Аричъ обыгралъ его у Зѣваева до копѣйки, сказалъ Мурзановъ.

— Въ тотъ же вечеръ снюхались; соколъ сокола по полету видитъ; теперь такіе друзья, что и водой не разольешь, въ августѣ вмѣстѣ въ Нижній хотятъ ѣхать. «Одному, говоритъ Аричъ, не ловко, а съ вами мы тамъ дѣла важныя во время ярмонки обработаемъ; къ тому же вы и авторитетъ имѣете: — графъ.» — «Мы съ тобой, говоритъ графъ, прихватимъ еще Сулаева, у него регалій пятнадцать навѣшано, адъютантомъ у кого-то былъ: тоже авторитетъ».

— Ну, продолжай! сказалъ Алексѣй Степановичъ, — что жь купецъ?

— Вотъ и говоритъ графъ: — съ купцомъ надо порѣшить! — Я ужь и маклера изъ уѣзда припасъ. — Что жь, *кукульванчику* что ли задать?» спрашиваетъ Аричъ. — «Извѣстно, отвѣчаетъ графъ, съ нимъ иначе дѣлать нечего, хитростью не возьмешь».

— Экія дѣла, экія дѣла творятъ! произнесъ Алексѣй Степановичъ голосомъ проповѣдника,

покачивая тихонько головой съ правой стороны на лѣвую и съ лѣвой на правую.

«Хорошъ и ты сахаръ! подумалъ Швенкель, взглянувъ на Мурзанова: въ два года трое отъ тебя съ ума сошли, двое застрѣлились и одинъ зарѣзался; а о томъ, сколько пустилъ съ сумой, и говорить нечего...»

— Ну, продолжай, Андрей Андреевичъ, продолжай!

— Вотъ-съ, какъ арава-то посвалила, разъѣхались, остались только свои, то-есть графъ, Аричь, я и купецъ, — пошла опять попойка. Хлопаетъ борода, стаканъ за стаканомъ, здоровенный такой, ни какъ не споишь: на что̀ графъ, и тотъ раскраснѣлся. Только видитъ Аричъ, что это въ долгій ящикъ пойдетъ, взялъ да дурману купчинѣ и поддалъ; какъ тотъ хватилъ, — глядимъ, минутъ черезъ пять и ошалѣлъ; хлопаетъ глазами словно филинъ, а ничего не понимаетъ, что кругомъ его дѣлается. Разложили мы сейчасъ зеленый столъ, исписали его мѣломъ, итогъ подвели, картъ ломаныхъ набросала; ждемъ, что будетъ. Аричъ тотчасъ къ купцу въ карманъ, вытащилъ бумажникъ, опросталъ его отъ излишней тягости

и назадъ положилъ. Ну, тутъ, разумѣется, дѣлежь пошла.

— Сколько жь тебѣ дали? спросилъ Мурзановъ.

— Я вѣдь, Алексѣй Степановичъ, тутъ постороннее лицо былъ, однако три сотенки получилъ. Часа этакъ, знать, черезъ три очнулся мой тетеревъ, и то ужь какъ ушата два на голову ему холодной воды вылили ; смотритъ вытараща бѣльмы, а въ толкъ ничего не возьметъ. — Что жь, говоритъ графъ, подпишешь ты, Сидоръ Коновичъ, заемное письмо или не подпишешь? — А тутъ, понимаете, ужь маклеръ готовъ, изъ какого-то городишка привезли съ книгой, и въ книгѣ мѣсто оставлено, чтобъ, значитъ, заднимъ числомъ написать : извѣстно вамъ, какъ эти дѣла дѣлаются. Очнулся купецъ: — Какой говоритъ вексель? да хвать за бумажникъ, глядитъ: пусто... Эти депозитные, кредитные , ломбардные, все улетѣло... «Да это, кричитъ, разбой ! грабежъ ! я сейчасъ къ военному генералъ-губернатору поѣду. — Видно нѣмецкой штуки захотѣлъ попробовать? что такъ разорался, говоритъ Аричь.» А надо вамъ замѣтить, что вечеромъ, во время кутежа, графъ разказывалъ, какъ одинъ Нѣмецъ хо-

тѣлъ его надуть. Предложилъ батистовую фабрику завести пополамъ, графъ согласился, далъ денегъ; только фабрика не пошла; Нѣмецъ хотѣлъ было съ остальными деньгами тягу дать, дѣло было въ деревнѣ графской, а графъ, его захвативъ, велѣлъ Нѣмцу три зуба выдернуть, раздѣть донага, выпачкать дегтемъ, обвалять въ пуху и выпроводить на большую дорогу. «Ступай дескать съ Богомъ по морозцу.» Аричь-то къ этому анекдоту и сказалъ Кустоломову, который очень смѣялся надъ Нѣмцемъ: — видно нѣмецкой штуки захотѣлъ. — «Чѣмъ ѣхать къ генералъ-губернатору, закричалъ графъ, засверкавъ глазами, я вотъ его лучше посвоему угощу. Ишь, какой! проигралъ, не хочетъ платить и ругается; я жь тебя выучу! Эй! кто тамъ?» Явилось трое молодцовъ, вершковъ по одиннадцати ростомъ. «Стащите-ка, говоритъ, вотъ эту мочалку въ денникъ къ бурому жеребцу, если что случится — не наша вина, — сказать, что самъ вошелъ въ денникъ, а въ животѣ и смерти Богъ волёнъ.» — А къ бурому жеребцу, надо вамъ замѣтить, подступу нѣтъ, бьетъ задомъ и передомъ и кусается, на вилахъ даже кормъ подаютъ. Вотъ потащили раба Божьяго; упи-

рается... струсилъ однакожь. — Подпишу, говоритъ. — «Ну подпишетъ, такъ пустите его.» Только что выпустили, опять за свое: — Не подпишу да и только. Разовъ пять принимались, насилу уходился: подписалъ на двадцать пять тысячъ. Какъ поотдохнулъ немного и говоритъ: — Ну, ваше сіятельство! попарилъ ты меня хватски, важно жигнулъ, впередъ наука, не суйся въ волчье стадо, когда хвостъ овечій. — Смотри, говоритъ графъ, у меня ни гугу, а то я тебя и въ преисподней найду, изъ земли выкопаю. — Что ужь тутъ толковать, женѣ только не сказывай, видно что̀ съ возу упало, пропало. Ты, ваше сіятельство, лучше на мировую давай, возьми за вексель половину, такъ сейчасъ домой отправлюсь и денежки привезу, чѣмъ ждать-то полгода. Графъ взглянулъ на Арича, а тотъ ему два пальца показываетъ. — Изволь, отвѣчаетъ графъ, двадцать процентовъ спущу. — Сорокъ. — Двадцать. — На тридцати помирились. Купецъ отправился за деньгами: я домой спать, а Аричъ съ графомъ въ Новотроицкій, потому что Кустоломовъ съ деньгами въ домъ къ графу ѣхать уже не хочетъ; пуганая ворона куста боится.

— Смотри, Андрей, попадешься ты когда-нибудь съ этимъ разбойникомъ-графомъ,

— Господа до свиданія, до вечера, сказалъ хозяинъ, взявшись за шляпу; — нынче концертъ въ пользу бѣдныхъ. — Иванъ Карловичъ! поѣдемте, а то опоздаемъ, ужь второй часъ. — Не забудь, Андрей Андреевичъ, что нынче будетъ Хруновичъ.

Миловъ поклонился.

— Вотъ благотворители-то! пробормоталъ Швенкель, когда Мурзановъ съ Иваномъ Карловичемъ вышли изъ кабинета.

— Слѣдовало бы когда-нибудь задать концертъ въ ихъ пользу, замѣтилъ Андрей Андреевичъ, обратясь къ Швенкелю и прибавилъ: — Ѳедоръ Ивановичъ, отправимтесь куда-нибудь на счетъ обѣда похлопотать.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Швенкель: — нынче здѣсь и завтракъ плохъ стали подавать. — Нѣтъ, Алексѣй Степановичъ портится, не тотъ что̀ прежде былъ.

— Извините, Ѳедоръ Ивановичъ, чѣмъ человѣкъ богаче, тѣмъ свиноватѣе: это почти аксіома, исключенія рѣдки, и Швенкель съ Андреемъ Андреевичемъ отправились обѣдать.

II.

Письмо отъ матери къ сыну, изъ ....ской губерніи въ Москву.

Не могу высказать тебѣ, дружочекъ Сережа, чувствъ благодарности, которыя лежатъ у меня на сердцѣ, къ благодѣтелю нашему Ивану Семеновичу, не знаю, какъ ужь и молиться за него. Страшно подумать, что сталось бы съ нами безъ его помощи. Тебѣ извѣстно, что покойный отецъ вашъ, дай Богъ ему царство небесное, человѣкъ добрый, благородный, честный былъ; но очень безпеченъ, и оставилъ дѣла свои слишкомъ запутанными; а тутъ еще два года неурожая, такъ что безъ Ивана Семеновича имѣніе наше 16-го числа было бы продано съ молотка; въ нынѣшнее время не только 20-ти тысячъ, и 300 рублей не скоро достанешь. Иванъ Семеновичъ, дай Богъ ему здоровья,—въ его лѣта это главное,—предложилъ мнѣ 20 тысячъ, хоть я навѣрное знаю, что у него болѣе капиталу не осталось ни копѣйки, кромѣ Свистуновки (правда, она не заложена.) «Про мой вѣкъ, говоритъ, будетъ:

мнѣ немного надо.» Ты эти деньги, Сережа, получишь отъ повѣреннаго Ивана Семеновича и внесешь въ Совѣтъ, а квитанцію вышлешь по почтѣ. Урожай нынѣшній годъ, благодаря Господа Бога, хорошъ, но цѣны на хлѣбъ низки. Сестру твою, Соню, я помолвила за Анатолія Сергѣевича Ульянова, — помнишь, молодой человѣкъ, служитъ у губернатора чиновникомъ особыхъ порученій, который, въ послѣдній твой пріѣздъ, былъ у насъ въ Орѣховѣ на храмовомъ праздникѣ; человѣкъ онъ хотя и молодой, но солидный, съ хорошей репутаціей, большой хозяинъ, не мотъ, а ужь какъ любитъ Сонечку! И та тоже въ немъ души не слышитъ. Дай-то Богъ имъ счастіе, совѣтъ да любовь. Братъ твой Петруша учится хорошо, — изъ первыхъ учениковъ; мнѣ это самъ директоръ говорилъ; и на экзаменахъ получилъ похвальный листъ за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ. Только не нравится мнѣ, что Петя и спитъ и видитъ поступить въ военную службу, да еще норовитъ въ кавалерію; впрочемъ, власть Господня, отъ судьбы своей не уйдешь. Для Машеньки пріискали гувернантку, старушку добрую и со свѣдѣніями. Маша выросла и становится прехорошенькая,

ты не узнаешь. Такъ вотъ дружочекъ Сережа, нынче хлѣбца хоть и родилось, за то расходовъ явилось много. Тебѣ 500 при семъ посылаю. Отвези, пожалуста, прилагаемое при семъ письмо, а также и 2000 Варварѣ Александровнѣ, это для покупокъ къ Сонечкиной свадьбѣ. Я бы тебя этимъ и не обезпокоила, да затеряла адресъ Варвары Александровны. Сходи еще, пожалуста, слышишь: — сходи, а не съѣзди, къ Иверской Божіей Матери, поставь ей, Заступницѣ, свѣчу въ пять рублей и отслужи молебенъ съ акаѳистомъ; не полѣнись же! ты меня этимъ много утѣшишь. Свадьба назначена 24-го. Какъ грустно, мой другъ, что тебѣ нельзя этотъ радостный день провесть вмѣстѣ съ нами: какъ будто чего-то не достаетъ. Всѣ знакомые тебѣ кланяются, а сестра Соня посылаетъ письмо. Прощай; будь здоровъ и не забывай любящую тебя мать.

Лукерья Широкова.

———

Письмо отъ сестры къ брату, оттуда же.

Поздравь меня, милый братъ Сережа, и порадуйся моему счастью. Да, я теперь слишкомъ, слишкомъ счастлива! Анатолій, женихъ мой, ты его видѣлъ, человѣкъ небогатый, у него всего 60 душъ, но онъ любитъ меня, я люблю его, — чего же еще болѣе! Онъ знаетъ меня хорошо, мы знакомы съ ребячества; знаетъ, что я не привыкла къ роскоши и могу довольствоваться самымъ необходимымъ, а потому вполнѣ увѣренъ, что мы будемъ жить спокойно. Милый и добрый Иванъ Семеновичъ объявилъ мнѣ, — это, Сережа, entre nous, — что деньги, которыя онъ далъ маменькѣ для взноса въ опекунскій совѣтъ, онъ даритъ своей крестницѣ, то-есть мнѣ; но до свадьбы не велѣлъ мнѣ объ этомъ говорить маменькѣ, и хочетъ, чтобъ Осиновка, въ которой 60 душъ, и земля которой прилегаетъ къ имѣнію Анатолія, была отдана мнѣ; кажется, это согласно съ желаніемъ маменьки. Машѣ она назначаетъ Семеновку, а Орѣхово останется вамъ съ Петрушей. Я надѣюсь, милый братъ, ты не

будешь въ претензіи за эти распоряженія? Варварѣ Александровнѣ послано черезъ тебя 2000 на покупку для меня кое-какихъ вещей, которыя у насъ или очень дороги или которыхъ совсѣмъ нельзя найдти. Поторопи, пожалуста, Варвару Александровну, времени остается немного... Пріѣзжай, если можешь, къ намъ; а то безъ тебя, все чего-то будетъ не доставать. Прощай, будь здоровъ! цѣлую тебя тысячу разъ.

Сестра твоя С. Ш.

P. S. Анатоль тебѣ кланяется, жметъ крѣпко руку и желаетъ тебя поскорѣй видѣть. Пріѣзжай, пожалуста!

Дня черезъ три послѣ полученія писемъ отъ матери и сестры, и денегъ отъ повѣреннаго, Сергѣй Петровичъ Широковъ сидѣлъ въ кабинетѣ своей небольшой квартиры, погруженный въ самыя невеселыя думы. Наканунѣ онъ былъ на вечерѣ у Алексѣя Степановича Мурзанова и проигралъ пять тысячъ. «Что̀ мнѣ дѣлать? что̀ мнѣ дѣлать теперь?» восклицалъ онъ по временамъ, ломая свои руки. «Занять

пять тысячъ негдѣ, я ужь пробовалъ, никто не даетъ безъ залога. А нынче 14-е число и послѣ завтра продадутъ имѣнье. Боже мой, Боже мой! лишить мать, сестеръ и брата состоянія, пустить ихъ по міру! злодѣй я, злодѣй! А во всемъ виноватъ этотъ проклятый Иванъ Карловичъ; нужно было знакомить меня съ Мурзановымъ, ввести къ нему въ домъ. А какъ сначала счастливо было пошло; не умѣлъ воспользоваться: вотъ и все! третьяго дня дали пять картъ, и поставь я семпелемъ пятьсотъ рублей да не отписывай, такъ взялъ бы двѣнадцать тысячъ; а то выигралъ всего на все полторы, и тѣ вчера спустилъ съ прибавкою пяти. Впрочемъ, вчера ужасно какъ не везло: семпель дадутъ, а какъ скоро загнулъ пароли или на шесть — убита, какъ убита. Этотъ Андрей Андреевичъ неимовѣрно счастливо мечетъ! И то сказать, что же за счастливо! Ивану Карловичу картъ, я думаю, тридцать далъ; только и тотъ понтировать не умѣетъ; тоже все отписывалъ и остался въ выигрышѣ пустяки, какихъ-нибудь тысячи четыре, — а богатъ должно быть! да и Андрей Андреевичъ, полагаю, тоже, даромъ что свинкой глядитъ, а бумажникъ словно чемоданъ. Развѣ

попросить денегъ у Ивана Карловича; онъ, кажется, ко мнѣ очень расположенъ, вѣрно не откажетъ. Дастъ или не дастъ? — и Сергѣй Петровичъ, зажмуривъ глаза, вертѣлъ въ воздухѣ указательными пальцами и потомъ сводилъ ихъ. Пальцы не сходились. — Не дастъ, думалъ Широковъ. И опекунскій совѣтъ съ своими экспедиторами, бухгалтерами и экспедиторскими помощниками, какъ грозный призракъ, вставалъ предъ Сергѣемъ Петровичемъ. Ему слышался, то голосъ аукціониста: «никто больше?» и вслѣдъ за этимъ, послѣдній ударъ молотка и слова: «за вами-съ»; то вопль старушки матери, то упреки сестеръ, брата и всѣхъ знакомыхъ, и Широковъ вновь погружался въ думы, одна другой мрачнѣе. — Пулю въ лобъ, вотъ что̀ мнѣ осталось; это единственное средство избавиться отъ всѣхъ непріятностей. Хорошо; я убью себя, а имѣнье все-таки продадутъ, и семейство останется безъ куска хлѣба. Сергѣй Петровичъ заплакалъ и бросился на колѣни передъ образомъ — благословеніемъ своей матери, но и молитва мало принесла ему облегченія. Господи! что̀ же мнѣ дѣлать? воскликнулъ онъ въ совершенномъ отчаяніи.

— Отыграться! сказалъ вошедшій въ эту минуту Иванъ Карловичъ. — Отыграться, повторилъ онъ : — отчаиваться никогда не должно, отчаянье смертный грѣхъ, дѣло бабье, да къ тому же нисколько и не поможетъ. Умный человѣкъ и не ребенокъ старается вывернуться изъ плохихъ обстоятельствъ, изобрѣтаетъ средства, которыми можно поправить дѣла, а не предается отчаянію. Экая важность, что проигрался! вотъ и видно, что молодо, зелено...

«Вся людская мудрость — бредъ.
«А ученье — ложный свѣтъ.
«Мудрость жизни — карты ;
«Съ ними счастье не обманъ,
«Коль сегодня пустъ карманъ,
«Завтра жь мы богаты...

Такъ-то любезный Сергѣй Петровичъ! кто же не бывалъ въ жизни въ подобныхъ обстоятельствахъ, кто изъ играющихъ не проигрывался, да еще не такъ; скажите, кто? Я, лѣтъ пять тому назадъ, проигрался однажды, какъ говорится, въ пухъ ; застрѣлиться хотѣлъ, и пистолетъ былъ ужь приготовленъ, да слава Богу, одумался вовремя. Продалъ свое тряпье,

мебель, однимъ словомъ, все что было, и остался въ одномъ фракѣ, да на пятьсотъ рубликовъ за проданный хламъ, не болѣе какъ въ полчаса, въ домѣ же Алексѣя Степановича, взялъ тридцать семь тысячъ.

Широковъ немного повеселѣлъ.

— Буду съ вами, Иванъ Карловичъ, откровененъ, сказалъ онъ: — таиться передъ вами не для чего: вѣдь я проигралъ деньги, присланныя матушкой для взноса въ опекунскій совѣтъ.

— Ну это, конечно, непріятно, замѣтилъ Иванъ Карловичъ: — а какъ за откровенность платятъ откровенностью, то скажу вамъ, что и я въ тотъ разъ проигралъ чужія деньги, замѣтьте: чужія, а не родной матери; и безъ твердости характера, безъ риску, и не повези счастье, меня ожидали тюрьма и позоръ, потому что, надѣюсь — это останется между нами, потому что, заключилъ утѣшитель чуть слышнымъ голосомъ, — деньги были казенныя.

— Знаете, проговорилъ Широковъ нетвердымъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ: — еслибъ я могъ какъ-нибудь извернуться безъ игры, гдѣ-нибудь, напримѣръ, занять, хоть за

большіе проценты, это было бы, мнѣ кажется, лучше; а то карты все-таки дѣло рискованное, ну какъ...

Широковъ не кончилъ свою рѣчь.

— Еслибъ я имѣлъ деньги, прервалъ Иванъ Карловичъ, — то вѣрьте, сію же минуту вручилъ бы ихъ вамъ; но, къ моему искреннему сожалѣнію, не могу этого исполнить, не смотря на все желаніе. Не далѣе какъ нынче поутру у меня было пятнадцать тысячъ, которыя далъ одному пріятелю въ займы на мѣсяцъ ; еслибъ я зналъ, что вы имѣете такую крайность, то, само собой разумѣется, выручилъ бы лучше васъ изъ бѣды ; черезъ мѣсяцъ, если хотите, деньги къ вашимъ услугамъ.

— Мнѣ нужно послѣ завтра, сказалъ Широковъ.

— Ну простите великодушно! въ такой короткій срокъ достать негдѣ. Впрочемъ вотъ что̀: вечеромъ я буду у Алексѣя Степановича, игра, разумѣется, тоже будетъ, и если повезетъ, тогда извольте съ удовольствіемъ, завтра же поутру получите, самъ привезу.

Добрякъ! подумалъ Сергѣй Петровичъ и протянулъ благодѣтелю руку.

Глупецъ! подумалъ Иванъ Карловичъ и заключилъ жертву въ свои объятія.

— Или въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Сергѣй Петровичъ, нѣсколько обольщенный надеждою: — попробовать еще счастья?

— Что жь, попытайте: все равно немного больше, или немного меньше; неужели насъ и сегодня обоихъ будетъ преслѣдовать несчастье? Была-не-была, рискнемъ и закаемся: рискъ, говорятъ, благородное дѣло; я часовъ въ десять за вами заверну. Впрочемъ, гдѣ вы сегодня обѣдаете? никуда не отозваны?

— Нѣтъ никуда.

— И прекрасно! поѣдемте-ка въ Новотроицкій, хорошенько поѣдимъ, выпьемъ бутылочку шампанскаго, такъ хандра-то, можетъ-быть, съ васъ и соскочитъ.

Пріятели поѣхали.

Часу въ десятомъ вечера къ Мурзанову съѣхалась публика. Пожаловалъ и князь Голѣевъ, и Самбулаевъ, и Иванъ Карловичъ (это впрочемъ была, какъ читатель уже видѣлъ, домашняя птица) съ Широковымъ. Прибылъ и Передряговъ, съ просьбой выручить его изъ бѣды, дать въ займы шестьдесятъ тысячъ.

Явилось и еще много другихъ любителей сильныхъ ощущеній.

Домъ былъ великолѣпно освѣщенъ, но съ улицы этого замѣтно не было, потому что окна тщательно были закрыты ставнями и сторами. Швейцару отданъ былъ списокъ гостей, которыхъ принимать и которымъ отказывать.

Столы въ залѣ были раскинуты ; въ одномъ углу, для бо̀льшаго удобства, нѣсколько столовъ были сдвинуты вмѣстѣ, тутъ предсѣдательствовалъ Андрей Андреевичъ и металъ банкъ. (Миловъ не любилъ терять даромъ драгоцѣнное время.)

Въ буфетѣ, смежномъ съ залой (Андрей Андреевичъ называлъ буфетъ комнатой горячительной, возбуждающей, а игорную залу — прохладительной), разставлены были дорогіе, рѣдкіе фрукты, завертывалось во льду шампанское, подогрѣвался лафитъ ; французъ-поваръ хлопоталъ на кухнѣ о кушаньѣ. Ничего не было забыто ; и немудрено : хозяинъ былъ такой гостепріимный!

Игра началась, но не крупная, не большая, то-есть не большая для Алексѣя Степановича, а въ сущности и не малая, потому что князь черезъ полчаса не досчитывался десяти тысячъ

ремонтной суммы; Широковъ тоже успѣлъ спустить тысячи три.

Ждали Хруновича. Онъ явился часовъ въ одиннадцать.

— Я думалъ, что вы не будете, сказалъ Мурзановъ, протягивая гостю руку.

— По-нашему, по-питерски, еще не поздно, отвѣчалъ гость, и послѣ краткаго и незначащаго разговора спросилъ:

— Что жь, Алексѣй Степановичъ, бьете или нѣтъ на сто двадцать?

— Слишкомъ кушъ великъ, Михайло Михайловичъ, поставьте поменьше.

— Меньше ни одной копѣйки не поставлю.

— А какъ великъ? вмѣшался Андрей Андреевичъ, какъ-будто не слыхавъ.

— Развѣ въ долю хочешь? спросилъ Мурзановъ, пытливо смотря на Милова.

— Отчего же и не такъ; но все-таки желаю знать прежде, великъ ли кушъ?

— Отъ шестидесяти на сто двадцать, отвѣчалъ Хруновичъ, всматриваясь пристально въ Милова, и обратясь къ хозяину тихонько спросилъ: что̀ это за чудакъ? я его прежде у васъ, кажется, не встрѣчалъ.

— Изъ пріѣзжихъ, степнякъ, шепнулъ Алек-

сѣй Степановичъ: — я съ нимъ и самъ знакомъ только съ прошлой зимы; а денежки водятся.

Но Хруновичъ былъ травленый волкъ, и словамъ Мурзанова повѣрилъ не вполнѣ.

— Ну что жь, идете въ долю?

— Въ третью часть такъ и быть иду, была не была, куда кривая не вывезетъ, произнесъ Андрей Андреевичъ, нѣсколько подумавши, и успѣлъ въ это время сдѣлать вольтъ.

— Хорошо, сказалъ Мурзановъ: — а лучше кабы въ половину.

— Нѣтъ въ половину не пойду, не рука, — вчера спустилъ много.

Хруновичъ подошелъ къ столу. Играющіе дали ему мѣсто, какъ первенствующему; а Миловъ, обратясь къ остальнымъ понтерамъ, сказалъ:

— Господа! позвольте васъ просить эту талію повременить немного, не ставить, потому что карта слишкомъ велика, пожалуй собьешься, да талію *фосъ* сдѣлаешь.

Всѣ согласились безпрекословно, кромѣ одного почтеннаго отца семейства, проигрывавшаго послѣднюю деревню.

— Отчего же это не понтировать? возразилъ

онъ: — кажется, деньги у насъ не собственнаго изобрѣтенія, а тоже государственныя.

— Въ такомъ случаѣ я бастую, сказалъ Андрей Андреевичъ, — и мечу противъ одного Михаи̂ла Михайловича.

Всѣ озлобились противъ отца семейства и разомъ заговорили: — Вотъ еще важность какая, не можете подождать двухъ минутъ, еще успѣете проиграться.

Дѣлать было нечего, почтенный мужъ согласился.

Ратоборцевъ окружили со всѣхъ сторонъ, какъ окружаютъ англійскихъ пѣтуховъ, посаженныхъ въ ширмы для боя.

Всѣ удвоили вниманіе; кто протиралъ очки, кто глаза; малорослые вытягивались, ставъ на цыпочкахъ.

Войдя въ залы клуба, почти безошибочно можно знать, гдѣ идетъ большая игра: тамъ всегда находится куча зрителей, по большей части не участвующихъ въ игрѣ.

Что̀ влечетъ ихъ? Какія пружины ими двигаютъ? спрашивалъ я себя часто: — вѣдь денегъ имъ не дадутъ, они не въ долѣ, а игра сама по себѣ, напримѣръ хоть *палки*, вовсе не занимательна, игра не хитрая, не коммер-

ческая, не требующая размышленій, соображенія, памяти. Видно человѣкъ устроенъ такъ, что его затрогиваетъ и интересуетъ все чрезвычайное, выходящее изъ обыкновеннаго ряда вещей, — будь оно глупо или умно. Или въ немъ дѣйствительно находится злой, враждебный духъ, который ищетъ себѣ пищи, алчетъ насладиться злополучіемъ другаго. Посмотрите, съ какою радостью многіе изъ смертныхъ торопятся сообщить какую-нибудь непріятную новость. Всѣхъ людей можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на три категоріи: а) на любящихъ вообще новости (эта корпорація самая многочисленная), b) на охотниковъ сообщать непріятныя новости (здѣсь исключенія рѣдки), и с) на любителей разсказать пріятную новость (этихъ меньше двухъ первыхъ классовъ, и притомъ еще многіе изъ этой послѣдней категоріи охотники до сочиненій: это конечно для красоты слога). «Слышали вы, говоритъ, положимъ, хоть Петръ Николаевичъ: — слышали, что Софронъ Макаровичъ умираетъ? Вчера ужь масломъ соборовали. Плохо бѣдняку, куча дѣтей и больная жена!» Или: «Скажите, какое несчастіе постигло Кузьму Ивановича! у него все гумно сгорѣло, ни единаго снопа не успѣли спасти; а у Марьи

Карловны старшаго сына отдали въ солдаты, что̀ въ корпусѣ былъ.» Разкащикъ вовсе не золъ, и вовсе никакого участія не принимаетъ въ пострадавшихъ, не рѣдко даже и въ глаза ихъ не видывалъ; а такъ, ему это просто доставляетъ удовольствіе, пріятно, въ нѣкоторомъ родѣ, разсказать новость и притомъ новость поражающую. Да, именно въ человѣкѣ бываетъ злой духъ!..

Мнѣ случилось однажды въ половодье проѣзжать по Каменному Мосту въ Москвѣ. Народу, когда идетъ ледъ, всегда около рѣки много, но на этотъ разъ стеченіе публики было необычайное. «Что̀ бы это значило?» подумалъ я, пробираясь къ барьеру. Причина объяснилась скоро. Отъ Крымскаго Брода несло огромную льдину, на которой находилось четыре человѣка, какъ послѣ узнали, ледоколовъ. Положеніе незавидное! Несчастныхъ тащило къ Каменному Мосту, и имъ предстояло два выхода: или льдина пройдетъ въ ворота, и тогда люди могутъ быть съ нея сняты, потому что по другую сторону моста рѣка отъ льда довольно очистилась, и по ней разъѣзжали лодки, владѣльцы которыхъ въ это время занимаются обыкновенно ловлей бревенъ, несущихся по

водѣ; или: *икра* ударится въ *быкъ*, разлетится на сотни осколковъ, и тогда спасеніе едва ли было бы возможно. Разстояніе уменьшалось и уменьшалось, а какъ теченіе къ мосту усиливалось, то льдина неслась быстрѣй и быстрѣй; находившіеся на ней стояли на колѣняхъ и молились; но ни одинъ изъ четверыхъ не предавался, повидимому, отчаянію. Когда льдина была недалеко уже отъ моста, то у всѣхъ зрителей захватило дыханіе; воцарилась тишина; всѣ сняли шапки, начали креститься и творить молитвы, кто мысленно, кто вслухъ. Зацѣпившись угломъ за *быкъ*, икра перевернулась, проскочила сквозь ворота, и выплывъ на другую сторону невредимая, понеслась тихо и плавно по рѣкѣ. Подъѣхавшіе рыбаки сняли несчастныхъ, и народъ, перекрестившись вздохнулъ свободно. Но я убѣжденъ, что въ числѣ зрителей были и такіе, которые желали бы посмотрѣть на катастрофу другаго рода, чтобъ потомъ тоже перекреститься и въ утѣшеніе себѣ прибавить: «что жь, вѣдь мы не виноваты въ этомъ!» Таковъ человѣкъ!

Въ другой разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ страшной, потрясающей сцены, и хотя это было давно, но она, глубоко врѣзавшись

въ мою память, живо представляется по временамъ и теперь. Сцена эта была открытая, публичная, всенародная исповѣдь. Вотъ какъ это случилось. Я гостилъ въ деревнѣ у одного моего знакомаго. Ночью, неизвѣстно отъ какой причины, загорѣлась кухня, къ которой прилегалъ анбаръ, раздѣленный на двѣ половины капитальною стѣною изъ бревенъ (сторона была лѣсная). Прилегающая къ кухнѣ часть анбара тоже занялась, какъ говорится, во мгновеніе ѳка, а въ ней на этотъ разъ, спасаясь отъ мухъ, по случаю жаркихъ дней, расположился ночлегомъ одинъ пріѣхавшій сосѣдъ.

Анбаръ былъ пустой ; но сторожъ проходя мимо, и не подозрѣвая, что тамъ кто-нибудь есть, изъ усердія или отъ нечего дѣлать, наложилъ дверную цѣпь, замкнулъ ее висѣвшимъ тутъ же замкомъ и заснулъ.

Когда дворъ освѣтился пламенемъ пожара, какъ водится, поднялись шумъ, гвалтъ, бѣготня, крикъ, вопль, плачъ... Каждый спасалъ, чтó попадалось первое подъ руку, не разбирая, годное или негодное. О вещахъ цѣнныхъ въ подобныя минуты забывается. Не знаю, стоилъ ли чего или ничего не стоилъ помѣщикъ, спавшій въ анбарѣ ; но дѣло въ томъ, что въ

первое время о немъ забыли, и вспомнили тогда, когда къ его опочивальнѣ не было никакой возможности подступиться, потому что сильный, порывистый и противный вѣтеръ, бросалъ пламя, не допускавшее подойдти къ анбару сажень на шесть, на семь.

Принесли бревно; попробовали его бросить въ дверь, думая этимъ маневромъ ее вышибить. Но попытка послѣ несчетныхъ повтореній была оставлена, потому что разстояніе было слишкомъ велико.

Огонь и вѣтеръ усиливались. Находившійся въ анбарѣ господинъ сначала сильно сердился, кричалъ, бранился, стучалъ, старался выломать дверь; но всѣ усилія были тщетны. Видя, что отъ всего этого результатъ выходилъ плохой, и сознавъ, вѣроятно, опасность, бѣднякъ началъ плакать, рыдать, молить о помощи; началъ давать обѣты, клялся посвятить свою жизнь Богу, говорилъ, что если спасется, то пойдетъ въ монастырь, сходитъ пѣшкомъ въ Іерусалимъ, раздастъ имѣніе бѣднымъ, неимущимъ, отпуститъ крестьянъ на волю, позволитъ какой-то Акулинѣ, которая за любовь къ повару и невниманіе къ барину сослана была въ то время

на скотный дворъ, выйдти замужъ за Андрюшку...

Вспомнили наконецъ о другой половинѣ анбара, и какъ дверь въ нее находилась съ боку, то войдти въ эту половину было еще возможно. Принялись вырубать въ три, четыре топора стѣну. Но работа отъ безпорядка, замѣшательства, торопливости и плохихъ топоровъ не спорилась.

Хозяинъ дома, предугадывая трагическую развязку, послалъ въ село, находившееся въ верстѣ отъ его имѣнія, за священникомъ.

Священникъ вскорѣ прибылъ въ облаченіи и съ запасными дарами.

Несчастному объявили о его опасномъ положеніи, не лишая, впрочемъ, совсѣмъ надежды, и предложили, не желаетъ ли онъ, на всякій случай, исповѣдаться, потому что, сказали ему, священникъ пріѣхалъ на пожаръ.

Долго колебался бѣднякъ и не соглашался, желая, вѣроятно, отдалить мысль страшной смерти и питая еще надежду на спасеніе.

Наконецъ, послѣ убѣжденій хозяина и священника, онъ рѣшился на исповѣдь. Она началась черезъ стѣну, которую между тѣмъ рубили и рубили, слѣдовательно, свидѣтелей по-

каянія было довольно. Притомъ же говорить черезъ толстыя бревна и при стукѣ нѣсколькихъ топоровъ надо было громко.

Я стоялъ не далеко отъ наружныхъ дверей, на дворѣ, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, страхѣ, и почти ничего не слыхалъ; меня била лихорадка. Помню только послѣднія слова страдальца, произнесенныя слишкомъ уже громко и отчаяннымъ голосомъ.

— Батюшка! отецъ мой! я не исполнялъ самой важной, самой святой заповѣди Спасителя: «возлюби ближняго твоего, какъ самъ себя.» Я любилъ только, отецъ мой...

— Спасайся! выходи вонъ! раздался крикъ со двора. Всѣ находившіеся въ анбарѣ въ одну секунду выскочили, въ числѣ ихъ и священникъ, и вслѣдъ за этимъ обгорѣлыя стропилы и потолокъ съ громомъ рухнулись. Послышался пронзительный, раздирающій душу крикъ; къ небу взвился столбъ пламени, искръ и дыму. Всѣ предстоявшіе окаменѣли отъ ужаса, лишь мѣстами слышалось: «Господи! спаси и помилуй насъ!..»

Сколько, я думаю, нашлось бы аматеровъ, чтобъ взглянуть на подобную драму? Бѣгаютъ же... Но довольно: прошу у читателя

извиненія за отступленіе и возвращаюсь къ разсказу, прерванному этими тяжелыми воспоминаніями.

Противники усѣлись другъ противъ друга.

— Не угодно ли? сказалъ Андрей Андреевичъ, распечатавъ одну колоду и подавая другую Хруновичу.

— Благодарю; у меня свои есть, очередь еще не сошла.

— А вы на очередь изволите играть? спросилъ Андрей Андреевичъ самымъ невиннымъ голосомъ.

— Да, на очередь.

— Это, по моему мнѣнію, лучшая метода; по крайней мѣрѣ раскаянія нѣтъ, не то что на резонъ, какъ играютъ многіе, глубокомысленно замѣтилъ Миловъ, тасуя карты и положивъ на столъ для съемки.

Хруновичъ снялъ и не спускалъ глазъ съ рукъ Андрея Андреевича, когда тотъ складывалъ карты, но ничего не замѣтилъ, что бы могло подать хоть поводъ къ подозрѣнію, что Миловъ шулеръ.

Андрей Андреевичъ въ свою очередь возрился, какъ ястребъ на добычу, въ понтерки, которыя Хруновичъ вынулъ изъ боковаго кармана,

и на лицѣ Милова блеснула, мгновенная, незамѣтная почти улыбка.

Алексѣй Степановичъ находился тутъ же, и тоже внимательно слѣдилъ за движеніемъ рукъ Милова, но онѣ, сверхъ ожиданія Мурзанова, оставались въ совершенномъ спокойствіи, и въ головѣ Алексѣя Степановича блеснула безпокойная мысль: «ужь не вздумалъ ли продать меня эта ракалія? Вотъ будетъ штука».

— Мечите! сказалъ Хруновичъ, перегнувъ карту и положивъ ее на столъ.

Андрей Андреевичъ прокинулъ абцугъ, направо положилъ темную, а налѣво вскрылъ девятку.

— Дана! невольно воскликнулъ Хруновичъ.

Алексѣй Степановичъ поблѣднѣлъ.

— Пліэ-съ, очень скромно и хладнокровно сказалъ Андрей Андреевичъ, вскрывъ и на правой сторонѣ девятку же.

— Талія сошла, добавилъ онъ, смѣшавъ карты и бросая ихъ подъ столъ, гдѣ ихъ были навалены уже груды. — А за вами, почтеннѣйшій Михайло Михайловичъ, мы будемъ имѣть удовольствіе записать тридцать тысячъ. Прикажете?

— Записывать не нужно, отвѣчалъ сконфу-

женный Михайло Михайловичъ: — вотъ деньги, сочтите.

— Какъ вамъ угодно. Господа, кто желаетъ продолжать? милости прошу! сказалъ Миловъ, обратясь къ зрителямъ и пересчитывая банковые билеты, поданные ему Хруновичемъ.

Игра завязалась общая. Андрей Андреевичъ металъ, хотя и на чистоту, безъ штукъ (онѣ при Хруновичѣ были неумѣстны), но металъ необыкновенно счастливо, былъ въ страшномъ духѣ, и отпускалъ шуточки. Если, напримѣръ, дама упадала на лѣвую сторону и кому-нибудь выигрывала, то Андрей Андреевичъ говорилъ: — «къ дамамъ должно имѣть уваженіе»; если же падала направо, то: — «мы и мамзелямъ спуску не даемъ, а вотъ и валентину (т. е. валету) прекрасному нахлобучка». — «Ваша пойдетъ съ однимъ угломъ.» — Какъ? — «Да, такъ-съ: — она шла на шесть, я положилъ пліэ-съ, стало и пойдетъ *parle sans*... какъ это *sans perdre*... что ли?» — Вотъ и тузу щелчокъ, сымите-ка его со стола-то и т. п.

Хруновичъ спустилъ остальныя тридцать тысячъ, выигранныя наканунѣ, добавилъ три или четыре своихъ и уѣхалъ.

Миловъ продолжалъ метать, понтеры горячи-

лись, а хозяинъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, сказавъ, что у него сильно разболѣлась голова. Но агенты Алексѣя Степановича ревностно слѣдили за ходомъ игры и безпрестанно бѣгали къ нему съ донесеніями.

Пробилъ часъ по-полуночи.

Нѣкоторые игроки отстали, другіе продолжали понтировать, хотя бумажники ихъ видимо тощали и тощали.

— Баста! сказалъ Андрей Андреевичъ, кончивъ талію, въ которую Широковъ поставилъ послѣднюю сотенную, и взглянувъ на пришедшаго только-что изъ кабинета Ивана Карловича: — баста! Игра на нынѣшній день прекращается. Пойдти *пропустить*, чай ужь чижикъ ѣдетъ въ лодочкѣ; скоро, я думаю, и поужинать дадутъ.

Слова эти обдали всѣхъ, какъ варомъ, но дѣлать было нечего; непреклонность характера Милова всѣмъ была извѣстна.

Гости стали разъѣзжаться нѣкоторые остались ужинать. Андрей Андреевичъ, собравши деньги, отправился въ кабинетъ къ хозяину, сказавъ, что идетъ для разсчета.

— Ну, спасибо, спасибо, Андрей! Нынѣшній вечерокъ потѣшилъ, сказалъ Мурзановъ, пе-

ресчитывая принесенную сумму: — на вотъ и тебѣ... Только скажи мнѣ, пожалуста, навѣрное ты убилъ девятку у Хруновича?

— Навѣрное, отвѣчалъ Миловъ.

— Да какимъ же это манеромъ могъ ты положить пліэ? я смотрѣлъ въ оба, Михайло Михайловичъ тоже, но ничего не замѣтилъ.

— Что жь за мудрость была положить пліэ, когда во всей колодѣ, кромѣ девятокъ, другихъ и картъ не было. Я еще вчера вечеромъ заѣзжалъ къ Ивану Спиридоновичу сказать, чтобъ онъ приготовилъ тридцать такихъ колодъ, то-есть, на каждую карту.

Мурзановъ подхватилъ бока и захохоталъ какъ сумашедшій.

— Какъ же ты узналъ, что на очереди девятка, а не другая какая карта?

— Посредствомъ вашей вчерашней двухсотенной бумажки, черезъ камердинера Михайла Михайловича.

— Эки канальи! за грошъ продадутъ, замѣтилъ Мурзановъ.

— А очередь, продолжалъ Андрей Андреевичъ, узнать тоже было не трудно: она была снизу колоды, потому что верхнія карты были

ломаныя, и самая первая изъ нихъ тройка, на которую Швенкель далъ шестьдесятъ тысячъ.

— Ну кабы эта штука открылась?

— Это какъ же? я нарочно и попросилъ остальныхъ понтеровъ въ эту талію не играть, для того, чтобъ на столѣ одна карта была.

— А еслибъ упали по обѣ стороны девятки одной масти, тогда что̀?

— И этого быть не могло, потому что на углахъ картъ, для означенія ихъ масти, было по незамѣтной крапинкѣ. Я для этого сегодня самыя сильныя очки надѣлъ. И въ такомъ случаѣ ужь рѣшился бы передернуть.

— Ну, Андрей, нечего сказать, дока ты! я себѣ представить не могу, чтобъ такой игрокъ, какъ Михайло Михайловичъ, попался на такую глупую, пустѣйшую штуку.

— Что̀ просто, то всегда кажется мудрено, замѣтилъ Миловъ философскимъ тономъ и въ тоже время подумалъ: погоди, я еще тебѣ не такую покажу штуку...

— Пятьдесятъ двѣ девятки, пятьдесятъ двѣ въ одной колодѣ, проговорилъ Алексѣй Степановичъ, и опять принялся хохотать, и хохоталъ до колотьевъ.

Не смѣялся въ это время Сергѣй Петровичъ

Широковъ. Онъ вышелъ, или, лучше сказать, выскочилъ изъ дома Алексѣя Степановича, блѣдный, сконфуженный, осунувшійся. Его можно было принять за бѣжавшаго изъ дома умалишенныхъ, или за только-что выпущеннаго изъ лазарета, гдѣ онъ мѣсяца три пролежалъ въ тифозной горячкѣ. Сергѣй Петровичъ чувствовалъ какую-то двухъ-этажную лихорадку: голова была въ огнѣ, а туловище въ морозѣ; онъ дрожалъ, а съ лица его, несмотря на двадцати-градусный морозъ, катился потъ. Всѣ предметы казались ему какъ бы въ туманѣ. Проходившій въ это время мимо его квартальный представлялся ему пиковымъ валетомъ, и онъ ругнулъ квартальнаго; блеснувшее созвѣздіе Большой Медвѣдицы принялъ за червонную семерку и подумалъ: вотъ хорошо бы перегнуть на *пе*. Широковъ сѣлъ въ сани и приказалъ вести себя домой.

Какъ однакожь, подумалъ онъ, счастливо металъ Андрей Андреевичъ! отъ чего бы это? Иванъ Карловичъ просадилъ вчерашній свой выигрышъ весь до-чиста и пять тысячъ остался долженъ. Почему я не остался долженъ?.. Еще бы!.. Я не Иванъ Карловичъ какой-нибудь, я человѣкъ честный, благородный,

играю на чистыя, да — на чистыя играю, а не на мѣлокъ. Желалъ бы я однако знать, сколько помѣстится двухсотенныхъ или, пожалуй, хоть сотенныхъ въ портфель Андрея Андреевича? я думаю тысячъ на двѣсти войдетъ. Поставь я давеча валета; только валета, разбойника, поставь на двѣнадцать кушей отъ 1,500 руб., а не двойку — было бы лихо! Это составило бы осьмнадцать тысячъ; въ слѣдующую талію дана была тройка, слѣдовательно тридцать шесть, да своихъ оставалось четыре, и того сорокъ. Тридцать въ Опекунскій, двѣ Варварѣ Александровнѣ, восемь въ остаткѣ: вотъ прелесть-то! Завтра угостилъ бы я Ивана Карловича и Костю Лемохина въ Новотроицкомъ трактирѣ ухой изъ живыхъ стерлядей, кулебякой съ свѣжею икрой и жаренымъ поросенкомъ. Хорошо, чортъ возьми, подаютъ поросятъ въ Новотроицкомъ: корочка такъ и хруститъ. Стоило бы это съ виномъ, я думаю, рублей сто, не больше; эка важность удѣлить отъ осьмнадцати-то тысячъ! Недурно послѣ и къ цыганкамъ заѣхать; ужь кутить, такъ кутить! Славно Танюша поетъ эту... какъ-бишь ее?.. да! «вспомни, вспомни моя любезная!» — И Широковъ запѣлъ. — По моему мнѣнію,

продолжалъ думать Сергѣй Петровичъ, Соня не можетъ быть счастлива съ Ульяновымъ; онъ, мнѣ кажется... да чего тутъ кажется, просто дрянь! сквалыжникъ! Понравился сестрѣ потому, что она лучше никого тамъ въ степи не встрѣчала, а маменькѣ за то, что солидный, видите, человѣкъ. Съ матушкой, я полагаю, удара быть не можетъ, она не короткошея... Такъ предметы и мысли мѣнялись въ головѣ Широкова. А опекунскій совѣтъ, Иванъ Карловичъ, Андрей Андреевичъ, Мурзановъ и аукціонистъ съ молоткомъ въ рукахъ и съ послѣдней, для многихъ страшною фразой: «за вами осталось», какъ грозныя тѣни носились въ воображеніи Сергѣя Петровича и прерывали веселыя и невеселыя думы его. Тѣни эти давили его, какъ кошмаръ, какъ гробовая крыша. — «Что жь? умирать, такъ умирать!.. Умереть — уснуть, уснуть не болѣе, сказалъ Шекспиръ, а ему можно, кажется, повѣрить. Заряжѣ ружье, двойнымъ, разумѣется, зарядомъ, и бацъ. Только мозгъ брызнетъ... Но каковъ этотъ моментъ? Кто можетъ сказать, каковъ онъ?» И Сергѣю Петровичу начали представляться послѣднія страданія, мучительныя, ужасныя, невыносимыя... — Можетъ-быть, думалъ

онъ, боль эта продлится долго, очень долго, до тѣхъ поръ, пока не разложатся на первоначальные элементы азотъ, кислородъ, — а можетъ-быть даже цѣлую вѣчность! И кто знаетъ, кто можетъ убѣдить меня, что съ смертью кончится все земное, кто поручится, что каждая частица меня не будетъ слышать, видѣть, чувствовать!.. Боже! Боже!.. Еслибъ я не послушалъ этого демона Ивана Карловича и внесъ хоть оставшіяся пятнадцать тысячъ, имѣніе не продали бы; опекунскій совѣтъ, говорятъ, снисходителенъ; остальныя деньги какъ-нибудь выплатились бы, я бы могъ отказаться отъ своей части имѣнія въ пользу сестеръ и брата, одинъ былъ бы наказанъ, а теперь, теперь!.. Широковъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

Странно покажется иному читателю, что человѣкъ, бывшій въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ былъ Широковъ, могъ мечтать о пустякахъ. Дѣйствительно странно, но большею частію такъ бываетъ. Взгляните на умирающаго, онъ менѣе другихъ думаетъ о смерти, и болѣе окружающихъ его надѣется на выздоровленіе. Преступникъ на эшафотѣ, подъ занесенною уже сѣкирой палача, все еще надѣется: «вотъ, думаетъ онъ, сей-часъ будетъ

землетрясеніе или наводненіе; вотъ сію секунду прискачетъ отъ короля посланный съ помилованіемъ и т. п.» Глупо! а на дѣлѣ такъ. Да и вообще, въ жизни мы все на что̀-то надѣемся и ждемъ, ждемъ и надѣемся... «И всѣхъ *насъ* гробъ, зѣвая ждетъ!»

Широковъ пріѣхалъ домой. Савельичъ, старый камердинеръ, преданный безгранично своему барину, испугался, встрѣтивъ его.

— Батюшка! Сергѣй Петровичъ, что̀ съ вами?

— Ничего, Савельичъ, ничего; ступай съ Богомъ, ложись спать.

— Да какъ ничего, на васъ лица нѣтъ; вы, кормилецъ, нездоровы. Охъ ужь мнѣ эти танцы! распотѣютъ да потомъ холодной воды давай, или мороженаго.

— О какихъ танцахъ болтаешь ты? спросилъ Широковъ.

— Да какъ же, батюшка! давеча Антонъ приходилъ отъ Горюновыхъ, только-что вы уѣхали, на вечеръ звать; нынче барышни Ольги Петровны рожденье, я и думалъ, что вы тамъ.

Широковъ схватился за голову, подумавъ: «хорошъ! и поздравить забылъ.»

— Не сдѣлать ли для васъ тепленькаго, сударь, мятки, или липоваго цвѣта?

— Ничего не нужно; ступай спать; раздѣнусь я самъ, мнѣ еще писать много надо.

Старикъ, поставивъ на столъ свѣчу, грустно удалился, бормоча: охъ молодежь, молодежь!

Оставшись одинъ, Сергѣй Петровичъ принялся писать къ матери письмо.

Письмо было кончено и запечатано.

Широковъ сидѣлъ въ какомъ-то томительномъ, тяжеломъ, страшномъ забытьи; передъ нимъ проносились картины прошлаго, мелькнули золотые дни дѣтства. Вотъ видитъ онъ себя ребенкомъ, играющимъ на роскошномъ зеленомъ лугу, съ миленькою сестрицей, и старая няня тутъ же сидитъ съ очками на носу и вяжетъ чулокъ; надъ головой голубое небо, перламутровыя облака, горячее солнышко. Не далеко журчитъ ручей свѣтлой и холодной воды, шумитъ березовая роща, и въ ней щебечутъ веселыя Божьи созданія. За рощей тянется обширное болото, гдѣ держится много длинноносыхъ дупелей и бекасовъ, которыхъ онъ потомъ стрѣлялъ, пріѣзжая на каникулы. Вотъ прыгаетъ проворная бѣлка, пробѣгаетъ заяцъ. — Дѣти! говоритъ старуха няня: — пора

домой, ужь роса подымается, мамаша чай ждетъ. Потомъ Широковъ вспомнилъ свое университетское житье-бытье, вспомнилъ профессоровъ и ихъ лекціи; товарищей, разговоры и споры съ ними, загородныя прогулки. Явилось передъ нимъ еще видѣніе, стройное, съ голубыми лукавыми глазками, съ малиновымъ ротикомъ, роскошными шелковистыми каштановыми волосами, съ гармоническимъ голосомъ... Ольга, Ольга! прости меня...

У Сергѣя Петровича брызнули слезы; онъ подошелъ къ стѣнѣ, увѣшанной охотничьими снарядами, и снялъ двухствольное ружье.

Лягавая собака, забывъ о зимѣ и думая, что баринъ сбирается на охоту, вскочила съ своей постели, подбѣжала къ нему и виляньемъ хвоста начала изъявлять свою радость.

— Прощай и ты, мой вѣрный товарищъ! подумалъ Широковъ, взглянувъ на собаку.

Въ это время на лѣстницѣ, которая вела въ квартиру Широкова, послышались чьи-то тяжелые шаги...

III.

— Вы, Сергѣй Петровичъ, вѣрно на порошу собрались? сказалъ вошедшій господинъ: — а какъ на дворѣ слишкомъ двадцать градусовъ, то чтобъ не озябнуть, и стаканъ съ хересомъ приготовили, или съ ромомъ, что ли? по цвѣту-то не узнаешь. А! и письмецо къ матушкѣ написано, вѣрно прощальное, и начинается должно-быть такъ: не проклинайте, милая маменька, вашего... какъ тутъ? безумнаго или погибшаго сына, такъ что ли?..

Господину, сказавшему это не совсѣмъ-то лестное для хозяина привѣтствіе, было на видъ лѣтъ за шестьдесятъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, при взглядѣ на которыхъ видимъ, что вся жизнь ихъ прошла, какъ ясный майскій день, а старость похожа на теплый румяный вечеръ; вдали для нихъ видится ясная заря, позади не осталось ни одного облачка; вездѣ и всюду чисто и свѣтло. Глядя на такія личности какъ-то отраднѣе становится на душѣ, легче на сердцѣ.

— Я никакъ не ожидалъ, добрый Иванъ Семеновичъ (тотъ самый, который, если читатель

не забылъ, далъ двадцать тысячъ для выкупа имѣнія), никакъ не ожидалъ видѣть васъ у себя, сказалъ совершенно растерявшійся и сконфуженный Широковъ.

— Признаться и я, любезный мой Сергѣй Петровичъ, тоже никакъ не ожидалъ найдти тебя — прости за откровенность, я не умѣю золотить горькія пилюли, — въ такомъ жалкомъ, гадкомъ и скверномъ положеніи.

Широковъ зашевелилъ губами, желая что-то сказать.

— Пожалуста безъ извиненій и безъ запирательствъ, предупредилъ старикъ: — пожалуста безъ запирательствъ; я знаю все, рѣшительно все знаю. Какъ и отъ кого? — это ужь мое дѣло.

Широковъ молчалъ, какъ уличенный преступникъ передъ грознымъ, но правдивымъ судьей.

— Неужели ты думаешь, началъ опять Иванъ Семеновичъ, пристально смотря въ глаза Сергѣю Петровичу, изъ которыхъ готовы были брызнуть слезы, — неужели ты думаешь, что сдѣлавъ неблагородный, низкій, безчестный поступокъ, можно поправить его, дѣлая гадость, противную какъ божескимъ, такъ и человѣческимъ зако-

намъ, противную самой природѣ? Кто-то не упомню, сказалъ, что совершались преступленія для поправленія неловкости, и сказалъ правду; замѣчаніе это отчасти оправдывается теперь на тебѣ.

Широковъ стоялъ безмолвно, поникнувъ головой.

— Ты, конечно, воображаешь, что раскроивъ себѣ голову, сдѣлалъ бы доброе дѣло: успокоилъ бы мать и все любящее тебя семейство; выручилъ бы выстрѣломъ-то всѣхъ изъ бѣды? Или полагалъ только самъ успокоиться, думалъ только о себѣ?

Добрая натура Широкова взяла наконецъ свое: слезы хлынули, какъ говорится, ручьемъ.

— Плачешь, сказалъ Иванъ Семеновичъ, не выдержавъ строгой роли моралиста и прослезившись самъ, — плачешь — это добрый знакъ, значитъ совѣсть еще не совсѣмъ потеряна и есть возможность воротиться на прямую дорогу. А вѣдь и слезы всякія бываютъ. Бываютъ слезы отчаянія, раскаянія, сожалѣнія, горя, радости, зависти, ненависти; есть даже слезы такъ-себѣ, просто отъ привычки. У меня былъ одинъ пріятель; при немъ, бывало, о чемъ хочешь заговори, скажи хоть, что нынче поутру

встрѣтилъ секретаря гражданской палаты на ворономъ орловскомъ жеребцѣ, или совѣтника казенной палаты, питейнаго отдѣленія, на пути съ торговъ, Иванъ Мироновичъ и заплачетъ: ужь такая натура мягкая. Начнетъ, бывало, хлестать своего камердинера старика по щекамъ, а самъ сейчасъ же въ слезы и приговариваетъ: — вотъ до чего я дожилъ, до чего ты, мошенникъ, довелъ, что я на старости лѣтъ тебя, собаку, колотить долженъ! Проживъ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, пошатавшись довольно по свѣту, повертѣвшись въ разныхъ слояхъ общества, пробывъ шесть лѣтъ судьей, а потомъ столько же предсѣдателемъ въ уголовной палатѣ нашей губерніи, я въ мою жизнь понасмотрѣлся кое на что̀. Однако, я все-таки, Сергѣй, долженъ тебѣ сказать еще очень и очень многое. О томъ, что деньги внесены въ совѣтъ, говорить не сто̀итъ, — это дѣло уже конченное. Стало-быть имѣнье съ молотка не продадутъ, и ружье свое ты можешь повѣсить на стѣнку до будущихъ подвиговъ, то-есть до Петрова дня. Но ты долженъ знать, вопервыхъ, какія деньги я внесъ за твой, извини, безразсудный и безчестный проигрышъ; это необходимо, чтобъ показать тебѣ, какъ иногда

проступокъ одного человѣка вовлекаетъ и другихъ въ дѣла, противныя совѣсти. Банкрутство самый рѣзкій примѣръ былъ бы для развитія этой темы; но мы оставимъ банкрутство въ сторонѣ. Вовторыхъ, тебѣ нужно также знать, почему я рѣшился вторично заплатить въ опекунскій совѣтъ деньги, на которыя, по совѣсти, не имѣю никакого права.

«Слушай же! Начну со втораго, то-есть, почему я заплатилъ за тебя. Съ покойнымъ отцомъ твоимъ мы были всегда пріятели, пріятели не на словахъ, а на дѣлѣ. Вмѣстѣ росли, учились, шалили и служили; однимъ словомъ, что̀ называется, жили душа въ душу. Онъ даже и умеръ на моихъ рукахъ. Я любилъ его, какъ только можетъ любить братъ брата. Отецъ твой платилъ мнѣ тѣмъ же. По выходѣ изъ университета, мы поступили въ ......ій полкъ. Полковой командиръ былъ у насъ человѣкъ отличный, честный, благородный; всѣ его любили. Общество офицеровъ въ нашемъ полку было хорошее и, что̀ большая рѣдкость, довольно образованное. Жили мы всѣ вообще дружно и весело. Вдругъ изъ Петербурга, изъ гвардіи, перевели къ намъ въ полкъ князя Раструбаева, большаго фанфарона и озорника;

князь принадлежалъ къ числу тѣхъ молодцовъ, которые, пріѣзжая въ провинцію, ко всякому почти слову, кстати и не кстати, прибавляютъ пошлую фразу: у насъ въ Петербургѣ не такъ, или: мы петербургскіе вотъ какъ. Много такихъ шалапаевъ и пустозвоновъ встрѣчается на бѣломъ свѣтѣ, какъ изъ военныхъ, такъ и изъ статскихъ. Статскіе при этомъ любятъ обыкновенно еще чѣмъ-нибудь щегольнуть, красными, напримѣръ, чулками, брелоками, обѣдомъ для пріятелей, цѣлковыхъ въ пятьсотъ, шестьсотъ и т. п. А глядишь, на брелоки-то или на обѣдъ пошелъ оброкъ душъ съ тридцати или сорока: и экономно, и похвально!.. Да, много есть на бѣломъ свѣтѣ подобныхъ господъ: когда-то они повыведутся на святой Руси! Все бы это еще ничего; но дѣло въ томъ, что кромѣ пустаго самохвальства и самоувѣренности, Богъ знаетъ на чемъ основанныхъ, князь былъ высокомѣренъ и до крайности дерзокъ. Разумѣется, общество офицеровъ не взлюбило вновь-прибывшаго, каждый держалъ себя отъ него какъ можно подалѣе, старался быть осторожнымъ. А князь принялъ это совершенно въ другую сторону, подумалъ, что всѣ питаютъ невольное уваженіе къ его титулу и связямъ.

«Разъ всѣ мы, офицеры, были приглашены на именинный пирогъ къ одному старшему ротмистру, котораго, несмотря на то, что онъ былъ изъ Нѣмцевъ, всѣ мы любили и уважали. Князь тоже былъ въ числѣ приглашенныхъ, но явился на завтракъ позднѣе всѣхъ, въ сюртукѣ, на распашку, и съ лягавою собакой, то-есть сдѣлалъ два невѣжества — передъ именинникомъ и передъ товарищами, которые, изъ уваженія къ старшему товарищу, были въ мундирахъ. Во время завтрака, мой человѣкъ, позванный именинникомъ для прислугъ, подавая кушанье, наступилъ какъ-то нечаянно на ногу или на хвостъ княжеской собаки. Собака визгнула, а князь вскочилъ, и забывъ всякое приличіе, началъ ругать моего человѣка свиньей, скотиной и т. п. Ну, думаю, не важность; это просто одна привычка; многіе изъ нихъ людей скотами величаютъ. Только дѣло этимъ не кончилось; князь, замѣтивъ на многихъ лицахъ улыбку и принявъ ее за одобреніе или оскорбленіе, схватилъ стоявшій на окнѣ толстый черешневый чубукъ и принялся имъ колотить моего человѣка. Всѣ, начиная съ хозяина, выскочили изъ-за стола и остановили безумца. Я, естественно, былъ взбѣшенъ до крайности,

къ тому же былъ еще тогда очень молодъ, кровь волновалась не такъ, какъ теперь; я принялъ поступокъ князя за личное оскорбленіе и наговорилъ ему много колкаго и обиднаго. Онъ, разумѣется, отвѣчалъ мнѣ дерзостью. Кончилось тѣмъ, что рѣшено было на другой день драться. Я никогда, даже въ молодости, не терпѣлъ дуэлей, хоть на нихъ тогда была мода, но вызовъ былъ сдѣланъ не мной, и отказаться не было никакой возможности, помириться — еще менѣе. Отецъ твой, величайшая флегма, какихъ я только встрѣчалъ, во время всей этой суматохи, не сказалъ ни слова, и когда я, естественно, обратился къ нему, какъ къ другу, прося быть моимъ секундантомъ, отвѣчалъ: «хорошо, хорошо, все устрою, а ты ступай лучше теперь домой, успокойся да напиши-ка письмо къ твоей старушкѣ, — не ровенъ часъ.» Надо тебѣ замѣтить, что у меня въ то время была еще жива старуха мать, любившая меня безъ памяти, а отецъ твой былъ на бѣломъ свѣтѣ одинъ-одинешенекъ, какъ перстъ. Слова твоего отца имѣли для меня глубокое значеніе; но я ихъ тогда не понялъ и вспомнилъ только на слѣдующее утро. Не стану говорить, какъ провелъ я ночь

наканунѣ дня, въ который, по словамъ Гамлета, должно было рѣшиться: «быть, или не быть?» Трусомъ я не былъ никогда; но откровенно сознаюсь, что умирать мнѣ крѣпко не хотѣлось. Больше же всего тревожила меня старушка моя; я былъ твердо увѣренъ, что смерть сына положитъ въ гробъ и мать. На другой день поутру, собравшись, отправился я на квартиру твоего отца, но не засталъ его дома. Камердинеръ объявилъ, что онъ уѣхалъ съ часъ уже, и велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ я прямо ѣхалъ на условленное мѣсто. Я отправился; но прибывъ на мѣсто, верстахъ въ трехъ отъ города, нашелъ, что все дѣло было уже кончено. Полковой хирургъ перевязывалъ твоему отцу прострѣленную руку; секунданты укладывали въ ящикъ лепажевскіе пистолеты, а князя въ карету. Ему не нужна уже была помощь медика, потому что пуля прошла навылетъ сквозь сердце. Я взглянулъ на моего друга съ упрекомъ и со слезами благодарности. «У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, а у тебя есть мать, которую надо и поберечь!» сказалъ онъ. Тогда мнѣ стали понятны слова, сказанныя твоимъ отцомъ наканунѣ. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались и полюбили другъ друга, если

только это возможно, еще болѣе. Я далъ себѣ клятву, ежели только представится случай, заплатить твоему отцу хоть немного за его благородный, истинно-пріятельскій поступокъ; но до сихъ поръ былъ у него въ долгу, потому что деньги, которыя иногда давалъ взаймы твоей матери, я не считалъ за одолженіе. Но часъ разсчета и для меня наконецъ насталъ; я могу теперь сказать себѣ, что спасая сына отъ преступленія, а мать отъ тяжкаго, жестокаго горя и, быть-можетъ, даже отъ смерти, я хоть немного поквитался съ моимъ другомъ. Понимаешь ли теперь, любезный мой Сергѣй Петровичъ, почему я не могъ не внести въ совѣтъ проигранныхъ тобою денегъ?

— Благодѣтель! отецъ мой второй! воскликнулъ Широковъ, бросаясь на грудь старика. Но Иванъ Семеновичъ остановилъ этотъ порывъ.

— Пожалуста безъ изліянія нѣжностей, безъ благодарностей; за возвращеніе долга благодарить не стóитъ, да и откровенно тебѣ скажу, мнѣ вообще не нравятся люди, которые слишкомъ нѣжничаютъ. Чтò дѣлать? это ужь капризъ старика. Теперь объясню тебѣ первое, то-есть какія именно были деньги, которыя я запла-

тилъ за тебя, продолжалъ Иванъ Семеновичъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — хотя крѣпко бы мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ предметѣ, потому что я помню русскую пословицу: «ржаная каша сама себя хвалитъ.» Но ты меня на это вынудилъ. Тебѣ извѣстно, началъ старикъ, послѣ минутнаго отдохновенія, — что отецъ мой оставилъ мнѣ послѣ своей смерти двѣсти незаложенныхъ душъ, онѣ и теперь не заложены. Мужички у меня почти всѣ хорошіе, исправные и зажиточные; участь ихъ, въ случаѣ моей смерти, обезпечена. Родныхъ у меня, кажется, нѣтъ, выключая твоего семейства, которое я считаю самою ближнею родней. Оброкъ съ крестьянъ я полагаю самый умѣренный, но съ меня довольно, потому что хоть я привыкъ измала жить чисто и опрятно, ѣсть сытно и вкусно, но роскоши не люблю; да къ тому же мнѣ, старику, теперь нуженъ болѣе всего покой. Послѣ отца мнѣ достался еще небольшой капиталъ, тысячъ съ пятьдесятъ, на ассигнаціи. Больше половины его въ мое управленіе кое-куда истрачено, а остальныя двадцать тысячъ, какъ я уже сказалъ, по совѣсти, мнѣ не принадлежавшія, внесены сегодня по утру въ совѣтъ.

Шиковъ опять было заикнулся о благодарности, но Иванъ Семеновичъ вновь остановилъ его словами:

— Пожалуста оставь! Я вѣдь ужь сказалъ тебѣ, что не терплю нѣжностей; садись и дослушай! я былъ страстный охотникъ съ ружьемъ, въ особенности на крупнаго краснаго звѣря. Жду не дождусь, бывало, когда начнутся пороши, скоро ли дадутъ знать, что обложенъ медвѣдь, или обошли лосей.

Гостилъ я однажды у одного пріятеля въ деревнѣ, въ Калужской губерніи. Сторона тамъ лѣсная, злодѣй-топоръ тогда еще разгуливалъ по лѣсамъ не такъ бойко, какъ нынче, а стало быть и звѣрю было привольнѣе. Пріятель мой охотникомъ не былъ, но желая сдѣлать для мена сюрпризъ, послалъ въ село, отъ его имѣнія верстахъ въ десяти, за мужичкомъ медвѣжатникомъ и, переговоривъ съ нимъ, привелъ его въ мою комнату. Можешь представить мое восхищеніе, когда я услышалъ, что есть готовый, обложенный медвѣдь. Въ эту же ночь, приготовивъ ружье, безъ котораго я никуда не ѣзжалъ, мы вдвоемъ съ окладчикомъ отправились въ путь, и къ разсвѣту были на мѣстѣ. Облава была не нужна, потому что логово было

извѣстно. Итакъ, зарядивъ ружья, — тогда еще они были съ кремнями, — мы вдвоемъ съ обходчикомъ поѣхали на крестьянскихъ розвальняхъ къ милому другу; лошадь съ санями и возчикомъ оставили на опушкѣ лѣса, потому что снѣга были глубокіе, и дорога кончилась, а сами, подвязавъ лыжи, побѣжали прямо къ берлогѣ. Сердце билось у меня словно птичка въ клѣткѣ. Звѣрь, судя по слѣдамъ, которые еще были немного видны, и по словамъ обходчика, былъ огромный, что̀ и дѣйствительно оказалось такъ. Взбудили мы наконецъ медвѣдя холостымъ вѣстрѣломъ изъ пистолета. Вылѣзъ непріятель изъ своей засады и прямо на меня. Я приложился и спустилъ курокъ — осѣчка. Изъ другаго ствола выстрѣлъ однако послѣдовалъ и угодилъ звѣрю подъ лѣвую лопатку. Пуля, какъ послѣ разсмотрѣли, прошла ниже сердца на полвершка; но звѣрь не упалъ, а только споткнулся, рявкнулъ и пустился стрѣлой на меня. Я хотѣлъ посторониться и отскочить за толстую сосну, но поскользнулся, — тогда былъ сильный *настъ*, — и я ткнулся головой въ снѣгъ, чувствуя въ то же время, что на меня навалилось что-то тяжелое. Степанъ — такъ звали охотника — сначала выстрѣлилъ изъ

своей одностволки, цѣля медвѣдю въ голову, но пуля сорвала только клочекъ шерсти. Товарищъ мой, видя, что дѣло не ладно, на первыхъ порахъ бросилъ ружье и хотѣлъ бѣжать, услышавъ же голосъ мой, и вспоинимъ, что съ нимъ былъ топоръ, выхватилъ его изъ-за пояса, и началъ гвоздить медвѣдя по головѣ. Степанъ былъ парень не сильный, топоръ тупой, къ тому же страхъ еще отымалъ руки, а потому и голова непріятеля нашего пострадала не сильно. Однакожь звѣрь бросилъ меня, не успѣвъ сдѣлать большаго вреда, кромѣ неважной царапины на самомъ не опасномъ мѣстѣ, опрокинулся на Степана, подмялъ его подъ себя и началъ отрабатывать по-своему. Пока я успѣлъ образумиться, привстать и подняться, — на лыжахъ-то, знаешь, неловко, — дѣло было покончено. Гляжу: медвѣдь лежитъ и только ногами подрыгиваетъ; товарищъ мой тоже не встаетъ, блѣдный такой. «Подымайся, говорю, бояться нечего, звѣрь ужь приказалъ долго жить.» — Батюшка Иванъ Семенычъ, простоналъ Степанъ: — смерть моя, умираю, отецъ родной, не дай погибнуть безъ покаянія! — Я сначала думалъ, что это съ испугу. Спрашиваю: «Что съ тобой?» — Бокъ, батюшка, бокъ

очень... Взглянулъ я на бокъ, вижу: кафтанъ располосованъ, рубашка тоже, а на снѣгу кровь. Впопыхахъ-то я этого и не замѣтилъ. Привезли мы бѣднягу домой, въ деревню, послали за священникомъ. Я полагалъ, что Степанъ и часу не проживетъ — такъ онъ былъ изуродованъ, — исповѣдалъ его священникъ, пріобщилъ Святыхъ Таинъ. Вотъ какъ будто и поуспокоился больной немного, а часа черезъ три — я все время ни на шагъ отъ него не отходилъ — началъ метаться, стонать, сдѣлался, значитъ, антоновъ агонь. Все, сердечный, просилъ, чтобъ я его семьи не оставилъ. Разумѣется, я успокоивалъ, сколько могъ, больнаго, хотя и самъ мучился душевно. Къ вечеру товарищъ мой скончался. Я выкупилъ на волю всю его семью, которая состояла изъ жены и двоихъ дѣтей, купилъ имъ землицы, выстроилъ постоялый дворъ, далъ деньжонокъ, и они до сихъ поръ, благодаря Бога, живутъ напорядкахъ. Но я далъ еще клятву, что каждый годъ, въ Благовѣщеніе — это произшествіе случилось наканунѣ Благовѣщенія — буду дѣлать какое-нибудь добро. Понимаешь ли ты теперь, какія это были двадцать тысячъ? Проценты съ нихъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ шли

на исполненіе моего обѣщанія, и капиталъ, слѣдовательно, не принадлежитъ мнѣ. Ты знаешь, можетъ-быть, что у Русскаго народа есть прекрасный обычай въ этотъ веселый праздникъ покупать птичекъ и выпускать на волю. Помнишь также, можетъ-быть, что сказалъ Пушкинъ:

. . . .
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Немного, братъ Сережа, сказано, а вѣдь хорошо!

Тутъ Широковъ не выдержалъ, бросился къ старику, и обнявъ его, зарыдалъ.

— Полно, полно! дѣло, слава Богу, обошлось. Но я еще долженъ отъ тебя кое-чего потребовать.

— Все, все, отецъ мой!

— Вопервыхъ все это должно остаться между нами. Я не хочу, чтобъ кто-нибудь зналъ обо всемъ этомъ; вовторыхъ, сколько ты получаешь изъ дому денегъ?

— Три тысячи ассигнаціями.

— А жалованья?

— Восемьсотъ.

— Вотъ эти-то восемьсотъ, я требую, чтобъ до моей смерти присылались ко мнѣ, это ровно проценты съ тридцати тысячъ; а послѣ, когда меня не будетъ, предоставляю на твою совѣсть. Ну, теперь прощай, до завтра, ложись и спи спокойно...

IV.

Теперь, читатель, мы перенесемся въ домъ Сулаева, — того самаго Сулаева, котораго графъ Иванъ Өедоровичъ предлагалъ Аричу захватить съ собой на Нижегородскую ярмонку.

Александръ Петровичъ Сулаевъ представляетъ для мыслителя много занимательнаго, любопытнаго и поучительнаго въ отношеніи того, какъ иногда изъ порядочнаго человѣка можно сдѣлаться мерзавцемъ, встрѣчая на жизненной дорогѣ не то, что̀ проповѣдовали намъ въ классной комнатѣ учители, гувернеры и родители.

Сулаевъ былъ сынъ благородныхъ и богатыхъ родителей; воспитывался дома и подавалъ,

какъ говорится, блестящія надежды на будущность; но увы! судьба или что̀ другое рѣшили иначе.

Молодой человѣкъ не имѣлъ прямаго понятія о жизни, о людяхъ, объ отношеніяхъ къ нимъ, о всѣхъ дрязгахъ и мелочахъ такъ-называемаго свѣта.

Мать Сулаева была женщина рѣдкихъ правилъ, съ прямымъ взглядомъ на вещи, съ большимъ умомъ и образованьемъ.

«Учись, трудись, будь справедливъ, дѣлай добро, говори всегда правду, не льсти и не подличай передъ высшими тебя, не задирай носъ передъ низшими, не обижай, не оскорбляй ихъ, потому что обстоятельства измѣнчивы,» вотъ афоризмы, которые безпрестанно твердила мать сыну. А сынъ, страстно любя и уважая мать, исполнялъ свято эти наставленія.

Но, увы! ни мать ни сынъ, ни гувернеръ-швейцарецъ не знали, что есть теорія низкопоклонничества, лести и разумнаго молчанія, которыя такъ хорошо, до такой утонченности развиты въ наше время. Ни мать, ни сынъ не имѣли понятія, что нѣкоторыя лѣкарства, какъ напримѣръ хининъ, имѣютъ свойства уничтожать и производить одну и ту же болѣзнь,

какъ учитъ Ганеманъ, не знали, что лесть, низкопоклонничество и безсловесность очищаютъ путь къ разнымъ повышеніямъ, и что при хорошемъ, сознательномъ употребленіи этихъ специфическихъ средствъ, можно идти далеко, все въ гору и въ гору, и что есть еще русская поговорка: «правда глаза колетъ», объясняющая, какъ опасно бываетъ иногда говорить правду.

Окончивъ домашнее воспитаніе, молодой Сулаевъ опредѣлился въ полкъ и, разумѣется, имѣлъ безпрестанное столкновеніе съ товарищами за убѣжденія; нерѣдко доходило до ссоры. Но все бы это еще ничего; а главное, что командиръ полка, какой-то отчаянный формалистъ (изъ Нѣмцевъ), имѣлъ сверхъ этихъ качествъ тридцатилѣтнюю дочь, блѣдную дѣву съ постоянно-подвязанною щекой, сѣро-мутными глазами, съ непреодолимымъ желаніемъ достать себѣ мужа и необыкновенною способностью подрумянивать щеки своимъ горничнымъ.

Родитель вышерѣченной милой дѣвицы, разузнавъ о состояніи Сулаева, обратилъ на него свои виды.

Зинаида Ѳедоровна тоже начала бросать свои томные, мутно-сѣрые взгляды на молодаго, бо-

гатаго, красиваго корнета. Аттака однакожь была неудачна. Преслѣдуемый сначала вертѣлся, лавировалъ, но видя, что непріятель готовился на рѣшительный штурмъ, заблагоразсудилъ ретироваться, и пересталъ посѣщать домъ полковника. Тогда, естественно, со стороны послѣдняго начались мелочныя придирки по службѣ (Нѣмецъ былъ очень сварливаго характера); наконецъ придирки превратились въ совершенное гоненіе. Молодой Сулаевъ не зналъ, что̀ ему дѣлать, да и не могъ понять, за что̀ его преслѣдуютъ. Служу я, думалъ корнетъ, кажется хорошо, по крайней мѣрѣ стараюсь исполнять свои обязанности, а отъ полковаго командира мнѣ просто житья нѣтъ. Но разсужденія эти не повели ни къ чему; непріятности съ каждымъ днемъ усиливались и усиливались. Александръ Петровичъ терпѣлъ и думалъ уже подать просьбу о переводѣ въ другой полкъ, какъ въ одно утро случилось неожиданно самое непріятное происшествіе. Полковникъ назначилъ ученье. Сулаевъ на ученье не явился, потому что у него захромала верховая лошадь и самъ онъ былъ не очень здоровъ. Полковникъ обрадовался случаю придраться; явился на квартиру самъ, и

заставъ его за книгой да за завтракомъ, принялся его распекать. Сулаевъ молчалъ; Нѣмецъ горячился все болѣе и болѣе. «Отчего вы не были на ученьи? какъ вы смѣете манкировать службой?» — Я чувствую себя не очень здоровымъ, отвѣчалъ корнетъ. «Почему же вы не подали рапортъ о болѣзни?» — Не успѣлъ еще, завтра подамъ. «То будетъ завтра, а сегодня я велю посадить васъ подъ арестъ.» Сулаевъ началъ выходить изъ терпѣнія. Почему же вы не сажаете подъ арестъ Зонина? онъ почти ни на одномъ ученьи не бываетъ? замѣтилъ Сулаевъ. (Зонинъ былъ племянникъ полковника.) — Вы смѣете еще грубить, учить меня вздумали, молодой человѣкъ? *курица яица учитъ*! (Нѣмецъ любилъ русскія пословицы, но всегда ихъ ворочалъ на изнанку.) Мальчишка! лжецъ! Послѣднее слово окончательно вывело Александра Петровича изъ себя, и въ отвѣтъ на него послѣдовала оплеуха. Полковникъ подалъ рапортъ начальству, въ которомъ объяснялъ, что такой-то корнетъ не является на ученье, не занимается службой, и что когда онъ, полковникъ, началъ увѣщевать его, принимая въ немъ отеческое участіе, то вмѣсто благодарности офицеръ наговорилъ ему дерзостей, ру-

гательствъ и даже грозилъ привести въ дѣйствіе болѣе недостойныя дворянина угрозы.

Нарядили судъ. Когда при допросѣ спросили Сулаева: — какъ онъ осмѣлился говорить дерзости и грубить начальнику? то Сулаевъ, не привыкнувъ лгать, отвѣчалъ: «Я не грубилъ и не говорилъ дерзостей, а просто далъ г—ну полковнику пощечину и сознаюсь въ моей винѣ откровенно, не запираюсь, зная, что запирательство дурное свойство человѣка и притомъ нисколько не уменьшаетъ вины, а напротивъ увеличиваетъ ее.» — Вы опять лжете! воскликнулъ полковникъ, находившійся тутъ же, и и желая скрыть тяжкое оскорбленіе, — вы не били меня, а только стращали и грубили. «Я никогда не лгалъ и не лгу, возразилъ подсудимый, вспыхнувъ и забывъ гдѣ онъ находится: — и въ доказательство, что я говорю правду, вотъ вамъ!.. Раздалась вторая пощечина. Каковъ былъ результатъ такой неслыханной дерзости, угадать не трудно...

Для молодаго, образованнаго человѣка, привыкшаго быть въ кругу порядочныхъ людей, любящаго книги и умную, образованную бесѣду, жизнь въ какой-нибудь крѣпости, куда разъ въ мѣсяцъ или два приходитъ почта съ *оказіей*,

жизнь не веселая. Въ подобныхъ крѣпостяхъ обыкновенно живутъ два, три офицера, можетъ-быть закаленные въ бою, очень храбрые и честные, но не свѣтскіе, а потому для франтовъ, попадающихъ туда невзначай, неожиданно, не по собственному желанію, остаются два утѣшенія: чихирь и, если представится случай, карты; да еще, правда, третье развлеченіе — чеченскія пули, которыхъ музыка довольно однообразна, да и не всѣмъ приходится по вкусу.

Долго ли находился Сулаевъ въ крѣпости, я не могу опредѣлить съ точностью; знаю только, что онъ получилъ много наградъ, былъ произведенъ въ офицеры (потому что дѣйствительно былъ храбръ), привыкъ къ вину и сдѣлался игрокомъ. Однимъ словомъ, прежняго Сулаева не осталось и тѣни. Это произошло, можетъ-быть, частью оттого, что онъ не имѣлъ твердыхъ убѣжденій, или потому, что новыя убѣжденія смѣнили старыя, а прежнихъ правилъ поддержать было некому, потому что мать его уже умерла, а отецъ Александра Петровича былъ хотя и добрый, но слабый и малодушный старикъ.

Александръ Петровичъ вышелъ въ отставку,

поселился въ своемъ имѣніи (материнскомъ) и повелъ самую буйную жизнь: каждый день пьянство, игра, и тому подобное.

Чтобъ показать, дочего измѣнился Сулаевъ, приведу одинъ примѣръ. Болѣе всѣхъ страдали въ имѣніи отставнаго ротмистра мужья молодыхъ бабъ и отцы красивыхъ дочерей. До старика Сулаева, который жилъ въ томъ же уѣздѣ и, кажется, былъ еще предводителемъ, стали доходить жалобы. Старикъ, какъ сказано выше, былъ хотя и пустой человѣкъ, но слыша ежедневно разсказы о поступкахъ сына, унижающихъ званіе дворянина, рѣшился задать молодцу, какъ говорится, головомойку. Онъ пріѣхалъ къ сыну въ деревню и напалъ на буйнаго помѣщика со всею энергіей. Сынъ долго слушалъ, но вѣроятно, соскучившись слишкомъ продолжительною лекціей о нравственности, крикнулъ: — Эй, кто тамъ? розогъ! — «Это зачѣмъ?» спросилъ оторопѣвшій и сконфузившійся старикъ. — Да хочу немножко, васъ, папенька, поучить, какъ должно обращаться съ офицеромъ, имѣющимъ столько ранъ и... Тутъ Александръ Петровичъ показалъ на грудь свою; а старикъ давай Богъ ноги. Тѣмъ дѣло и кончилось. Спустя нѣсколько времени послѣ этой

исторіи одинъ изъ друзей молодаго Сулаева спросилъ: «Ну, что, какъ теперь твой патеръ?» Ничего, отвѣчалъ Сулаевъ: — посмирнѣе сталъ.

Для полноты краткой біографіи Александра Петровича, я считаю нелишнимъ прибавить нѣсколько словъ о его наружности, которую онъ имѣлъ въ то время, когда совершались происшествія, мной описываемыя.

Ежели и не совершенно справедливо мнѣніе, что каждый человѣкъ имѣетъ сходство съ какимъ-нибудь животнымъ, то все-таки Сулаевъ, подъ старость, по моему мнѣнію, походилъ на матераго волка. Александръ Петровичъ имѣлъ высокій ростъ, соразмѣрную полноту, былъ немного сутуловатъ. Глаза у него были сѣрые, съ небольшимъ красноватымъ отливомъ; волосы на головѣ совершенно сѣдые, остриженные постоянно подъ гребенку, торчавшіе дыбомъ. Глядѣлъ Сулаевъ всегда изподлобья. И отъ этихъ взглядовъ, у человѣка слабонервнаго, пульсъ иногда бился не нормально, и на сердцѣ холодѣло. Настоящій волкъ! Одинъ мой хорошій знакомый и большой острякъ, котораго я однажды просилъ показать двухъ ново-купленныхъ борзыхъ кобелей, отвѣчалъ, взглянувъ на Сулаева, который случился тутъ же: — нельзя,

опасно! «Почему же?» спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло. — А потому, что собаки злобныя, волкодавы, сейчасъ примутъ въ шиворотъ, отвѣчалъ мой пріятель, показывая съ улыбкой на отставнаго ротмистра.

Посмотримъ же теперь, что̀ дѣлается въ домѣ Сулаева.

Въ довольно обширной, хотя не щегольски, но изрядно меблированной комнатѣ, около стола, на которомъ поставлены были водка и закуска, сидѣлъ Сулаевъ съ Андреемъ Андреевичемъ. Графъ стоялъ нѣсколько поодаль, у окошка, выходившаго на дворъ, и внимательно пересматривалъ пять или шесть листовъ вексельной бумаги.

— Полно тебѣ, ступай завтракать, сказалъ Сулаевъ, обращаясь къ графу: — котлеты остынутъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ графъ.

— Что̀ это вы такъ внимательно разсматриваете? спросилъ Андрей Андреевичъ.

Графъ обратился къ Милову и, поглядѣвъ на него съ нѣкотораго рода недоумѣніемъ, сказалъ: — Спрашивалъ бы кто-нибудь другой, а не ты, Андрей; отъ тебя я подобной глупости, признаться, слышать не ожидалъ.

Миловъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на графа съ любопытствомъ и прибавилъ: — Право же не понимаю.

— Да разглядываю, братецъ, на свѣтъ бумагу, какихъ она годовъ.

Андрей Андреевичъ пожалъ только плечами, что̀ означало: «хоть убей, ничего не понимаю!»

— Ну, ужь если ты и теперь не сообразилъ, въ чемъ дѣло, такъ я лучше тебѣ разскажу анекдотъ. Былъ у меня одинъ знакомый фабрикантъ, дѣла велъ большія; только вотъ затѣялъ онъ банкрутиться. Надавалъ пріятелямъ и родственникамъ безденежныхъ векселей: порядокъ этотъ тебѣ извѣстенъ. Учредили конкурсъ; кредиторы представили свои документы, и пошла работа. Кончилось дѣло тѣмъ, разумѣется, что всѣ согласились взять по пятнадцати копѣекъ за рубль, а какъ безденежныхъ векселей было впятеро больше, чѣмъ настоящихъ, то пріятель мой и остался съ капитальцемъ. Только во время конкурса, переборки бумагъ и векселей, случилась уморительная штука. Сидимъ мы какъ-то вдвоемъ съ купцомъ у него на квартирѣ, да пуншъ попиваемъ. Входитъ человѣкъ и докладываетъ: «Аѳанасій Савельевичъ! къ вамъ какой-то чинов-

никъ пришелъ, желаетъ видѣться; дѣло, говоритъ есть.» — Какой тамъ еще чиновникъ! отвѣчаетъ съ сердцемъ Аѳанасій Савельевичъ: — много ихней братьи шатается ко мнѣ; теперь, видишь, некогда, мы знаемся со старшими, а эта мелюзга намъ тьфу!.. «Что жь, говорю я, за бѣда, вели позвать, можетъ и въ самомъ дѣлѣ есть дѣло.» — Какое къ шуту дѣло! Мы съ Петромъ Макарычемъ *каждый* день видаемся: коли бы что̀ было, такъ сказалъ бы; такъ, пустяки какіе-нибудь, на чай сорвать хочетъ. «Да пусть войдетъ, не важность!» — Ну, пнъ скажи, чтобъ вошелъ. Чиновникъ явился, такой невзрачный, маленькій, гаденькій, ощипанный. «Ты отъ Петра Макарыча что ль присланъ?» спрашиваетъ Аѳанасій Савельичъ. — Нѣтъ-съ, я самъ по себѣ. «А нельзя ли узнать, зачѣмъ это пожаловать изволили?» — Есть дѣльце до васъ, только мнѣ нужно потолковать по секрету. «Полно, братъ, калякать, говори! это нашего поля ягода! свой человѣкъ. Ну, разсказывай, что̀ такое за дѣло у тебя?» — Да одинъ векселекъ, Аѳанасій Савельевичъ, въ тридцать пять тысячъ, на имя Балотонова, у васъ нечистъ; такъ какъ будетъ угодно?.. Разозлился, гляжу, мой Савельичъ. «Какъ,

кричитъ, нечистъ? Ахъ ты, крыса этакая! Я вотъ завтра скажу Петру Макарычу, такъ ты и пристанища нигдѣ не найдешь; ишь съ чѣмъ подъѣхалъ! У меня векселя всѣ денежные; тутъ, братъ, дѣло начистоту, иголочки не подпустишь.» — Какъ угодно, отвѣчаетъ чиновникъ: — только вексель данъ отъ 22-го мая 1821 года, а бумага 22-го года, — больно ужь что-то мудрено. Ну, тутъ, разумѣется, медаль перевернулась, какъ говорятъ Французы, и дѣло кончилось мировой.

Сулаевъ и Андрей Андреевичъ засмѣялись, а графъ принялся за котлеты.

Здѣсь, для большей ясности моего разсказа, я долженъ замѣтить, что Мурзановъ, состояніе котораго, какъ я уже замѣтилъ, расло не по днямъ, а по часамъ, началъ поступать слишкомъ деспотически съ своими помощниками; а что самое главное — сталъ давать имъ мало денегъ, и они всѣ мало-по-малу перешли на сторону графа, который дѣйствовалъ отдѣльно, съ Аричемъ и Сулаевымъ, также уже въ большихъ размѣрахъ. Одинъ Андрей Андреевичъ еще не оставлялъ Мурзанова, но былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ графомъ, о чемъ однако не считалъ нужнымъ объяснять Алексѣю

Степановичу. Мурзановъ же, думая совсѣмъ бросить игру (достойно замѣчанія, что человѣкъ наконецъ удовлетворился), отчасти былъ и радъ освободиться отъ своихъ пріятелей, знавшихъ всѣ его дѣйствія. Вообще вѣдь непріятно имѣть постоянно передъ глазами людей, которымъ извѣстны наши лѣла, да еще, сохрани Богъ! и помышленія.

Кончивъ расправу съ котлетами и бутылкою бургонскаго, графъ обратился къ Андрею Андреевичу съ вопросомъ:

— Такъ ты навѣрное полагаешь, что Мурзановъ нынче сюда явится?

— Навѣрное, отвѣчалъ Миловъ: — по крайней мѣрѣ онъ такъ сказалъ мнѣ вчера. «Я, говоритъ, еще съ отцомъ Сулаева былъ знакомъ: какъ же не навѣстить больнаго сына?»

— Хорошъ больной! сказалъ съ улыбкой Сулаевъ.

— Я вспомнить до сихъ поръ не могу объ обидѣ, которую понесъ отъ этого подлеца, прервалъ графъ: — вся кровь подымается къ головѣ; стращать меня кучерами и лакеями! Ну, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, мы съ вами нынче поквитаемся!

— Кровь-то у тебя больно ужь горяча, арабская должно-быть!

Во время этихъ разсужденій, изъ передней послышались голоса: «Дома?» — У себя-съ, пожалуйте.

Графъ выбѣжалъ въ смежную комнату.

Вошелъ Алексѣй Степановичъ Мурзановъ.

— А я до сихъ поръ, мой почтенный Александръ Петровичъ, началъ гость, — не зналъ, что вы обрѣтаетесь въ Москвѣ, и еще имѣете свой домъ.

— Третьяго дня продалъ, отвѣчалъ Сулаевъ, злобно улыбаясь.

— Кому же?

— Мнѣ, сказалъ вошедшій въ эту минуту графъ: — вы, мой дражайшій Алексѣй Степановичъ, находитесь у меня въ гостяхъ; извините, что я не могу принять васъ съ такими почестями, съ какими вы меня провожали; у васъ тридцать человѣкъ прислуги, а у меня такой роскоши нѣтъ: всего пятеро, но увѣряю васъ, народъ исправный, подобраны молодецъ къ молодцу.

Алексѣй Степановичъ поблѣднѣлъ, взглянувъ на отворенную дверь въ переднюю, гдѣ дѣйствительно шевелились человѣкъ пять усачей и

бакенбардистовъ, изъ которыхъ каждаго можно бы поставить въ первую роту Преображенскаго полка.

— Я надѣюсь однако, проговорилъ съ разстановкой дрожащимъ, тихимъ голосомъ Мурзановъ: — надѣюсь, что мнѣ не будетъ сдѣлано никакихъ оскорбленій и насилій?

— Рѣшительно никакихъ, если вы намъ напишите, то-есть подпишите нѣсколько billets doux, сказалъ графъ. — Къ чему насилія и оскорбленія? Мы, слава Богу, люди здѣсь всѣ образованные, не мужики, не мастеровые. Что это, милый Алексѣй Степановичъ, продолжалъ графъ нѣсколько ироническимъ тономъ: — изволите поглядывать въ окошко, вѣрно на моихъ бульдоговъ любуетесь? Не правда ли, какія превосходныя собаки? Каждую изъ четырехъ въ одиночку на медвѣдя сажаю; а ужь злобы, право, непомѣрной! Вонъ, видите, чубарый, что около калитки прохаживается, никого даже изъ домашнихъ не знаетъ, кромѣ кучера Ѳедота. Намедни какъ-то онъ сорвался, а на ту бѣду корова на дворѣ была: насилу отбить могли, такъ горло и перехватилъ.

— Стало-быть надо послать за маклеромъ, потому что сами, графъ, вы вѣрно не поѣдете,

началъ Мурзановъ, видя невозможность прыгнуть въ окно и перескочить черезъ заборъ.

— Посылать за маклеромъ нѣтъ никакой надобности, дражайшій Алексѣй Степановичъ. Вамъ должно-быть извѣстно, что есть семидневный срокъ, до истеченія котораго можно жаловаться на неправильно выданныя заемныя письма; такъ я для этого разсудилъ лучше приготовить векселя. Вѣдь мы съ вами временные купцы, за гильдію платимъ; намъ безъ этого нельзя, мы народъ торговый, коммерческій. Поди, въ другомъ мѣстѣ и маклера-то еще не отыщешь, и въ книгѣ мѣста, пожалуй, свободнаго не найдешь, а вексель, знаете, любезное дѣло, особенно какъ бумага разныхъ годовъ припасена, такъ хоть на большой дорогѣ выдать можно.

— Давайте, сказалъ Мурзановъ, понявъ, что и на этомъ пунктѣ для него ретирада отрѣзана.

Графъ вынулъ изъ кармана венгерки нѣсколько векселей, и подалъ ихъ Мурзанову, приглашая движеніемъ руки подойдти къ письменному столу.

Векселей было шесть, каждый въ двадцать пять тысячъ.

— Все ли теперь? спросилъ Алексѣй Степановичъ, возвращая графу подписанные векселя.

— Нѣтъ, не все, отвѣчалъ графъ.

Мурзановъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Не все, повторилъ истязатель: — потрудитесь еще присѣсть къ столу и написать, что̀ я вамъ продиктую.

Алексѣй Степановичъ сѣлъ и взялся за перо

— Пишите: Любезный графъ Иванъ Ѳедоровичъ. Посылаю вамъ четыре векселя отъ... (слѣдуетъ годъ и число), что̀ съ выданными прежде отъ (опять число и годъ) составляетъ всего на полтораста тысячъ. Разсчетъ слѣдующій: у Широкова выиграно двадцать тысячъ, у казначея Вермишелева, который проигралъ казенную сумму и зарѣзался, восемьдесятъ тысячъ (изъ этихъ денегъ на потушеніе дѣла употреблено десять тысячъ), у ремонтера Зарубаева сорокъ двѣ тысячи, у старика Минукина, который былъ опекуномъ у малолѣтныхъ Безпаловыхъ, шестьдесятъ восемь; да еще сотня набралась въ разное время по мелочамъ, — слѣдовательно, на вашъ пай приходится полтораста, которыя, по истеченіи полугода, вы получаете сполна. Я бы и теперь ихъ прислалъ, но знаю, что вы нужды не имѣете, а мнѣ даютъ за полгода полтину на

рубль процентовъ. Будьте здоровы. Вашъ истинный другъ Алексѣй Мурзановъ.

— Все ли наконецъ? спросилъ Мурзановъ, подавъ графу письмо и взявшись за шляпу.

— Нѣтъ еще, не все, отвѣчалъ графъ, наслаждаясь, повидимому, мученіями своего врага.

— Что жь еще нужно? воскликнулъ Алексѣй Степановичъ въ совершенномъ отчаяніи.

— Нужно еще... сказалъ мучитель, нарочно растягивая слова: — нужно еще прежде велѣть кучеру Ѳедоту... убрать собакъ, а то вы не попадете домой.

Черезъ двѣ минуты Алексѣй Степановичъ былъ уже за воротами, которыя ему отперли и садился въ свою коляску. Только когда Мурзановъ проходилъ переднюю, одинъ изъ присутствующихъ въ ней усачей сказалъ: «не будетъ ли отъ вашей милости на водку?» но Алексѣй Степановичъ не обратилъ уже на эту насмѣшку никакого вниманія, а графъ крикнулъ какъ будто съ сердцемъ: «Я однажды и навсегда сказалъ, что на водку только позволяю просить у тѣхъ, кто возвращается отсюда съ выигрышемъ.»

— Много же получатъ! замѣтилъ шутя Андрей Андреевичъ.

— Получатъ свое, небось, перебилъ графъ: — эй! сколько васъ тамъ?

— Шестеро, отвѣчалъ вошедшій на зовъ камердинеръ.

— Возьми! сказалъ графъ весело, бросая пачку ассигнацій, заключавшую въ себѣ шестьсотъ рублей. — Трое могутъ гулять нынче, а трое завтра, по очереди; бросьте жеребій.

Когда коляска Мурзанова проѣзжала мимо оконъ дома, выходившихъ на улицу, то графъ, Сулаевъ и Андрей Андреевичъ привѣтливо раскланялись Алексѣю Степановичу, и потомъ всѣ захохотали.

V.

Въ небольшой квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ и передней, убранныхъ однако со всевозможною роскошью, происходило засѣданіе двухъ друзей, знакомыхъ уже читателю.

— Да разскажи ты мнѣ, Андрей Андреевичъ, толкомъ, какъ все это случилось.

— Какъ бы ни случилось, Иванъ Карловичъ,

только дѣло вышло самое гадкое, и чуетъ мое сердце, что насъ всѣхъ, рабовъ Божіихъ, не нынче, такъ завтра заберутъ.

— Да разскажи, какъ дѣло-то было.

— А вотъ какъ. Пріѣзжаетъ вчера къ Сулаеву этотъ проклятый купчикъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки не было, немного подъ хмѣлькомъ; а познакомился онъ съ Сулаевымъ и съ графомъ еще на Макарьевской; только видно они тамъ его обработать не успѣли. На ярмонкѣ-то отецъ самъ былъ, старикъ, братецъ мой, съ норовомъ, старикъ умный; выходитъ, сыну ходу большаго онъ не давалъ. Только сынокъ вчера явился съ денежками, откуда-то съ фабрики, по довѣренности отъ отца, получилъ. Пріѣхалъ и началъ хвастать, извѣстное дѣло спьяну: вотъ дескать онѣ миленькія, — а денегъ было тысячъ сорокъ. У Арича глаза такъ и разгорѣлись; лакомъ больно до денегъ-то. Началась попойка; шампанскимъ то и дѣло накачиваютъ. Вотъ какъ Маслобоева разобрало ужь порядкомъ, Сулаевъ ему и говоритъ: «что жь не сразиться ли?» — Изволь, отвѣчаетъ, мы съ нашимъ удовольствіемъ, вели грамотку подавать. — Принялись они въ штосъ, а шампанскаго все поддаютъ да поддаютъ. Лущитъ, смотрю, Сула-

евъ дурью голову, мечетъ противъ него *круглый штосъ*, а тотъ знай кушъ увеличиваетъ, все въ дублетъ да въ дублетъ идетъ; въ разумѣ-то, значитъ, еще было: сразу дескать отыграюсь, а ужь куда тутъ отыграться! хоть всю Австралію на карты поставь, и той бы не хватило. Вотъ какъ по разсчету сорокъ тысячъ Сулаевъ записалъ, и говоритъ: «Баста, братъ, а то ты нынче не въ ударѣ, что̀-то не везетъ тебѣ, этакъ пожалуй все проиграешь.» Маслобоевъ вытаращилъ глаза да ему въ отвѣтъ: — Мечи еще! «Не хочу; на сегодняшній день будетъ, сперва расплатись; а завтра, если охота будетъ, опять поиграемъ.» Только Маслобоевъ вдругъ — отуманило его что ли ужь очень шампанскимъ-то — и началъ: — Ты все передергиваешь. — «Для какого чорта, отвѣчаетъ Сулаевъ, мнѣ противъ тебя передергивать, я просто *круглый штосъ* металъ, а ты давай-ка денежки.» — Нѣтъ ты все передергиваешь! Наладилъ одно: передергиваешь да передергиваешь. Посмѣиваемся мы, глядя на эту комедію; чѣмъ-то, думаемъ, кончится похожденіе блуднаго купеческаго сына. Только Давыдъ ни съ того, ни съ сего и брякни: «Вы здѣсь всѣ подлецы и мошенники!» да возьми еще, плесни

виномъ въ лицо Сулаеву.., Ну и разсвирѣпѣлъ же мой Сулаевъ. — «Такъ я жь тебя, говоритъ, передерну.» Сгребъ это онъ моего Давыда Иванова за затылокъ, то-есть за самсонову-то силу, — волоса же такіе густые, курчавые, — и давай харей со стола мѣлъ стирать, принялъ видно за щетку. «Вотъ мы, кричитъ, съ тобой поквитаемся.» Ну и началась у нихъ тутъ, батюшка ты мой, настоящая травля, словно за Рогожскою заставой въ сборное воскресенье. Гляжу, вся компанія честная подвалила: кто въ волоса вцѣпился, кто подъ бока суетъ. Грѣшный человѣкъ, и я тычка два далъ. Только и Давыдъ здоровъ, впился въ Сулаева словно клещъ; а Швенкелю лѣвую бакенбарду такъ и выхватилъ. Аричъ же сейчасъ въ карманъ за деньгами, тотъ свою штуку знаетъ. А Семенъ Семеновичъ Ветчина въ другой комнатѣ былъ, да только покрикиваетъ: меня не нужно ли? совладаете ли? Обычай Семена Семеновича тебѣ извѣстенъ, пока *стекло* на столѣ, такъ его отъ стола арканомъ не оттащишь. Только на тотъ грѣхъ, видно, въ бутылкахъ и графинахъ чисто ужь было, смотрю и валитъ онъ это своею тушей на мѣсто побоища, словно буря какая. Постойте-ка, го-

воритъ, я его немножко давну. Я хотѣлъ удержать, такъ куда тебѣ, и меня было за шиворотъ прихватилъ. Ну и давнулъ онъ это раза, знать, два, три, не больше; слышимъ, Давыдка и захрипѣлъ. Графъ, грѣха брать на душу нечего, участія въ свалкѣ не принималъ, стоитъ поодаль да посмѣивается, вороватъ больно! Видитъ однако, что дѣло плохо, остервенились, всѣ такъ, что ни на что̀ не похоже, точно бѣлены объѣлись. «Будетъ, кричитъ, довольно, достаточно! Сказано: блаженъ, кто и скоты милуетъ; нынче же и книги стали писать о человѣколюбивомъ обращеніи съ животными; а въ Англіи и Германіи даже и штрафы берутъ.» — Бросили наконецъ. Глядимъ, парень нашъ почти не дышетъ. Перепугались всѣ страшно; азартъ-то, знаешь, ужь посвалилъ немного. Графъ обратился ко мнѣ: «вези, говоритъ его домой.» — Да помилуйте, отвѣчаю, куда жь я повезу его, я и квартиры даже не знаю. — «Вези, кричитъ, квартира вотъ тамъ и тамъ, кому-нибудь сдашь, съ нимъ какая-то мамошка живетъ и человѣкъ при немъ есть; скажешь, что пьянъ.» Дѣлать нечего, запрягли лошадь Сулаевскую, умыли молодца, привели немножко въ порядокъ. Отправился я съ нимъ; а самъ все прислу-

шиваюсь: дышитъ ли. Квартира отъ дома Сулаева — даль страшная, на какой-то прахъ ее возьми, Раскисаевкѣ, что ли, ужь хорошенько не упомню. Привезъ наконецъ. Постучался въ двери. Вышелъ человѣкъ ко мнѣ на встрѣчу со свѣчкой, а за нимъ дѣвочка, лѣтъ семнадцати или осьмнадцати, не болѣе, да прехорошенькая, бестія, словно розанчикъ. Взглянула она на Давыда, да какъ всплеснетъ ручонками, а сама такъ и залилась. «Господи! говоритъ, когда это только кончится! Всякой-то Божій день въ такомъ видѣ вотъ возвращается! не стыдно ли вамъ такъ поить человѣка!» Ну, думаю, въ такомъ видѣ еще впервой возвращается, а самъ сѣлъ въ сани, да дай Богъ скорѣе улепетывать. Только и жалко же мнѣ стало дорогой эту дѣвушку, чай обманулъ, разбойникъ, бѣдняжку, вѣдь они на что̀ другое, а на банкрутство да на эти дѣла — доки. Ночевалъ я у графа; всю ночь напролетъ хоть бы глазъ сомкнулъ. Нынче ранехонько поутру отправились мы развѣдывать: что̀ и какъ? а тамъ ужь дымъ коромысломъ идетъ, и частный докторъ пріѣхалъ, и слѣдователь, — кутерьма страшная!.. Камердинеру-то ужь и руки назадъ; сударку тоже прибрали. Я скорѣй тягу.

— Да зачѣмъ же слѣдователь-то? спросилъ Иванъ Карловичъ.

— Какъ зачѣмъ? вѣдь Давыдъ-то отправился жаворонковъ слушать, ну и дали знать, еще ночью, отцу: старикъ пріѣхалъ; говоритъ: съ сыномъ сорокъ тысячъ денегъ было. Вотъ по этому случаю человѣка съ дѣвушкой и прихватили. Куда же дескать иначе дѣваться деньгамъ? они, значитъ, украли, а можетъ и убили Давыда.

— Скверно! сказалъ Иванъ Карловичъ, выслушавъ во всей подробности эту милую исторію.

— Да ужь такъ-то скверно, добавилъ, Андрей Андреевичъ, — что умъ за разумъ заходитъ; не знаю, что̀ и дѣлать, просто подхвати полы да и бѣги вонъ изъ Москвы куда-нибудь, хоть на острова Тихаго океана. Кусокъ въ горло нейдетъ; отъ водки даже отбило; кажется, вотъ и адмиральскій часъ наступилъ, а не позываетъ.

— Ну, а что же графъ? спросилъ Иванъ Карловичъ.

— Да что̀ графъ, ничего. «Я, говоритъ, къ этому дѣлу не причастенъ; хлопотать буду, денегъ не пожалѣю; если что съ вами послѣ-

дуетъ, то и на дорогу пенензами снабжу, и послѣ не оставлю; а если вы вздумаете въ эту исторію меня путать, то хоть сто тысячъ, говоритъ, брошу, и все-таки останусь правъ, а вамъ тогда ужь отъ меня не видать ни полушки.» Что̀ ты будешь тутъ дѣлать! померекали мы, померекали, и рѣшили, что въ случаѣ чего графа не выдавать, принять все на себя, покрайности съ деньгами будемъ. Да и сказать по совѣсти, дѣйствительно графъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, — былъ въ сторонѣ.

— Ну, Андрей, накутили вы ловко! какъ-то отдѣлаетесь. Поѣдемъ-ка къ графу, тамъ теперь можетъ что̀ и поразвѣдали. А не знаешь, кто слѣдователемъ назначенъ?

— Прахъ его знаетъ! да вѣдь они почитай всѣ на одинъ покрой.

VI.

Между тѣмъ, какъ частный докторъ въ квартирѣ Маслобоева, отыскивалъ причины смерти безвременно погибшаго купеческаго сына, и, разумѣется, не находилъ ихъ, потому что

причины спокойно, а можетъ и не совсѣмъ спокойно, завтракали въ домѣ графа, слѣдователь, очень похожій, какъ наружностью, такъ и характеромъ на американскаго бульдога, готовый вцѣпиться въ горло каждому, творилъ допросъ камердинеру покойнаго и еще молоденькой дѣвушкѣ.

Послѣ тщетно-предлагаемыхъ вопросныхъ пунктовъ, увѣщаній и, какъ объяснялъ слѣдователь, запирательствъ со стороны допрашиваемыхъ, подобіе бульдога обратилось къ находившемуся тутъ же мѣстному квартальному надзирателю съ слѣдующими словами:

— Ну, Иванъ Кузмичъ, отправьте этихъ двухъ невинныхъ пока по принадлежности и разсадите врозь, не забудьте также крендельки надѣть.

— Что̀ угодно дѣлайте съ нами, ваше высокоблагородіе, воля ваша, только мы тутъ ни въ чемъ не повинны.

— Знаю, знаю, любезный, отвѣчалъ слѣдователь, и, обратившись опять къ квартальному, прибавилъ: — а эту старую шельму посадите въ угольную, знаете?..

— Знаю-съ, отвѣчалъ надзиратель, улыбнувшись.

— Это, братъ, похлеще селедокъ-то будетъ! замѣтилъ шопотомъ и безо всякой улыбки сторожъ своему товарищу.

— А что такое?

— Да меня однажды частный пьянаго велѣлъ запереть въ угольную, такъ даромъ что я безъ памяти былъ, а черезъ полчаса вскочилъ, какъ встрепанный, куда и хмѣль дѣвался, рубаху словно кто въ клюковный морсъ окунулъ.

— Да отчего же?

— Да клопы такъ кишмя и кишатъ.

— И вы, моя красоточка, прибавилъ слѣдователь: — извольте отправляться. Оно хоть и жалко на такія бѣленькія и нѣжныя ручки наши браслетки надѣвать, а дѣлать нечего.

Дѣвушка, испуганная, блѣдная, съ ужасомъ въ глазахъ, упала на колѣни и залилась слезами.

— Что? хочешь покаяться, моя милочка, правду открыть? Давно бы такъ; это похвально! признаніе уменьшаетъ вину, стало быть и мѣру наказанія.

— Боже милосердый! Да за что жь это? Я ни въ чемъ тутъ невиновата, могла только проговорить осужденная, зарыдавъ какъ ребенокъ.

— Невиновата, такъ и оправдаешься, а пока

нужно еще собрать о тебѣ справки. Не пустить же мнѣ тебя, мою крошечку, гулять по бѣлу свѣту съ сорока тысячами; ты даромъ что принадлежишь къ породѣ длиннохвостыхъ, а шмыганешь такъ, что тебя и самъ чортъ не отыщетъ; такъ-то сударыня-барыня!

— А! Ѳедоръ Ивановичъ! мое вамъ почтеніе! какими судьбами сюда попали?

— Ѣхалъ мимо, отвѣчалъ Швенкель:—вижу, стоятъ ваши дрожки, спрашиваю кучера, что такое здѣсь? онъ объяснилъ мнѣ, я и забѣжалъ: кстати, давно не видался...

— Очень радъ, я на нынѣшній день свободенъ, мы съ вами не ударимъ ли въ клубъ пообѣдать?

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, бутылочку шампанскаго выпьемъ, сказалъ Швенкель, обрадовавшись случаю узнать, какой оборотъ приняло дѣло, такъ его интересовавшее.

— Ну, чего еще стоите? маршъ!

Старика камердинера и дѣвушку повели...

Слѣдователь, оставшись вдвоемъ со Швенкелемъ, началъ объяснять сущность дѣла, и доказывать, какой нынче развратный вѣкъ, что такая еще молоденькая и хорошенькая дѣвочка покусилать на воровство и убійство, въ чемъ

хотя собственнаго сознанія ея и нѣтъ, но сомнѣнія никакого не имѣется.

Во время этого назидательнаго разсказа, вошелъ жандармскій полковникъ, и, отозвавъ слѣдователя къ сторонѣ, началъ ему что-то шептать.

— Скажите, пожалуста! проговорилъ слѣдователь, внимательно выслушавъ полковника: — а я ужь распорядился ихъ отослать. Впрочемъ, къ слѣдствію они все-таки будутъ нужны; такъ пусть посидятъ, неважность какая; къ тому же у дѣвицы и паспорта нѣтъ.

— Нѣтъ, извините, Ѳедотъ Ѳедотовичъ, ихъ надо освободить. Дѣвушку беретъ на поручительство мой одинъ хорошій знакомый, а камердинера-старика возьму на свою отвѣтственность хоть я, возразилъ полковникъ.

— Какъ вамъ угодно! Эй, сторожъ! ступай сейчасъ съ этою запиской къ частному, сказалъ слѣдователь.

— Это кто? спросилъ полковникъ, указывая на Швенкеля: — причастный къ дѣлу, что ли?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ сконфуженный Швенкель: — я по своей надобности.

— Здѣсь не мѣсто, замѣтилъ полковникъ, довольно сурово и пристально всматриваясь въ

жидовскую физіономію Өедора Ивановича: — не мѣсто для своихъ надобностей. Какъ ваша фамилія?

— Өедоръ Ивановичъ Швенкель.

— А! такъ это очень кстати; я былъ ужь у васъ на квартирѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ дома; не угодно ли пожаловать со мной сейчасъ же къ генералу.

— Къ какому генералу? зачѣмъ? пробормоталъ Швенкель, пополовѣвъ.

— Я васъ познакомлю съ нимъ; человѣкъ отличный: къ тому же вы у него встрѣтите нѣкоторыхъ короткихъ вашихъ пріятелей...

VII.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Сѣрое небо; изморозь, гололедица; на улицахъ грязно; на тротуарахъ скользко, прохожіе, скользя и падая, сердятся, и кого-то (должно-быть песокъ) побраниваютъ.

Комната, въ которую я васъ, мой читатель, попрошу мысленно войдти со мною, хотя суха и тепла; но не совсѣмъ свѣтла и опрятна.

Здѣсь безошибочно вы можете примѣнить пословицу: «крѣпка тюрьма, да кто ей радъ». Виды изъ окна этой комнаты не живописные и не привлекательные; вопервыхъ снаружи окна желѣзная рѣшетка и «окно высоко надъ землей». Изъ комнаты виденъ дворъ, имѣющій видъ прямоугольника и огороженный со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими, превысокими стѣнами, которыя идутъ къ верху все шире и шире, и похожи на усѣченный треугольникъ, обернутый основаніемъ въ высь. Со двора, къ выходу, ведетъ довольно крутая лѣсенка, мимо комнаты смотрителя. При выходѣ разгуливаетъ часовой съ ружьемъ и полицейскій служитель, ощупывающій, чтобъ сверху внизъ не приносили хлѣбныхъ и виноградныхъ удовольствій, веселящихъ сердце человѣка и приводящихъ духъ его въ нѣкотораго рода буйное движеніе.

Итакъ, снисходительный читатель, мы входимъ въ комнату, и въ ней встрѣчаемъ нашихъ старыхъ знакомыхъ: Сулаева, Арича, Швенкеля, Андрея Андреевича, Семена Семеновича Ветчину и даже, кто бы могъ подумать? скромнаго и мирнаго художника — Ивана Спиридоновича. Иванъ Спиридоновичъ сильно

углубленъ въ самое невинное занятіе; онъ держитъ въ одной рукѣ замасленную карту и повременамъ чиститъ ее кусочкомъ бѣлаго хлѣба; въ другой рукѣ у него находится карандашъ, Эренбергъ, № 11-й, которымъ ставитъ иногда на картѣ точку и пристально ее разсматриваетъ, потомъ вычищаетъ эту точку и вновь опять ставитъ. Къ чему бы, кажется, въ такомъ мѣстѣ и въ такихъ *тѣсныхъ обстоятельствахъ* подобное занятіе? Но, увы, такова сила привычки!

Бьетъ двѣнадцать часовъ, то-есть полдень.

Аричъ, прихрамывая, ходитъ изъ угла въ уголъ; Швенкель читаетъ какую-то назидательную книгу, Семенъ Семеновичъ завтракаетъ, Сулаевъ грызетъ ногти, Андрей Андреевичъ ничего не дѣлаетъ — глядитъ въ окно.

Въ этой же комнатѣ присутствуетъ еще новое, незнакомое читателю лицо, именно Карлъ Ивановичъ, преподаватель нѣмецкаго языка, бывшій во многихъ домахъ гувернеромъ. Карлъ Ивановичъ тоже ходитъ по комнатѣ и повременамъ нюхаетъ табакъ.

— Вы за что̀, почтеннѣйшій Карлъ Ивановичъ, попали сюда?

— За долги, отвѣчаетъ Карлъ Ивановичъ,

понюхивая табакъ. — Я долженъ двѣ тысячи купцу Ворокуеву: отличный добрый человѣкъ.

— Вѣрно по добротѣ онъ васъ и спустилъ въ этотъ ридикюль?

— О! это сынъ Ворокуева: старикъ недавно умеръ. Ивану Карловичу нужны были деньги. Я и занялъ у купца, у старика Ворокуева.

— Да у васъ, кажется, прежде свои деньжонки важивались?

— Свои я тоже отдалъ Ивану Карловичу, ему очень нужно было; а потомъ еще нужно двѣ тысячи, я и занялъ. Иванъ Карловичъ мой ученикъ былъ, славный мальчикъ такой, славный мальчикъ!

— Мальчикъ не дуренъ, замѣтилъ Швенкель: — попуталъ Божьяго народу довольно, добрался наконецъ и до наставника.

— Онъ честный шеловѣкъ, онъ отдастъ.

— Дожидайся! прибавилъ Сулаевъ,—отдастъ, на томъ свѣтѣ угольками.

— Я впрочемъ князю въ Петербургъ писалъ. Князь, я знаю, не откажетъ. Князь тоже ученикъ мой, отличный человѣкъ!

Входитъ сторожъ какого-то присутственнаго мѣста и подаетъ Аричу письмо.

— Отъ кого?

— Отъ секлетаря.

Сторожъ, получивъ на водку, уходитъ.

Молчаніе и чтеніе.

— Вотъ насъ всѣхъ наконецъ и порѣшили, говоритъ Аричъ, кончивъ чтеніе присланной записки.

— Куда же? спрашиваетъ, блѣднѣя, Андрей Андреевичъ.

— Извѣстно куда, отвѣчаетъ Аричъ сквозь зубы и немного вздрагивая: — на дачу переселяютъ, на вольный воздухъ, на лѣтнія квартиры и травяное продовольствіе. Такъ что ли, Ѳедоръ Ивановичъ, вѣдь вы, кажется, въ гусарахъ служили? Одно только жаль, что на сѣверъ, а не на югъ: мнѣ съ ревматизмами будетъ не очень удобно.

— Однакожь это совершенно несправедливо, замѣчаетъ Швенкель.

— Что и говорить, Ѳедоръ Ивановичъ, прерываетъ Аричъ: — какая же тутъ справедливость! ты вѣроятно полагалъ, что правительство намъ, по крайней мѣрѣ, десятилѣтнюю привилегію вышлетъ за наши геніяльныя изобрѣтенія. Вотъ поди жь ты: нигдѣ поощренія не найдешь!

— Меня-то, меня-то за что? говоритъ,

всхлипывая и проглатывая послѣдній кусокъ колбасы, Семенъ Семеновичъ.

— «Не ходи по лавкѣ, не гляди въ окно!» вотъ за что, отвѣчаетъ съ невольною улыбкой Аричъ. — Эхъ Семенъ, Семенъ! такой ты большой да тучный, а разрюмился. Хочешь я тебѣ спою: «Что ты, милая, тоскуешь?»

— У тебя, братъ, характеръ такой, ты и въ аду не будешь унывать, а я что? развѣ участіе какое принималъ въ вашихъ дѣлахъ.

— Вотъ отпираться, — ужь не хорошо. Участіе ты принималъ, и большое: одной водки, я думаю, на тебя пошло, сколько *Самсонъ*, во время петергофскаго гулянья, и воды не выкинетъ.

— Семенъ Семеновичъ, вмѣшивается Андрей Андреевичъ, — о томъ и грустить, что *тамъ* водка очень дорога, а можетъ и совсѣмъ нельзя достать.

— Что правда, то правда, добавляетъ Аричъ: — сторона, Сеничка, тамъ не хлѣбородная, даромъ что серебра и золота вдоволь, а кромѣ воды — ни, ни... А напитокъ этотъ, сколько мнѣ извѣстно, шелъ у тебя только для наружнаго употребленія.

— Откупщики, замѣчаетъ Швенкель, — давно

хлопочутъ, какъ бы этотъ напитокъ сдѣлать также и народнымъ. Постепенность, говорятъ они, постепенность нужна.

— Господа! возглашаетъ вошедшій во время этого разговора чиновникъ: — не угодно ли вамъ послѣдовать за мною для выслушанія рѣшенія?

— А нельзя ли не выслушивать? замѣчаетъ Аричъ: — вѣдь тамъ, я полагаю, нашего мнѣнія и согласія требовать не будутъ; стало-быть можно бы обойдтись и безъ насъ.

— Нельзя-съ; на все есть своя форма. А вамъ, Карлъ Ивановичъ, присовокупляетъ чиновникъ, обращаясь къ Нѣмцу-гувернеру, предоставляется свобода на всѣ четыре стороны. Вчера изъ Петербурга отъ князя Немицина въ Управѣ получены деньги для удовлетворенія вашего кредитора.

— О, я зналъ, я очень хорошо зналъ, что князь меня вспомнитъ. Князь добрый человѣкъ, такой славный мальчикъ былъ; мы съ нимъ все Шиллера читали.

— Вспомнитъ ли насъ графъ Иванъ Ѳедоровичъ? прибавляетъ Сулаевъ, натягивая сюртукъ на свои могучія плечи.

— Вѣрно уже давнымъ давно забылъ, отвѣчаетъ Шбенкель, и все почтенное общество выходитъ изъ комнаты.

Предчувствую, что читатель останется недоволенъ окончаніемъ моего разсказа и, моможетъ-быть, спроситъ: что же сталось съ Широковымъ, съ Мурзановымъ, съ графомъ?

Ежели, мой снисходительный читатель, я не надоѣлъ вамъ, то потрудитесь прочесть еще страничку, гдѣ получите на предлагаемые вами вопросы удовлетворительный отвѣтъ.

Мурзановъ приказалъ долго жить, оставивъ наслѣдственное и благопріобрѣтенное какимъ-то троюроднымъ племянникамъ. Онъ умеръ въ деревнѣ, на шестьдесятъ-пятомъ году отъ рожденія, какъ гласитъ надпись на великолѣпномъ памятникѣ, — умеръ въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, выражаясь оффиціяльнымъ слогомъ, послѣ кратковременной, но не тяжкой болѣзни, отъ апоплексическаго удара.

Графъ тоже окончилъ свою многотрудную, дѣятельную жизнь. Историческая достовѣрность требуетъ однакожь добавить, что подъ конецъ своихъ дней онъ сдѣлался очень набоженъ и

богомоленъ, началъ ѣздить по монастырямъ. Это иногда случается...

Объ участи Широкова пусть лучше отвѣчаетъ письмо его матери, нечаянно мнѣ доставшееся:

«Итакъ свадьба твоя, милый Сережа, назначена на 29-е. Буду молиться объ васъ въ этотъ день. Образъ Спасителя при семъ посылаю, а съ нимъ также и мое благословеніе. Ты можешь себѣ вообразить, какъ всѣмъ намъ хотѣлось бы пріѣхать въ Москву, попировать у тебя; но долгъ, и при томъ самый священный долгъ, прежде всего. Въ послѣднемъ письмѣ ты съ первыхъ же словъ — это дѣлаетъ тебѣ честь — спрашиваешь о здоровьѣ Ивана Семеновича. Каждый день, каждый часъ хуже и хуже; таетъ и гаснетъ, какъ свѣча. Докторъ вчера рѣшительно объявилъ мнѣ, что врядъ ли промаячитъ еще недѣлю. Такъ грустно, такъ грустно!... Каждый изъ насъ съ радостью готовъ бы уступить половину своей жизни, но, что дѣлать! судьбы Божіи неисповѣдимы! А старикъ твердитъ свое: что онъ пожилъ довольно, дѣлалъ, что̀ могъ, и умираетъ съ спокойною совѣстью (еще бы!). Надо быть здѣсь, чтобъ понять, какъ онъ любимъ всѣми, и какъ

всѣ чувствуютъ и понимаютъ, кого лишаются. Съ утра до глубокой ночи, несмотря на рабочую пору, дворъ Ивана Семеновича полонъ народу. Крестьяне толкутся, все желая узнать: не полегче ли, и удаляются со слезами. Замѣть при этомъ, что въ числѣ посѣтителей, выключая всѣхъ своихъ, большая часть крестьянъ не принадлежитъ Ивану Семеновичу. Есть очень много приходящихъ издалека, изъ другихъ уѣздовъ. У Сонечки отъ слезъ глаза опухли; а мужъ ея, Анатолій, получилъ даже отъ начальства замѣчаніе за то, что, по случаю болѣзни общаго нашего друга и благодѣтеля, манкировалъ присутствіемъ, чего прежде за нимъ никогда не водилось. Такъ вотъ, милый мой Сережа, какія дѣла у насъ происходятъ: одной половиной души полетѣла бы къ вамъ, другая же прикована здѣсь; а души-то пополамъ не раздѣлишь. Да притомъ, какъ разсудила, что вы, благодаря Всевышнему, и здоровы, и веселы, и счастливы, такъ и рѣшилась ужь лучше остаться у постели больнаго. Оленьку за меня разцѣлуй; впрочемъ, это съ моей стороны, я думаю, лишнее порученіе. Всѣ наши тебѣ кланяются и цѣлуютъ. Иванъ Семеновичъ, при объявленіи ему о твоей свадьбѣ,

улыбнулся, перекрестился и велѣлъ приписать въ моемъ письмѣ, чтобъ ты никогда впередъ не забывалъ рожденья будущей твоей жены. Это ужь для меня что-то и непонятно.

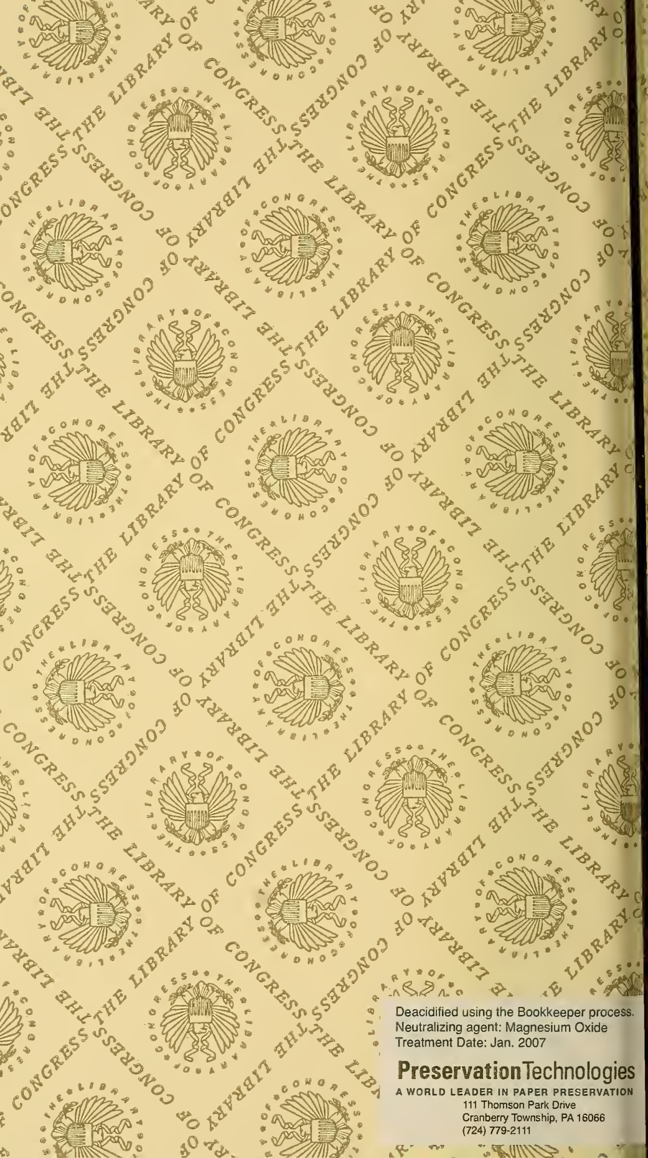
«Прощай, будь здоровъ! авось, Богъ дастъ, скоро увидимся. Мать твоя Л. Ш.»

W 24

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS
00025255574